

Н. ОГНЕВЪ

ДНЕВНИКЪ
КОСТИ
РЯБЦЕВА

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
А. ПОВОЛОЦКІЙ
13, RUE BONAPARTE
P A R I S

**“БИБЛИОТЕКА НОВѢЙШИХЪ
ПИСАТЕЛЕЙ”.**

М. Зощенко. — “Нервные люди”	5 фр.
Его-же — “Веселые рассказы”	5 фр.
Его-же — “Уважаемые граждане” ...	15 фр.
Бабель. — “Исторія моей голубятни”	5 фр.
Б. Лавреневъ. — “Сорокъ первый”	7.50
Сейфулина. — “Линюхина Степанида”	3.50
А. Толстой. — “Василій Сучковъ”	5 фр.
В. Катаевъ. — “Растратчики”	15 фр.
О. Форшъ. — “Тата и Аллочка”	3.50
В. Катаевъ. — “Меня бабы любятъ”	2.50
Огневъ. — “Дневникъ Кости Рябцева”	17.50
Слезкинъ. — “Разными глазами”	15.—
А. С. Пушкинъ. — “Гавриліада”.	

Отпечатано на голландской бумагѣ въ
ограниченномъ количествѣ номеро-
ванныхъ экземпляръ. **Цѣна** 15 фр.

Фридлендеръ. — “Передъ закрытой дверью”
(книга нашумѣвшая въ Сов. Россіи
запрещенная тамъ цензурой). 20. фр.

Барлемъ (Иби-Али-Бей) “Ачи” и др.
рассказы изъ воспоминаній факира .. 7.50

Складъ изданія означенныхъ книгъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ и ИЗДАТЕЛЬСТВО

Я. Е. ПОВОЛОЦКІЙ и К-о.

13, rue Bonaparte въ Парижѣ.

Н. ОГНЕВЪ

**ДНЕВНИКЪ
КОСТИ РЯБЦЕВА**

**ПАРИЖЪ
1927.**

Imp. Scientifique et Commerciale.
4, rue **Félix-Faure**, **PARIS (XVe)**

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ

Дневникъ Кости Рябцева изображаетъ быть настоящей совѣтской школы, какъ онъ есть, со всѣми его достоинствами и недостатками. Появленіе книги въ печати вызвало въ литературной критикѣ толки весьма различные. Одни восторгались тѣмъ здоровымъ творческимъ духомъ, повѣявшимъ въ новой школѣ, другіе же, наоборотъ, склонны были видѣть въ “Дневникѣ” страшную картину дѣтской деморализаціи и чуть ли не пасквиль на совѣтскую школу. Каждый видѣлъ въ книгѣ то, что ему хотѣлось видѣть.

Переиздавая “Дневникъ” для зарубежнаго читателя, мы приводимъ здѣсь небольшую выдержку изъ отзыва извѣстнаго критика М. Осоргина, напечатаннаго въ “Послѣднихъ Новостяхъ” (№ 2290).

“Вотъ книга, — пишетъ г. Осоргинъ, — которую слѣдуетъ прочесть всякому, кто не относится пассивно къ будущему Россіи и кто хочетъ понять ея молодежь”.

“Дневникъ” рассказываетъ много событій и сценъ изъ школьной жизни, способныхъ ужаснуть и привести въ отчаяніе внимательнаго наблюдателя: хулиганство, воровство, эксцессы полового характера, недопустимая безграмотность. Все это было бы страшно, если бы попутно не чувствовалась упрямая борьба за новую школу, за новыхъ людей, если бы эти рѣшительные и рискованные опыты, губя единицы, не обѣщали дать грядущимъ поколѣніямъ то, чего не могла имѣть школа стараго типа. Какъ и вся русская жизнь, жизнь школьная полна трагизма и исканій; она подобна переходу черезъ бурный потокъ, когда еще не найденъ бродъ и не перекинуты мосты. При гигантскихъ перспективахъ — трагическій ужасъ опыта надъ дѣтскими душами. Какъ бы дѣло ни обстояло, и эти опыты, и картины школьной жизни, и образцы дѣтскихъ душъ полны интереса глубочайшаго.

Эмигрантамъ, не знавшимъ Россіи эпохи перелома, трудно понять красоту души совѣтскаго мальчика, комсомольца, проникнутаго героизмомъ эпохи борьбы и новаго творчества. Внѣшніе его стремленія смѣшны, наивны и даже какъ бы извращены. Его зовутъ Константиномъ, и ему непременно хочется перемѣнить свое имя на Владленъ (Владиміръ Ленинъ), т. к. "Константинъ былъ такой турецкій царь, который завоевалъ городъ Константинополь, а я плевать на него хотѣлъ съ шестнадцатаго этажа". Но подо всей этой внѣшней чепухой и неразберихой чувствуется здоровое и сознательное отношеніе къ жизни, зародышъ зрѣлой гражданственности и прочной самодисциплины. Какъ ребенокъ, онъ дерзко и презрительно относится къ дѣвченкамъ и способенъ поддаваться соблазнамъ ("капустники"), но въ глубинѣ души въ немъ чувствуется рыцарь и другъ будущей женщины, не кавалеръ, а старшій и сильный товарищъ. И тѣ силы, которыя онъ сейчасъ бросаетъ на навязанныя и подсказанныя ему заданія, — онъ, развивъ ихъ въ процессѣ духовной надъ собой работы, сможетъ съ тою же горячностью и искренностью бросить на настоящее строительство. Прежній ребенокъ, напичканный превосходными идеями официальнаго добра и обязательной человѣчности, грамотный, знавшій исторію и разбиравшійся въ литературѣ и ея идейныхъ теченіяхъ, давалъ гнилое поколѣніе, такъ какъ, при столкновеніи съ жизнью, заученныя идеи его летѣли прахомъ; на немъ какъ бы лежало проклятіе поколѣній, изживость вѣры, слабость сопротивленія. Новый типъ ребенка, со школьной скамьи привыкшаго изучать жизнь подлинную, не по книжкѣ, разбираться самостоятельно во всемъ, вплоть до вопросовъ пола (съ ошибками, съ крушеніями, но не одиноко, а соборно), более застрахованъ отъ возможныхъ угрозъ. . Передъ нимъ два выхода: быстрая гибель или приобрѣтеніе моральной некрушимости. Школа жизни жестокая, какъ жестока и вся русская жизнь, страшный отборъ сильныхъ — путемъ гибели слабыхъ. Но не есть ли это единственный вѣрный путь спасенія и поколѣній и самой Россіи?

1923/24 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

ПЕРВЫЙ ТРИМЕСТРЪ

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ.

15 сентября 1923 г.

Уже половина сентября, а занятія въ школѣ еще не начинались. Когда начнутся — неизвѣстно. Говорили, что въ школѣ ремонтъ, а я сегодня утромъ пошелъ въ школу и увидѣлъ, что никакого ремонта нѣтъ, наоборотъ, тамъ и людей никакихъ не было, и спросить было. не у кого. Школа стоитъ растворенная и пустая. По дорогѣ купилъ у какого-то мальчишки за три лимона эту тетрадку.

Когда пришелъ домой, то подумалъ, что дѣлать нечего, и я рѣшилъ писать дневникъ. Въ этомъ дневникѣ я буду записывать разные происходящія событія.

Мнѣ очень хочется перемѣнить имя “Константинъ” на “Владленъ”, а то “Костями” очень многихъ зовутъ. Потомъ Константинъ — это былъ такой турецкій царь, который завоевалъ Константинополь, а я плевать на него хотѣлъ съ шестнадцатаго этажа какъ выражается Сережа Блиновъ. Но вчера я ходилъ въ милицію и тамъ мнѣ сказали что до 18 лѣтъ нельзя. Значить; ждать еще два съ половиной года. Жаль.

16 сентября.

Я думалъ, придется придумать, что писать въ дневникъ; оказывается, сколько угодно найдется. Сегодня утромъ пошелъ къ Сережкѣ Блинову; онъ мнѣ сказалъ, что занятія въ

школъ начнутъ двадцатаго. Но самое главное — это нашъ разговоръ съ Сережкой насчетъ Лины Г. Онъ мнѣ сказалъ, чтобы я не шился съ ней, потому что она дочь служителя культа, и мнѣ, какъ сыну трудящагося элемента, довольно стыдно обращать на себя всеобщее вниманіе. Я ему отвѣтилъ, что, во-первыхъ, я никогда всеобщаго вниманія на себя не обращаю и что Лина мнѣ одноклассница и сидитъ со мной на одной партѣ, и поэтому вполне понятно, что я съ ней шьюсь. Но Сережка мнѣ отвѣтилъ, что пролетарское самосознаніе этого не позволяетъ, и, кромѣ того, по мнѣнію шкрабовъ и всѣхъ бывшихъ учкомовъ, я оказываю (будто бы) на нее вредное вліяніе. Что она намѣсто ученья шатается со мной по улицамъ и вообще можетъ идеологически прогнать. И еще Сережка сказалъ, что всякое шитье съ дѣвчатами, какъ съ таковыми, нужно прекратить, ежели желаешь вступить въ комсомолъ. Я съ Сережкой разругался, пришелъ домой и вотъ теперь пишу въ дневникъ то, что не успѣлъ досказать Сережкѣ. Лина для меня не существуетъ какъ женщина, а только какъ товарищъ да и вообще я на нашихъ дѣвочекъ смотрю отчасти съ презрѣніемъ. Ихъ очень интересуютъ тряпочки да батинки, и еще — танцы, а самое главное — сплетни. Если бы за сплетни сажали въ тюрьму, ни одной дѣвочки въ нашей группѣ не осталось бы. А что мы въ прошломъ году ходили съ Линой въ кино, такъ это потому, что больше не съ кѣмъ было. А Лина такъ же любить кино, какъ и я. Ничего удивительнаго нѣтъ.

Съ нетерпѣніемъ жду открытія школы. Школа для меня все равно что домъ. И даже интереснѣй.

20 сентября.

Школа, наконецъ, открылась. Былъ страшный шумъ и возня. Въ нашей группѣ всѣ старые ребята, а изъ дѣвчатъ прибавилось двѣ. Одна — бѣлобрысая, съ косою и бантомъ вродѣ пропеллера. Ее зовутъ Сильфида, хотя она не заграничная, русская. Дѣвчата сейчасъ же прозвали ее Сильвой. Ея фамилія — Дубинина.

И другая — черная, стриженная, въ черномъ платьѣ и вообще вся черная и никогда не смѣется. Что-нибудь скажешь ей, она сейчасъ же : “Фу, ф-фу, ф-ффу, ф-ф-фу, ф-ф-ф-фу!” — паровозить. Потомъ она все горбатится и ходить какъ тѣнь. Зовутъ ее Зоя Травникова.

27 сентября.

Въ нашей школѣ вводится Дальтонъ-планъ. Это такая система, при которой шкрабы ничего не дѣлаютъ, а ученику самому приходится все узнавать. Я такъ по крайней мѣрѣ тонялъ. Уроковъ, какъ теперь, не будетъ, а ученикамъ будутъ даваться задания. Эти задания будутъ даваться на мѣсяцъ, ихъ можно готовить и въ школѣ и дома, а какъ приготовить — иди отвѣчать въ лабораторію. Лабораторіи будутъ вмѣсто классовъ. Въ каждой лабораторіи будетъ сидѣть шкрабъ какъ опредѣленный спецъ по своему дѣлу: въ математической, на примѣръ, будетъ торчать Алмакфишъ, въ обществовѣденіи — Никпетожъ и такъ далѣе. Какъ пауки, амы — мухи.

Съ этого года мы рѣшили всѣхъ шкрабовъ сократить для скорости: Алексѣй Максимычъ Фишеръ будетъ теперь Амакфишъ. Николай Петровичъ Ожиговъ — Никпетожъ.

Съ Линой не разговариваю. Она хочетъ пересаживаться отъ меня на другую парту.

1 октября.

Дальтонъ-планъ начался. Парты отовсюду вытащили, оставили только въ одномъ классѣ, въ немъ будетъ аудитория. Вмѣсто партъ принесли длинные столы и скамейки. Я съ Ванькой Пѣтуховымъ слонялся цѣлый день по этимъ лабораторіямъ и чувствовалъ себя очень глупо. Шкрабы тоже юка толкомъ не поняли, какъ быть съ этимъ самымъ Далгономъ. Никпетожъ оказался, какъ всегда, умнѣй всѣхъ. Онъ просто пришелъ и далъ урокъ, какъ всегда, только мы сидѣли не на партахъ, а на скамейкахъ. Со мной рядомъ сѣ-

ла Сильфида Дубинина, а Лина совсѣмъ на другомъ концѣ. Ну, и чортъ съ ней! Не очень нуждаюсь.

Сегодня всѣхъ насмѣшила Зоя Травникова. Она начала проповѣдывать дѣвчатамъ, будто покойники встаютъ по ночамъ и являются къ живымъ. А нѣкоторые ребята подошли и прислушались. Вотъ Ванька Пѣтуховъ и спрашиваетъ:

— Что жъ, ты сама покойниковъ видѣла?

— Ну да, видѣла.

— Какіе же изъ себя покойники? — спрашиваетъ Ванька.

— Они такіе синіе и блѣдные, и будто не ѣвши очень долго, и завываютъ.

Тутъ Зоя такую страшную рожу сдѣлала и руками разводитъ. А Ванька говорить:

— Это ты все врешь. По-моему, покойники сѣро-бурмалиновые и хрюкаютъ вотъ такъ: уи, уиии, уиии... — и захрюкалъ поросенкомъ.

Зоя обидѣлась и сейчасъ же зафукала, запаровозила, а ребята расхохотались.

3 октября.

Съ Дальтономъ выходить дѣло дрянъ. Никто ничего не понимаетъ — ни шкрабы, ни мы. Шкрабы все обсуждаютъ каждый вечер. А у насъ только и новаго что скамеекѣ вмѣсто партъ, и книги прятать некуда. Никпетождъ говоритъ, что теперь это и не нужно. Всѣ книги по данному предмету будутъ въ особомъ шкафу въ лабораторіи. И каждыйбудетъ брать какую ему нужно. А пока шкафовъ-то нѣтъ

Ребята говорятъ, что это былъ какой-то лордъ Дальнъ, изъ буржуевъ, и что онъ изобрѣлъ этотъ планъ. Я акъ скажу: на кой намъ этотъ буржуазный планъ? И еще говорятъ, что этого лорда кормили одной гусиной печенкой и студнемъ, когда онъ изобрѣталъ. Посадить бы его насъ-

мушку да на воблу и посмотрѣть! Или по деревнямъ заставить побираться, какъ мы въ колоніи, бывало. А съ гусиной печенки — это всякій изобрѣтетъ.

Сильфида все вертится, и сидѣть съ ней рядомъ неудобно. Я посылалъ ее нѣсколько разъ къ чорту, а она обозвала меня сволочемъ. Я спросилъ у дѣвчатъ ея социальное происхожденіе и узналъ, что она — дочь наборщика. Жалко, что она не буржуйка, а то бы я ей показалъ!

4 октября.

Сегодня было общее собраніе — насчетъ самоуправленія. Разбирали недостатки прошлаго года и какъ ихъ изжить. Главный недостатокъ — это штрафной журналъ. Всѣ учкомы, даже самые лучшие, чуть что, грозятъ штрафнымъ журналомъ. А толку все равно не получается. Въ концѣ концовъ рѣшили штрафнякъ отмѣнить на мѣсяць, попробовать, что изъ этого выйдетъ. Всѣ были очень рады и кричали — ура!

А Зоя Травникова всѣхъ разозлила. Встала и говорить заgrabнымъ голосомъ:

— По-моему, нужно сажать въ темный карцеръ, особенно мальчишекъ. Иначе съ ними не справишься.

Всѣ какъ зазудятъ, какъ засвистятъ! Сначала было общее негодованіе, а потомъ она извинилась и говоритъ, что пошутила. Хороши шутки, нечего сказать! Она вся черная, съ ногъ до головы, и ее зовутъ теперь “Черная Зоя”.

Послѣ общаго было собраніе новаго учкома. Они выбраны на мѣсяць.

5 октября.

Сегодня вся наша группа возмутилась. Дѣло было вотъ какъ. Пришла новая шкрабиха, естественница Елена Никитична Каурова, а по-нашему — Елникйтка. Стала давать задание и говорить всей группѣ:

— Дѣти!

Тогда я всталъ и говорю:

— Мы не дѣти.

Она тогда говорить:

— Конечно, вы дѣти, и по другому я васъ называть не стану.

Я тогда отвѣчаю:

— Потрудитесь быть вѣжливѣй, а то можно и къ чорту послать!

— Вотъ и все. Вся группа за меня, а Елникитка говорить, сама вся покраснѣла:

— Въ такомъ случаѣ потрудитесь выйти изъ класса.

Я отвѣтилъ:

— Здѣсь, во-первыхъ, не классъ, а лабораторія, и у насъ изъ класса не выгоняють.

Она говорить:

— Вы невѣжа.

А я:

— Вы больше похожи на учительницу старой школы, это только онѣ такъ имѣли право.

Вотъ и все. Вся группа — за меня. Елникитка выскочила, какъ ошпаренная. Теперь пойдетъ канитель... Ввяжется учкомъ, потомъ шкрабиловка (общее собраніе шкрабовъ), потомъ школьный совѣтъ. А по-моему, все это пустяки, и Елникитка — просто дура.

Въ старой школѣ надъ ребятами шкрабы измывались, какъ хотѣли, теперь мы этого не позволимъ. Намъ Никпетоужъ вычитывалъ изъ "Очерковъ бурсы", какъ даже взрослыхъ парней драли прямо въ классѣ, у порога, да и самъ читалъ въ разныхъ книжкахъ. какъ зубрить заставляли и давали разныя клички и прозвища ученикамъ. Но тогдашніе ребята и понятія не имѣли о такихъ временахъ, въ которыя намъ пришлось жить. Мы вѣдь перенесли голодъ, холодъ и разруху, намъ и семьи приходилось кормить и самимъ за тысячи верстъ за хлѣбомъ ѣздить, а нѣкоторые въ гражданской войнѣ участвовали. Еще трехъ лѣтъ не прошло какъ война кончилась.

Послѣ скандала съ Елникиткой я обо всемъ этомъ задумался и для разъясненія и провѣрки своихъ мыслей хотѣлъ говорить съ Никпетожемъ, но онъ былъ занятъ — вся лабораторія была полная. Тогда я пошелъ въ математическую къ Алмакфишу и выложилъ ему то, что я думалъ про нашу жизнь. Алмакфишъ отвѣтилъ мнѣ непонятно. Онъ мнѣ сказалъ, что все, что мы пережили, доказываетъ количественно — изобиліе эпохи, а качественно стоитъ по ту сторону добра и зла.

Я не это совсѣмъ и думалъ, я хотѣлъ только ему доказать, что съ нами не имѣютъ права обращаться какъ съ дѣтьми или съ пѣшками, но мы съ нимъ не договорили потому, что тутъ же ребята пришли его спрашивать насчетъ математики. А Алмакфишъ зачѣмъ-то завелъ про добро и зло. Мнѣ такъ кажется, что ни зла, ни добра не существуетъ; вѣрнѣй, что зло для одного — для другого можетъ быть добромъ и наоборотъ. Если лавочникъ наживаетъ сто процентовъ на товарѣ, это для него добро, а для покупателя зло. Такъ по крайней мѣрѣ изъ политграмоты видно.

6 октября.

Ну, и навалили заданийъ... За мѣсяцъ, даже меньше, т.-е. къ 1 октября нужно прочитать уйму книгъ, написать десять докладовъ, діаграммъ начертить восемь штукъ, да еще устно умѣть отвѣчать, т.-е. даже не отвѣчать, а разговаривать по пройденному. У каждаго ученика свое задание. Да, кромѣ того, нужно еще проработать задания по физикѣ, химіи и электротехникѣ — практически. А это — цѣлую недѣлю торчать въ физической лабораторіи. Сегодня меня и Сильфиду вызывали въ учкомъ. А въ учкомѣ сидитъ Сережка Блиновъ и еще другіе. Оказывается, она на меня насплетничала, что я ее ругаю всякими словами, какъ въ очередяхъ. Ничего подобного не было. Когда вышли, я ее дернулъ за бантъ, она заревѣла — и драла. Нѣтъ, съ дѣвчатами рядомъ сидѣть — интеллигентщина. Завтра пересяду.

7 октября.

На шкрабиловкѣ рѣшили передать наше дѣло съ Елникиткой на школьный совѣтъ и предложили разобрать дѣло общему собранію. Общее собраніе будетъ завтра. Чѣмъ кончится — неизвѣстно, только мы не позволимъ называть себя дѣтьми.

Сегодня вышелъ первый номеръ стѣнгазеты — “Красный Ученикъ”. Сначала всѣ заинтересовались, а потомъ оказалось, буза. Статейки скучныя. Написано все про ученье и чтобы вести себя хорошо. Въ редакціонной комиссіи — Сережка Блиновъ и еще другіе.

Получилъ записку: “Ты напрасно интересничаешь, всѣ дѣвчата не хотятъ имѣть съ тобой ничего общаго”. Я и не знаю, какъ это интересничаютъ. Навѣрное — Лина. Она подружилась очень съ этой новой дѣвчонкой, Черной Зоей, и онѣ постоянно сидятъ у печки и шушукуются. Даже тогда, когда всѣ играютъ, онѣ торчатъ у печки. Имъ, навѣрно, очень хочется, чтобы кто-нибудь къ нимъ прилѣзъ, а мальчишки и вниманія на нихъ не обращаютъ. Очень нужно! Черную Зою прозвали еще “фашисткой” потому, что фашисты тоже постоянно въ черномъ ходятъ. А она и не понимаетъ, хотъ и злится. Вообще наши дѣвчата разбираются въ политикѣ меньше, чѣмъ ребята.

8 октября.

Я только что изъ школы. Сейчасъ кончилось общее собраніе, на которомъ разбирали мое дѣло съ Елникиткой. Умнѣй всехъ говорилъ Никпетождъ. Онъ сказалъ, что все это — пустяки, что каждый школьный работникъ долженъ умѣть подходить, а у Елены Никитичны подходъ еще не выработанъ а выработается потомъ. А про меня шкрабы говорили, что я грубый парень и что на меня нужно оказывать моральное воздѣйствіе. А Зинаидища или Зинь-Пална — это наша завѣдующая — сказала, что я глубокой мальчикъ, но не умѣю сдерживать своихъ инстинктовъ. Какъ это ихъ сдерживать,

я не знаю, а вотъ когда она называетъ меня мальчикомъ — терпѣть не могу! Но съ Зинаидищей спорить трудно: въ случаѣ чего, позоветъ въ учительскую — и давай отчитывать. Послѣ такой отчитки киснешь цѣлый день. Дальше про общее собраніе: ни съ того, ни съ сего выступида Фашистка, Зоя Травникова, и говоритъ, что со мной сладу нѣтъ, что я къ дѣвчатамъ пристаю и прочее. Тутъ я обозлился страшно. Во-первыхъ, я съ ней и слова не сказалъ, а, во-вторыхъ, она никакихъ доказательствъ представить не можетъ. И вся наша группа на нее зашикала, потому что это противъ всякихъ группныхъ правилъ — доказывать на своего же товарища на общемъ собраніи. Въ концѣ голосовали, что я долженъ передъ Елникиткой извиниться, а я сказалъ, что пусть раньше она извиняется, что назвала насъ дѣтьми. Теперь дѣло пойдетъ въ школьный совѣтъ. Я такъ думаю, что Елникитка будетъ засыпать меня по естественной, вотъ и все.

Домой мы шли съ Ванькой Пѣтуховымъ, и Ванька говоритъ, чтобы я не поддавался и что поддаваться — хуже. Ванька торгуетъ папиросами, а патента у него нѣту. Старшій мильтонъ гоняѣ-гоняѣ Ваньку съ угла, а Ванька все не поддавался, и теперь мильтону надоѣло, и Ванька торгуетъ сколько хочетъ. А ему безъ торговли нельзя, потому что у него больная тетка и сестра, а работникъ онъ одинъ, да еще учиться нужно. Хорошо, что у меня отецъ — портной, и я у него одинъ, а то бы тоже пришлось торговать папиросами.

10 октября.

Сегодня въ аудиторіи Елникитка объясняла заданіе, а Сильва сидѣла со мной рядомъ, на одной партѣ, и все вертѣлась, а я ее нечаянно задѣлъ локтемъ, и тогда Сильва завизжала. Елникитка спрашиваетъ, что такое, и Сильва, конечно, насплетничала. Елникитка сказала, что я хулиганъ, а я спросилъ у нея, что такое “хулиганъ” и какъ надо понимать это слово, а она объяснить толкомъ не могла. Потомъ я спросилъ у Никпетожа, что такое “хулиганъ”. Оказывается, хули-

ганъ, это такой человекъ, который причинять зло другому без всякой пользы для себя. А какое же зло я причинилъ Сильвѣ? Что жъ, я въ кашу ей наплевалъ, что ли?

11 октября.

Сегодня вышла неизвестно откуда новая стѣнгазета "ИКС". Въ этомъ "ИКС-ѣ" всѣ проташены: и шкрабы, и Дальтонъ, и дѣвчата, которыя тайкомъ танцуютъ, а самое главное — "Красный Ученикъ".

Лабораторіи такъ и стоятъ съ самаго начала пустыя. Правда, въ обществовѣдѣніе взяли изъ школьной библіотеки всѣ книжки по политграмотѣ, а въ естествовѣдѣніе перенесли аквариумъ и коллекціи, да только и всего. А по-настоящему надо, чтобы въ каждой лабораторіи былъ полный подборъ книгъ и пособій по данному предмету. Тогда ученикъ можетъ свободно распоряжаться и дѣйствительно готовить заданія.

12 октября.

Во время обѣденнаго перерыва мы играли въ залѣ въ лапоть. А лапоть — это такая зимняя игра, вродѣ футбола. У насъ подъ лѣстницей хранится лапоть, который мы вытаскиваемъ, когда нужно играть. Всѣ становятся въ кружокъ и начинаютъ этотъ самый лапоть изо всей силы ногами, чтобы вышибить изъ угла. А въ серединѣ стоитъ одинъ, кто ловить лапоть. Если поймалъ, лапоть можетъ становиться на мѣсто того, кто послѣдній ударилъ. Вотъ мы играли-играли, лапоть леталъ аэропланомъ, какъ вдругъ я наподдалъ, лапоть вылетѣлъ изъ круга — и прямо по лицу Зинаидищѣ; она въ это время входила въ залъ. Вотъ она обозлилась-то! Сейчасъ же топнула ногой, это у нея такая привычка, и кричить:

— Прошу перестать! Кто это сдѣлалъ? — Всѣ замолчали. Тутъ она и давай говорить жалкія слова: — Я думала, что у насъ въ школѣ еще поддерживается это правило, что виновный сознается самъ и что если онъ не сознается, значить трусь... — и тому подобное.

Я не выдержалъ и спрашиваю:

— Конечно, виновный долженъ сознаться, только въ чемъ же онъ виноватъ?

— А виноватъ въ томъ, — отвѣчаетъ Зинаидище, — что позволяетъ себѣ слишкомъ рѣзкія движенія и не считается съ возможностью всякихъ поврежденій.

Тогда я сказалъ, что это я. Зинаидища подошла ко мнѣ, схватила за руку и говорить:

— Пойдемъ.

Тутъ на меня нашло какое-то оцѣпененіе, и я пошелъ за ней въ учительскую. Какъ примется она меня пилить! Я этого хуже всего не люблю. Я и сказалъ ей:

— На что же тогда самоуправленіе, если шкрабы во все вмѣшиваются и все время дѣлаютъ выговоры? Обратитесь въ учкомъ, онъ меня и подтянетъ.

А она отвѣчаетъ:

Вы прежде всего должны помнить, что вы еще не чловѣкъ, а только личинка. Вы не можете отвѣчать за свои поступки.

И опять пошла чистить на всѣ корки.

Когда я отчистился, “лапотъ” уже кончился и обѣденный перерывъ тоже. Если бы я былъ друженъ съ Сережкой Блиновымъ попрежнему, пошелъ бы къ нему поговорить насчетъ самоуправления и шкрабовъ. А теперь не съ кѣмъ. Развѣ съ Ванькой Пѣтуховымъ?.. Я уже давно собирался записаться въ ячейку, да ячейка у насъ очень бездѣльна; она вполнѣ бы могла отбавить форсу у шкрабовъ, а ни во что школьное не вмѣшивается; засѣданія ячейки для всѣхъ открыты но на нихъ такъ скучно, что никто изъ безпартійныхъ не ходитъ. Все только политика да производство: вродѣ скучнаго урока. А когда кто-нибудь изъ ребятъ возьмется сдѣлать докладъ, то просто засыпаешь.

13 октября.

Былъ школьный совѣтъ. Разбирали мое дѣло съ Елникиткой, и Зинаидища тоже взялась и рассказала про лапотъ.

Постановлено на меня оказывать моральное воздѣйствіе. Никпетожъ отвелъ меня въ пустую лабораторію и сталъ со мной разговаривать. Только онъ ни слова не сказалъ про мой характеръ, а все толковалъ про Дальтона. Онъ говоритъ, что учителя смотрятъ на преподаваніе не такъ, какъ встарину. Раньше смотрѣли такъ, чтобы какъ можно скорѣе набить ученику голову всякой всячиной, а когда ученикъ кончитъ школу, все у него съ головы въ два счета вылетало. Однимъ словомъ, надо было наполнить пустой сосудъ, а что въ него можетъ влиться это имъ было наплевать съ шестнадцатаго этажа. А теперь на ученика смотрятъ, какъ на костеръ, который только разжечь, а дальше ужъ самъ горѣть будетъ. Вотъ для этого и вводится Дальтонъ-планъ, чтобы сами ученики какъ можно больше работали головой.

Я сказалъ, что это очень трудно, и, навѣрно, никто не сдастъ зачетовъ къ 1 ноября. А Никпетожъ говоритъ, что это неважно, и что въ концѣ концовъ всѣ поймутъ пользу Дальтона. Я пока что не понимаю. Потомъ я его спросил, какъ по его мнѣнію, — хулиганъ я или нѣтъ.

Онъ сказалъ, что по совѣсти этого не думаетъ, а что рѣзкость у меня есть, которая потомъ, съ годами, пройдетъ. Когда я ушелъ отъ Никпетожа, мнѣ стало очень весело, и я съ пѣніемъ пошелъ къ Елникиткѣ извиняться. Подошелъ къ естественной лабораторіи, а оттуда какъ выскочить Елникитка, какъ начала меня крыть: и что я самъ не занимаюсь, и другимъ не даю, и всякое такое прочее. Я обидѣлся, показалъ ей кукишъ и ушелъ. Теперь опять потянетъ на школьный совѣтъ. И отца опять вызовутъ Чортъ съ ними!

По-моему, Елникитка ни капельки не разжигаетъ костеръ, а скорѣе его гасить.

Мнѣ опять прислали записку:

“Хотя въ тебя влюблена одна д., ты не думай, что ты очень интересный. И надо бросить ругаться, а то съ тобою разговаривать не хотятъ”.

По-моему — опять Лина.

15 октября.

Вчера было воскресенье, и я пошелъ съ Сильвой въ кино. Почему я пошелъ именно съ Сильвой — а потому, что, оказывается, у нея есть возможность доставить контрамарки. Была картина “Островъ разбитыхъ кораблей”. Еще въ фойе я замѣтилъ Лину и Черную Зою; онѣ очень подружились между собой и постоянно шушукаются. И вдругъ послѣ картины Лина подходитъ ко мнѣ и говорить:

— Поди-ка сюда на минутку.

Я пошелъ, а Сильва сейчасъ же ушла домой. Тогда Лина говоритъ:

— Хотя ты со мной и не разговариваешь, но я тебѣ должна сказать, что, можетъ быть, ты меня скоро перестанешь видѣть. А потомъ передай своей Сильвѣ, что я ее не-нав-вижу!

Я повернулся, прошелъ мимо Черной Зои, а она стояла, какъ статуя. Чего онѣ ко мнѣ лѣзутъ?

20 октября.

У насъ все экскурсіи: то на фабрику то въ музей. Писать некогда.

22 октября.

“ИКС” все выходитъ, и никто не можетъ узнать, кто его пишетъ. По-моему — старшія группы. А теперь еще пошло по рукамъ, только со строгимъ предупрежденіемъ, чтобы не засыпаться шкрабамъ, “П—К—Х”. Это значить: “Приложеніе к Х, то-есть къ “Икс-у”. Въ этомъ “П—К—Х” всякая похабщина, смѣшная до чортиковъ.

23 октября.

Какимъ-то образомъ “П—К—Х” засыпался Никпетожу. Никпетожъ пришелъ и давай размазывать про любовь и про отношенія мужчины и женщины, точно мы сами не знаемъ.

Меня, однако, поразило то, что онъ сказалъ, будто любовь — цвѣтушій садъ, а тотъ, кто занимается похабщиной, тотъ въ этотъ садъ гадить. Володька Шмерцъ еще переспросилъ:

— Неужели правда, что цвѣтушій садъ?

А Никпетожъ отвѣтилъ, что да, да еще какой: сіяющій, яркій и золотой и серебряный. Ребята хихикали, дѣвчата на нихъ шикали, а Черная Зоя, Фашистка, встала и говоритъ:

— И кромѣ того — любовь бываетъ до гроба.

Никпетожъ ее спрашиваетъ:

— То-есть какъ до гроба?

А она:

— И не только до гроба, а даже послѣ гроба. Я, — говоритъ, — знала одного человѣка, который любилъ мертвую дѣвушку.

И рожа при этомъ у ней сдѣлалась страшная, словно она сама мертвецъ, даже ребята перестали хихикать. А Никпетожъ сказалъ, что это уже не естественность и что мертвое тѣло такъ быстро разлагается и превращается въ землю, что ни о какой любви къ мертвецамъ не можетъ быть и рѣчи.

24 октября.

Скоро сдавать зачеты за октябрь, а у меня еще ничего не готово. Проклятый Дальтонъ! — словно ватой голова набита. Я не предполагалъ, что такъ трудно заниматься въ одиночку.

25 октября.

У насъ появилась новая стѣнгазета, которую издаетъ "общественный коллективъ младшихъ группъ, и она называется "Катушка". Этой газетой сразу всѣ заинтересовались, потому что она объявила анкету: "Можетъ ли въ нашей школѣ дѣвочка дружить съ мальчикомъ?" Я списалъ тѣ отвѣты, которые были вывѣшены на стѣнкѣ, рядомъ съ газетой:

1. Если сойдутся характерами, то могутъ.
2. Дѣвочка не можетъ дружить съ мальчикомъ, потому

что у мальчиковъ и у дѣвочекъ совсѣмъ другія убѣжденія и интересы. (Это писала Фашистка).

3. Я думаю, что можно, только не со всѣми. У насъ въ школѣ такъ бывало. Но стоитъ только появиться хорошему отношенію, какъ со всѣхъ сторонъ несутся насмѣшки и поневолю заставляютъ прекратить. Все понимаютъ въ иномъ освѣщеніи.

4. Нѣтъ. Дѣвочки — духъ противорѣчія. (Это написалъ я.)

5. Можно, если бы нѣкоторые дѣвочки не такъ презрительно относились къ мальчикамъ, отчего подрываютъ отношенія остальныхъ дѣвочекъ къ послѣднимъ.

6. Отвѣтить на этотъ вопросъ все-таки трудно. Я, напримѣръ, понимаю дружбу двояко. Во-первыхъ, у мальчиковъ и у дѣвочекъ должна быть коллективная, общая дружба, и по-моему она возможна. Но есть вторая дружба, это дружба отдѣльныхъ лицъ, которые какъ - то сходятся между собой, и у нихъ появляется дружба. И эта дружба можетъ быть между мальчикомъ и дѣвочкой, но, конечно, не у всякаго мальчика со всякой дѣвочкой, и наоборотъ. Въ общемъ дружба есть что-то хорошее и высокое, къ чему мы не должны отрицательно относиться.

7. По-моему, въ теперешнее время не можетъ, такъ какъ всякая дружба въ концѣ концовъ сведется къ болѣе сильному чувству съ той или другой стороны. (Это писала Лина, я видѣлъ.).

26 октября.

Произошелъ серьезный случай.

Зою Травникову давно уже окрестили “Черной Зоей” и “Фашисткой”, и никто на это не обращалъ никакого вниманія. только она обижалась. Но вотъ сегодня въ аудиторіи Никпетоужъ разсказалъ намъ про Муссолини и фашистовъ во всѣхъ подробностяхъ — и какъ чернорубашники брали Римъ, и какъ они потомъ расправлялись съ коммунистами.

Во время обѣденнаго перерыва мальчишки сговорились между собой, окружили Зою и начали пѣть:

Мы фашистовъ не боимся, пойдемъ на штыки...

Зоя сначала заревѣла, потомъ начала драться, а мы только смѣялись. Какъ вдругъ Зоя трахнется на полъ. Мы сейчасъ же пѣть перестали, подходимъ къ ней, а она — какъ мертвая. Лицо блѣдное, зубы сжаты. Всѣ испугались, побѣжали за водой и давай ее спрыскивать. А она все не приходитъ въ себя. Тутъ прибѣжала Елникитка, она была дежурная, стала на насъ ругаться, велѣла изъ аптечки принести нашатырнаго спирта. Мы принесли. Елникитка дала ей понюхать; тогда Зоя какъ будто стала приходиться въ себя. Тутъ Елникитка опять напустилась на насъ и всѣхъ разогнала.

Послѣ этого Никпетождъ какъ руководитель нашей группъ собралъ всѣхъ въ аудиторію, и было собесѣдованіе насчетъ кличекъ. Сначала выяснили, какія у кого клички. У дѣвочки оказалось у каждой по нѣсколько кличекъ, у ребятъ — меньше. Одну изъ дѣвчатъ зовутъ Собака, Кишка, Грымза, Капуста. Долго спорили, потомъ рѣшили такъ: кто заявитъ протестъ противъ своей клички, того такъ больше не звать. Сейчасъ же всѣ дѣвчата зашумѣли и одна за другой требовали, чтобы ихъ кличками не звать. Все это было записано.

Только, по-моему, все это — интеллигенщина. Вотъ меня зовутъ Козломъ, и я нисколько не обижаюсь.

27 октября.

У насъ организованъ отрядъ “юныхъ пионеровъ”. Нужно давать торжественное обѣщаніе, потомъ ходить кругомъ зала съ маршировкой, потомъ не курить и всякое такое. Записались всѣ любители пофорсить. А, по-моему, это для маленькихъ — красные галстуки носить. А я лучше подожду, когда примутъ въ комсомолъ. По убѣжденію я — коммунистъ.

А Зоя и Лина не записались въ піонеры потому, что “піонеры — противъ Бога”. Онѣ такъ между собой говорятъ и съ другими дѣвчатами. Онѣ обѣ — дуры несознательныя, потому что міръ произошелъ отъ клѣтки, и это можно вполне доказать, а вовсе не отъ Бога. Во время объясненія заданія на ноябрь обязательно спрошу у Елникитки насчетъ Бога. Она какъ естественница должна объяснить всѣ подробности.

29 октября.

Разговоръ съ Сережкой Блиновымъ. Онъ мнѣ говоритъ:

— Вотъ я хотя и въ учкомѣ, а все-таки считаю наше самоуправленіе плохимъ. Какое же это самоуправленіе, если всѣ мы должны дѣлать по указкѣ шкрабовъ. Многое взято изъ старой школы. Напримѣръ, обязательное здорованье. Каждый изъ учениковъ, встрѣтившись со шкрабомъ въ первый разъ за день, долженъ поздороваться. Это неправильно: а если ученику не до здоровья. Или вотъ тоже вставанье учениковъ при входѣ шкраба въ классъ. Правда, у насъ это не имѣетъ большого значенія, потому что и классовъ нѣтъ, а аудиторіи бываютъ рѣдко.

Я съ нимъ согласился. Тогда Сережка спросилъ, буду ли я его поддерживать, если онъ выступитъ противъ такой формы самоуправления. Я сказалъ, что буду. Вѣдь и вѣрно, никакого самоуправления, по правдѣ, нѣтъ. Если учкомъ что-нибудь постановитъ, то это постановленіе сначала идетъ на шкрабиловку, потомъ на школьный совѣтъ — и только тогда приобретаетъ настоящую силу, когда школьный совѣтъ утверждаетъ. Или, напримѣръ, любой изъ шкрабовъ имѣетъ право пилить ученика сколько хочетъ. Со мной сколько такихъ случаевъ было.

30 октября.

Сегодня опять былъ обморокъ съ Черной Зоей. Она по обыкновенію сидѣла около печки съ Линой, потомъ онѣ поссорились. что ли, и вдругъ Зоя — трахъ на полъ. Опять при-

ташили воду, нашатырь; насилу оттерли. Зинаидища вызвала Зою въ учительскую и долго съ ней говорила. Странная дѣвчина, эта самая Зоя. По-моему, она очень много думаетъ насчетъ мертвецовъ, оттого и въ обморокъ падаетъ.

31 октября.

Завтра начало сдачи зачетовъ. Вчера просидѣлъ всю ночь, и сегодня тоже придется. Самое скверное то, что книгъ нѣту. Въ лабораторіяхъ и въ библіотекѣ разобрали ребята — тоже готовятся. Откуда же взять?! Покупать — денегъ нѣту. Сегодня буду чертить діаграммы по обществовѣднію.

Все-таки напрасно у насъ въ школѣ ввели Дальтона.

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ.

1 ноября.

Конечно, я засыпался по математикѣ, по физикѣ, а по естественной даже и не пробовалъ славать зачетъ. Оказывается, это будетъ называться “задолженность”. Когда сдамъ, тогда и ладно. А до тѣхъ поръ крестикъ не поставятъ. Мнѣ все-таки неловко: у насъ больше половины группы сдали всѣ зачеты. Никпетожу я, конечно, сдать. И діаграммы представилъ.

Начинаютъ готовиться къ октябрьскимъ торжествамъ. Меня выбрали въ комиссію, а кромѣ меня — изъ нашей группы Сильфиду Д.

3 ноября.

Мы рѣшили какъ слѣдуетъ разукрасить все зданіе школы зеленью и флагами. Шкрабы сказали, что они вмѣшиваться не будутъ, а мы сами должны все дѣлать. Это — Вася, безъ шкрабовъ куда хлеще. Сильва, оказывается, не такая дура и интиллегентка, какъ я думалъ. Танцовать она не любитъ, а бантъ носить пропеллеромъ потому, что мать велитъ. Я ей

посовѣтовалъ не обращать вниманія, а она отвѣтила, что любить мать и потому ее слушается. Вотъ этого я немножко не понимаю — противъ убѣжденія носить бантъ. Я бы нипочемъ не стала носить бантъ, хотя папаньку очень уважаю и люблю.

Завтра поѣдемъ за елками за городъ. Ура!

5 ноября.

Почти все готово. Устроили иллюминацію въ видѣ красной звѣзды надъ самымъ параднымъ. Всѣ лабораторіи и залъ и аудиторію украсили флагами и елками. Всѣ хвалятъ, и мнѣ пріятно.

7 ноября.

Всѣ ушли на демонстрацію, даже папанька, а я — дома. Лежу въ постели и нисколько не могу ходить. Вчера полѣзъ на крышу параднаго укрѣплять надпись “Да здравствуютъ Совѣты”, да и ссыпался оттуда и вытянулъ себѣ жилу на ногѣ. Было страшно больно, теперь ничего, только даже встать не могу. А Сильва тамъ же, на тротуарѣ, меня разула и стала растирать ногу. Сначала я брыкался, потомъ ничего. Даже вродѣ какъ пріятно. Потомъ она же позвала Ваньку Пѣтухова и другихъ, нашла гдѣ-то носилки, и меня стащили домой. Значитъ и дѣвочки могутъ быть хорошими товарищами?! Это надо замѣтить и поговорить на этотъ счетъ съ Ванькой Пѣтуховымъ. Теперь отъ нечего дѣлать буду писать про всѣхъ.

Ванька Пѣтуховъ — очень хитрый. 1 ноября всѣ пошли сдавать зачетъ по математикѣ Алмакфишу, а сдавать зачеты — когда хочешь можно. Вотъ Ванька и не пошелъ. А потомъ узналъ, какія Алмакфишъ теоремы спрашиваетъ больше всего, и пошелъ сдавать 3-го—и сдалъ. Такъ же и съ другими предметами. И теперь у Ваньки “задолженности” совсѣмъ не осталось. А я такъ не могу. По-моему, изъ этого никогда костра не выйдетъ. Нужно самому все пройти по-настоящему, тогда и въ головѣ останется. И вообще всѣ ребята, стоя около ла-

бораторій, шепчутся: “Что спрашиваетъ, что спрашиваетъ”. Совсѣмъ какъ на экзаменахъ. Форменная старая школа.

Теперь — кто изъ шкрабовъ кого преслѣдуетъ.

Елникитка меня терпѣть не можетъ, а Алмакфишъ — Сильву. Онъ ее засыпалъ и по математикѣ и по физикѣ. Она сейчасъ въ слезы. А Алмакфишъ очень ехидный. Сильва говорила, что онъ все проѣзжался насчетъ банта. “Банты, — говорить, — носить умѣешь, а по математикѣ отстаешь”. Помоему, онъ и права не имѣетъ. Такое право имѣли учителя въ старой школѣ.

А Зинаидища преслѣдуетъ Ваньку Пѣтухова. Ее потому зовутъ Зинаидищей, что она очень высока. Когда она идетъ по залу, то кажется, будто это — Сухарева башня, а мы всѣ — торговцы. Мы даже такъ играемъ. Когда Зинаидища покажется въ залѣ, сейчасъ же начинается:

- Пирожки, пирожки горячіе!..
- “Ира”-“Ява”! Зець: облава!..
- А вотъ мануфактура, покупай, дура!..
- Старые брюки — подставляй руки!..

А Зинаидища идетъ по залу — и пасть отъ удовольствія разинула: улыбается потому, что ничего не понимаетъ. А ротъ у ней большущій, только одинъ желтый зубъ торчитъ. Она думаетъ: “Вотъ ребята играютъ какъ хорошо... Если кто-нибудь изъ центра пріѣдетъ — похвалить...” И не подозреваетъ, что мы изъ нея Сухареву башню разыгрываемъ. Ее все-таки боятся, и когда ей нужно что-нибудь намъ сказать, то она топаетъ ногой и кричитъ: “Смирно”! И всѣ сразу молчать. Хотя мы не солдаты, и нечего нами командовать.

Ваньку Пѣтухова она не любитъ за то, что онъ торгуетъ папиросами. Для нея онъ все равно что безпризорный, и она думаетъ, что онъ самогонку пьетъ и въ карты играетъ, и марафетъ нюхаетъ, и съ женщинами живетъ... Она ему такъ и говоритъ: “Ты всю школу можешь заразить”. Ванька, вѣрно, курить потому, что и я курю, да и Сережка Блиновъ, котораго Зинаидища вѣчно ставитъ всѣмъ въ образецъ, тоже курить. А насчетъ остального — враки. Правда, всѣ безпризор-

ные Ваньку знаютъ потому, что онъ имъ книжки читаетъ, какъ они неграмотные, и я даже собираюсь вмѣстѣ съ нимъ пойти посмотрѣть. Они живутъ въ разваленномъ подвалѣ одного дома. Дома теперь нѣтъ, и подвалъ засыпало, вотъ они въ этомъ подвалѣ и живутъ... Ванька ихъ не боится, онъ говоритъ, что изъ нихъ хорошіе ребята есть, хоть бы къ намъ въ школу, только неграмотные. Сначала Ванькѣ порядкомъ отъ нихъ доставалось: налетятъ, съ ногъ собьютъ вмѣстѣ съ лоткомъ и папиросы тырятъ, да еще въ скулу норовятъ влѣпить. Вотъ Ванька и пошелъ къ нимъ съ книжками: захватилъ папиросъ, угостилъ ихъ и сталъ читать. Они, оказывается, сказки любятъ, какъ маленькіе. Съ тѣхъ поръ они Ваньку не трогаютъ. А Зинаидища ничего этого не знаетъ и все на Ваньку лаетъ. По правдѣ сказать, одинъ разъ мы съ Ванькой пробовали нюхать марафетъ, только ничего не вышло: сначала заболѣли головы у обоихъ, потомъ блевать стали. Гадость въ общемъ и цѣломъ! А безпризорные, по Ванькинымъ словамъ, и жить безъ марафета не могутъ.

Никпетожъ ни къ кому не придирается, и поэтому вся группа чувствуетъ къ нему довѣріе. И потомъ онъ говоритъ, что гордится нашей группой потому, что среди насъ развито коллективное сознание. Я хотя съ нимъ не очень-то согласенъ: среди ребятъ еще есть коллективное сознание, а ужъ среди дѣвчатъ... только нѣкоторые развѣ...

Однако надо позаниматься: буду рѣшать задачки Алмак-фишу.

10 ноября.

Сегодня въ первый разъ вышелъ изъ дому — и прямо въ школу. На демонстраціи, говорятъ, было очень весело, и будто пошла теперь мода ходить по улицѣ съ голыми ногами, въ физкультурныхъ костюмахъ: всѣ, и дѣвчата тоже. Я считаю, что это очень хорошо потому, что юбки пылятъ, и потомъ мануфактуры на нихъ лишней много идетъ: все равно вѣдь женщины штаны носятъ. И будто на демонстраціи всѣ комсомольскія дѣвчата были въ трусахъ.

Не успѣлъ я притти въ школу, какъ уже сразу получаю записку:

“Здѣсь безъ тебя очень скучали. Угадай — кто?” И угадывать не желаю.

Алмакфишу математическій зачетъ сдалъ: вотъ что значить дома-то лежать.

11 ноября.

Сегодня — воскресенье. И было очень длинное общее собраніе. Во-первыхъ, отчитывался старый учкомъ. Все шло какъ всегда, когда вдругъ предсѣдатель стараго учкома Сережка Блиновъ заявилъ, что онъ въ послѣдній разъ былъ въ учкомѣ и больше не будетъ участвовать и отказывается отъ своей кандидатуры навсегда. А причины такія, что учкомъ является “инвалидомъ на шкрабѣхъ костыляхъ”, то-есть ничего самостоятельнаго предпринять не можетъ, а долженъ во всемъ согласоваться со шкрабами. Такъ какъ Сережка вмѣсто “школьные работники” употреблялъ выраженіе “шкрабы”, рядъ шкрабовъ тутъ же заявилъ протестъ. Затѣмъ Зинь-Пална взяла слово и спросила Сережку, какъ онъ считаетъ: что — ученики совсѣмъ не должны считаться со школьными работниками и не признавать ихъ за людей или все же человѣческое званіе за школьными работниками онъ оставляетъ? Сережка Блиновъ страшно обидѣлся и не хотѣлъ говорить дальше, но его упростили ребята. Тогда Сережка сказалъ еще, что онъ считаетъ разныя здорованья и вставанья предразсудками и что онъ лично не будетъ этому подчиняться. Зинандища въ отвѣтъ ему сказала, что всегда считала его образцовымъ ученикомъ и теперь удивляется, какая его муха укусила. Кромѣ того, считаетъ ли онъ тоже предразсудками причесыванье и умыванье. Сережка опять обидѣлся и не захотѣлъ дальше разговаривать. Тогда выступилъ Алмакфишъ и сказалъ, что все это его нисколько не удивляетъ и что количественно — это изобиліе эпохи, а качественно стоитъ по ту сто-

рону добра и зла. Мнѣ кажется, это же самое онъ говорилъ мнѣ по поводу моего столкновѣнія съ Елникиткой, и тоже ни къ селу, ни къ городу. Несмотря на убѣжденія шкрабовъ, Сережка Блиновъ остался при своемъ убѣжденіи, и большинство школы — за него. Только нѣкоторые дѣвчата какъ будто держатъ сторону шкрабовъ, въ томъ числѣ Лина и Черная Зоя. Зоя по крайней мѣрѣ каждый разъ какъ Сережка говорилъ паровозила: “Фу, ффу, ффффу!”

Послѣ этого прецедента были выборы новаго учкома. Къ моему удивленію и противъ всякаго желанія, попалъ въ учкомы и я. Кромѣ меня, изъ нашей группы въ учкомъ попала Сильфида Дубинина. Ей везтъ: какъ куда меня выберутъ, такъ туда и ее. Это ничего: съ ней работать можно, она не то что другія дѣвчата. Учкомъ считается высшимъ органомъ самоуправленія. Учкому подчинены и санкомъ, и культкомъ, всѣ другіе комы. То-есть это только такъ называется, что подчинены, а на самомъ дѣлѣ — дѣлаютъ, что хотятъ.

Елникитка встрѣтила меня въ коридорѣ и спрашиваетъ:

— Когда же вы, гражданинъ Рябцовъ, соберетесь сдать зачетъ?

А я отвѣчаю:

— А вотъ выучу, гражданка Каурова, тогда и сдамъ.

Тогда она говоритъ:

— Теперь всѣ разобрали новыя заданія на ноябрь, а вы въ хвостѣ.

Я отвѣтилъ: “Успѣется” и — драла. Терпѣть ее не могу!

13 ноября.

Не успѣли меня выбрать въ учкомы, какъ сразу обнаружилось важное дѣло. Съ самаго начала занятій въ школѣ идутъ кражи. Еще мѣсяцъ назадъ у одного изъ старшихъ пропала готовальня, потомъ завтраки и деньги много разъ пропадали. А теперь у Ваньки Пѣтухова пропало вдругъ сразу шесть лимардовъ. Онъ ихъ оставилъ въ пальто въ

раздѣвальный и ушелъ, а потомъ приходитъ — денегъ нѣту. Но дѣло въ томъ, что Сережка Блиновъ проходилъ мимо раздѣвальной и видѣлъ, что, въ ней что-то дѣлалъ Алешка Чикинъ. Конечно, сразу захотѣли спросить Алешку Чикина, а его и слѣдъ простылъ. Пришлось мнѣ и Сильфидѣ Дубининой, какъ учкомамъ 3-й группы, итти къ Чикину на квартиру. Вотъ мы пошли, приходимъ на квартиру, а его тамъ нѣту встрѣчаетъ насъ Чикина отецъ, сапожникъ, пьяный.

— Вамъ чего?

Мы рассказали.

А отецъ говоритъ:

— Это онъ, сукинъ сынъ, я его знаю, онъ воръ, я шкуру съ него спущу”

Тогда мы пожалѣли, что сказали: а можетъ, это не Алешка, а отецъ его излупитъ. Остались мы съ Сильвой во дворѣ дежурить, ждать Алешку. Ждали-ждали. а потомъ вдругъ въ полночной темнотѣ Алешка приходитъ. Я подошелъ къ нему и спрашиваю:

— Ты почему раньше времени изъ школы ушелъ?

— А тебѣ какое дѣло?

— А такое дѣло, что деньги пропали.

Тогда Алешка отпихнулъ меня плечомъ, хотѣлъ итти и говоритъ:

— Я иду на квартиру, пусти!

А я отвѣчаю:

— Ты лучше не ходи до выясненія дѣла, а то отецъ тебя измордуетъ.

Тогда Алешка заоралъ:

— А-а-а-а, такъ вы ему сказали?! Не бралъ я вашихъ шести лимардовъ!

И тутъ онъ сталъ налѣзать на меня и бить меня прямо по мордѣ. Вдругъ его сзади схватываетъ Сильфида Д., и мы Алешку прижали къ стѣнкѣ и спрашиваемъ:

— А ты откуда знаешь, что шесть лимардовъ? Мы тебѣ не говорили.

И онъ въ отвѣтъ сталъ ревѣть и ругаться по-матерно и

плевать на насъ, и тутъ мы оба съ Сильвой замѣтили, что отъ него несетъ самогономъ. Тутъ онъ вырвался отъ насъ и убѣжалъ. Такъ какъ была темнота, мы не могли его догнать и пошли въ школу. Тамъ насъ ждали всѣ учкомы, и мы все рассказали. Конечно, подозрѣніе еще больше увеличилось, но прямыхъ доказательствъ не было. Дежурнымъ шкрабомъ была Елникитка, и она прямо насъ спрашиваетъ:

— А чего же вы его не обыскали?

Мы объяснили, почему мы не могли обыскать, а по правдѣ — намъ и въ голову не пришло. Дѣло рѣшили отложить до завтра.

14 ноября.

Алешка Чикинъ пришелъ какъ ни въ чемъ не бывало въ школу. Его сейчасъ же — въ учкомъ.

— Что въ раздѣвальной дѣлалъ?

— Лазилъ за хлѣбомъ къ себѣ въ куртку, — отвѣчаегъ.

— А почему раньше времени изъ школы удралъ?

— Нужно было домой.

— Такъ тебя дома не застали Рябцовъ и Дубинина.

— А я уходилъ.

— А почему отъ тебя самогономъ пахло?

— Они врутъ.

— А откуда ты узналъ, что ровно шесть лимардовъ пропало?

— А я и сейчасъ не знаю.

Тутъ онъ, конечно, нахально совралъ, потому что мы ему не говорили, а онъ первый началъ кричать про шесть лимардовъ. Ну, тутъ всѣмъ стало ясно, что укралъ онъ, и съ нимъ не стали больше разговаривать. Теперь всталъ вопросъ такой: какъ со всѣмъ этимъ дѣломъ управиться. Шкрабы пока молчатъ — и ладно. Лишь бы они не ввязались. Но, съ другой стороны, такъ оставить дѣло нельзя. Мы, всѣ учкомы, очень долго разговаривали, а потомъ разошлись, ничего не рѣшивъ. Если мы ничего не рѣшимъ и завтра, дѣло при-

дета вынести на общее собраніе. Сережка Блиновъ мнѣ сказалъ, что дѣло, навѣрно, кончится ничѣмъ и что Ванька Пѣтуховъ самъ виноватъ, что оставилъ деньги въ пальто. Это-то такъ, а нельзя же, чтобы въ школѣ были кражи, а зачѣмъ тогда и учкомъ, если всѣ дѣла кончатъ ничѣмъ.

15 ноября.

Въ дѣло Алешки Чикина ввязалась Зинъ-Пална. Она его наединѣ отчитывала часа два, потомъ онъ выскочилъ отъ нея весь заплаканный и— драла. Такъ и убѣжалъ изъ школы. Мы, учкомы, тогда пошли къ Зинъ-Палнѣ и спросили, на какомъ основаніи она, помимо самоуправленія, ввязывается въ вопросы, касающіеся самихъ учениковъ? А Зинъ-Пална говоритъ, что она, во-первыхъ, обязана отвѣчать за порядокъ въ школѣ, а потому она вовсе не ввязывается, а пыталась оказать на Алешку моральное воздѣйствіе. Хорошо! На общемъ собраніи поговоримъ.

Елникитка собрала насъ въ своей лабораторіи объяснять съ микроскопомъ размноженіе папоротниковъ, и тутъ я ее спросилъ:

— Какъ по-вашему — какъ произошелъ человекъ и вообще весь міръ?

Она вся покраснѣла и отвѣчаетъ:

— Конечно, біологическимъ путемъ.

— То-есть какимъ біологическимъ путемъ?

Елникитка стала объяснять про клѣтку, но мнѣ не это было нужно, и я спросилъ:

— А Богъ — есть или нѣтъ?

Она опять покраснѣла и отвѣчаетъ:

— Для кого есть, а для кого нѣтъ: это личное дѣло каждаго.

Тутъ Черная Зоя заорала, какъ сумасшедшая:

— Я знаю, для чего онъ это спрашиваетъ! Это онъ для того, чтобы доказать, что Бога нѣту! А я вотъ вѣрю въ Бога, и это мое дѣло, и никто не смѣетъ мнѣ запретить.

Я было хотѣлъ ей отвѣтить, что ей никто и не запрещаетъ и что вопросъ нужно выяснитъ съ точки зрѣнія принципа, но она и слушать ничего не хотѣла, и я даже думалъ, что она шлепнется въ обморокъ. Но тутъ Елникитка опять завела про папоротники. Зоя успокоилась, и я рѣшилъ пока подождать. А когда кончилась естественная, Сильва ко мнѣ подходитъ и говоритъ:

— Ты знаешь, онѣ и въ церковь ходятъ.

— Кто "онѣ"? — спрашиваю я.

— Зоя и Лина.

— А ты — не ходишь?

— Нѣтъ, не хожу. Я въ Бога не вѣрю, хотя мнѣ за это отъ матери сильно попадаетъ, — отвѣчаетъ Сильва. — У меня мать старыхъ убѣждений, а отецъ — новыхъ. Я и мать люблю и отца, а у нихъ постоянно руготня и даже драка. Отецъ иконы убралъ, а мать ихъ опять внесла. Я сначала была на сторонѣ матери, а потомъ отецъ меня убѣдилъ.

— А онѣ кто, твой отецъ-то?

— Наборщикъ. Замѣть, что онѣ самъ раньше желтый былъ, даже бастовалъ и боролся съ совѣтской властью, а теперь сталъ красный. Вотъ мать его и кроетъ за это. Бабы всѣ на дворѣ тоже противъ отца. Соберутся бѣлье вѣшать, такъ такая перепалка идетъ — страсть!

— А ты раньше тоже въ церковь ходила?

— Да, когда Дуней была, то ходила. Потомъ мы съ отцомъ рѣшили, что онѣ будетъ звать меня Сильфидой, и съ тѣхъ поръ я перестала ходить. Мать и слышать не хочетъ про Сильфиду: это, говоритъ, вѣдьминское имя.

Тогда я подумалъ и сказалъ Сильвѣ, чтобы она звала меня Владлеюмъ. Она согласилась.

16 ноября.

Сегодня Черная Зоя сдавала за октябрь Алмакфишу, и вдругъ какъ шлепнется въ обморокъ! Ну, теперь этимъ никого не удивишь. Сейчасъ же опрыскали водой, дали поню-

хоть нашатырю, и она встала. Но на собраніи учкома былъ поднятъ вопросъ объ отученіи ея отъ обмороковъ, и я взялся отучить. Только мнѣ предложили, чтобы безъ всякаго вреда для здоровья. Я это и самъ понимаю.

17 ноября.

Было дѣловое собраніе учкома насчетъ Алешки Чикина. Дѣло въ томъ, что онъ въ школу не ходитъ и домой тоже. Пропалъ неизвѣстно куда. Постановили передать школьному совѣту, что учкомъ ничего не имѣетъ противъ разысканія Чикина черезъ полицію, но только чтобы не сообщать, что онъ укралъ деньги.

23 ноября.

Я сказалъ Никпетожу, что хочу стать комсомольцемъ, и онъ меня одобрилъ. Онъ сказалъ, что если бы и ему было столько лѣтъ, сколько мнѣ, то и онъ тоже записался бы въ комсомоль.

24 ноября.

Какъ только ребята закричали, что съ Зоей опять обморокъ, я сейчасъ же бросился во дворъ, кое-что припасъ и бѣгу обратно, спрашиваю: гдѣ? Мнѣ говорятъ, что въ аудиторіи. Я сейчасъ же въ аудиторію. Смотрю, лежитъ она, какъ всегда, блѣдная и зубы стиснула. Я говорю:

— Приподнимите ее чуть-чуть.

Ребята приподняли, а я сунулъ за воротъ комокъ снѣга. Она какъ вскочить, да какъ заоретъ не своимъ голосомъ!!! Ребята захохотали, а ужъ бѣжитъ Елникитка съ нашатыремъ:

— Что такое?!

— Да вотъ, Зоя упала въ обморокъ, а Костя Рябцовъ ее вылечилъ...

— Ка-акъ вылечилъ?

— Снѣгомъ.

Тутъ Елникитка на меня, что это безчеловѣчно и что это

не по-товарищески, и что она меня вынесетъ на общее собраніе. Но пришла Зинаидиша, посмотрѣла на Зою и на меня и говоритъ:

— Елена Никитична, успокойтесь! Зоя больше въ обморокъ падать не будетъ.

Зоя засверкала глазами, запаровозила, и драла, а Зинъ-Пална мнѣ говоритъ:

— Только, пожалуйста, въ слѣдующій разъ съ моего вѣдома!.

И ушла. А зачѣмъ это съ ея вѣдома? Разъ я — учкомъ значить, и обязанъ.

Скоро сдавать зачеты за ноябрь, а у меня еще и за октябрь не всѣ сданы. Учкомство сильно мѣшаетъ. Да и редкомиссія тянетъ писать въ “Красный Ученикъ”, а времени ни на что нѣту.

26 ноября.

Открылась запись въ комсомолъ, и мы съ Сильвой подали заявленія въ ячейку. Говорятъ, что скоро нашу ячейку присоединятъ къ какой-нибудь производствениой. Это очень важно, а то на нашихъ собраніяхъ скучища зеленая.

27 ноября.

Мы съ Ванькой Пѣтуховымъ ходили къ безпризорнымъ, и вотъ что изъ этого вышло. Я очень люблю таинственность, а это надо было дѣлать очень тайно, потому что если узнаютъ шкрабы, то изъ этого можетъ выйти цѣлый прецедентъ. Было это такъ. Ванька зашелъ за мной часовъ въ девять, будто въ кино, и мы пошли. Былъ сильный морозъ — градусовъ двадцать. Пришли мы въ этотъ самый разваленный подвалъ. Насъ сначала не пускали, а потомъ пустили. Подвалъ громадный, и въ немъ такой же морозъ, какъ на улицѣ, поэтому въ разныхъ углахъ горятъ костерики, только они загорожены разнымъ хламомъ, чтобы съ улицы не было замѣтно. Когда мы съ Ванькой крались по разваленнымъ камнямъ, было очень

жутко, такъ же, какъ въ кино, когда сыщики крадутся. Они насъ сначала не тронули, потому что Ваньку знаютъ и считаютъ его за своего. Одѣты они всѣ въ страшныя лохмотья, и запахъ отъ ребятъ идетъ аховый, все равно какъ изъ уборной, даромъ, что морозъ... Ихъ тамъ довольно порядочно, и грѣются у разныхъ костериковъ: у одного — мѣста всѣмъ не хватить. Какъ Ванька вошелъ, всѣ на него накинулись:

— Дашь сказку!..

Ванька подсѣлъ къ костерику и прочелъ имъ сказку про серебряное блюдечко и наливное яблочко. Страшная буза! Я и не подозрѣвалъ никогда, что такая буза можетъ быть въ книжкѣ напечатана. Потомъ безпризорные ребята просили еще, но Ванька не захотѣлъ. Тогда они вытащили самогонку и стали угощать. Ванька выпилъ немножко, а я отказался. Потомъ они стали играть въ карты, а мы собрались уходить, какъ вдругъ кто-то тащить меня къ костерику. Я упирался, но тотъ подтащилъ къ самому огню и оретъ:

— Ребята, это — лягавый!

Я поглядѣлъ, смотрю: Алешка Чикинъ, только весь замозганный и въ лохмотьяхъ, сразу и не узнаешь. Говорить:

— Ты что, сволочь, прихрюль?! Сучить сюда явился?!

— Пошелъ къ чорту, — я отвѣтилъ, и ну вырываться.

Ванька, конечно, за меня вступился; мы вырвались... Они — за нами, мы — отбиваться. Тутъ меня кто-то стукнулъ прямо подъ глазъ чѣмъ-то твердымъ. Я заоралъ потому, что было очень больно, но мы съ Ванькой выскочили на улицу и драка. Они было погнались за нами, но тутъ скоро была освѣщенная улица и мильтонъ. Они отстали. Глазъ у меня очень сильно болѣлъ и распухъ. Тутъ мы съ Ванькой стали совѣщаться, какъ быть и стоитъ ли рассказывать кому-нибудь про Алешку Чикина. Рѣшили молчать и никому не рассказывать. потому что его могутъ здорово притянуть, да и домой ему лучше не показываться: послѣ всего этого отецъ можетъ убить. Ванька мнѣ тутъ рассказалъ, что въ этомъ подвалѣ живутъ “сшибчики”. Они такъ дѣлаютъ: одинъ прячется въ воротахъ, другой гуляетъ по улицѣ, какъ милый. Какъ идетъ

какая-нибудь барыня съ ридикюлемъ, — сейчасъ же который гуляетъ по улицѣ бросается со всего размаха ей въ ноги, а другой изъ воротъ вылетаетъ, выхватываетъ ридикюль, и оба драла. Есть и просто воруютъ изъ кармановъ. А то лазаютъ по карманамъ. Нѣкоторые и по-русски говорить не умѣютъ, только — по-татарски, а воруютъ не хуже.

Когда я пришелъ домой, синякъ подѣ глазомъ разросся во всю щеку; папанька сейчасъ же замѣтилъ и спрашиваетъ, что такое. Я ему совралъ, что поскользнулся и упалъ; онъ мнѣ приложилъ старый мѣдный пятакъ. Тутъ немножко опухоль спала, а завтра въ школу придется итти все-таки съ синякомъ.

28 ноября.

Конечно, всѣ ребята спрашивали насчетъ синяка, особенно приставала Сильва, такъ что я даже къ чорту ее послалъ. Елникитка поглядѣла подозрительно и опредѣленно насмѣшливо, но я не захотѣлъ заводить новой бузы и промолчалъ.

Въ “Красномъ Ученикѣ” написана правильная статейка насчетъ общественной работы. Я ее писалъ.

“У насъ въ школѣ проводится дальтонъ-планъ. Задаютъ на мѣсяцъ задания по всѣмъ предметамъ, и мы должны ихъ самостоятельно проработать. Скажетъ преподаватель, что такое-то задание нужно проработать по такой-то книгѣ, а книгу нигдѣ невозможно достать, покупать же для каждого задания немислмо.

“Потомъ, помимо научныхъ заданий, ведутся общественныя работы, и на ихъ выполнение назначаются и выбираютъ тѣ ребята, которые наиболѣе сильны въ этомъ отношеніи, и получается невязка, что завалены общественной работой, а у другихъ совсѣмъ ея нѣтъ. Надо сказать, что въ нашихъ научныхъ лабораторіяхъ всегда такъ шумно, что очень трудно сосредоточиться на чемъ-нибудь, и потому ученикамъ приходится заниматься предметами дома. Кончаемъ мы занятія

въ 7 часовъ, и тѣ, у которыхъ нѣтъ общественной работы, спокойно уходятъ, а тѣмъ, которые завалены, приходится оставаться въ школѣ и выполнять ее. Конечно, за вечеръ ничего не выполнишь. и приходится собираться на общественныя работы утромъ, когда работаетъ первая смена. А когда наша вторая смена соберется, — опять работать въ лабораторіяхъ нельзя, потому что шумно... Такъ каждый день. Прошелъ мѣсяцъ, пора сдавать задания, а ничего не готово. А у которыхъ нѣтъ общественной работы — спокойно сдѣлаютъ задания дома и сдаютъ ихъ къ сроку”.

Тамъ еще написано, но и этого довольно, чтобы увидѣть, что учкомамъ идохнуть некогда. А тутъ еще редкомиссія, да украшательная, да классомъ, да еще объясненія со шкрабами за всю группу... Чортовъ Дальтонъ, чтобы ему провалиться!

30 ноября.

Завтра сдавать за ноябрь, а я, конечно, ничего не дамъ, а когда дамъ — неизвѣстно... У нѣкоторыхъ тоже такое положеніе. Хорошо, что подходитъ срокъ моему учкому, а то бы никакъ не выпутаться. Одна надежда на зимній перерывъ. Сильва тоже не надѣется сдать ничего — изъ-за учкомства. Чортовъ Дальтонъ.

Весь вечеръ послѣ школы мы съ Сильвой проходили по улицамъ, и она мнѣ очень много рассказала про свою жизнь. Оказывается, ея отецъ подалъ на мать въ судъ разводъ, и она теперь не знаетъ, къ кому итти жить. И все время дома драка и скандалъ. Потомъ она стала спрашивать меня про цѣль жизни. Я ей сказалъ, что цѣль въ жизни — это прожить съ пользой для себя и для другихъ и потомъ бороться за всеобщій коммунизмъ. Тогда она призналась мнѣ, что ей такъ тяжело было, что она даже хотѣла самоубиться. Я ей отвѣтилъ, что это очень глупо и что есть люди — живутъ хуже насъ, напримѣръ безпризорные. И потомъ самоубиваться — это интеллигенщина. Въ старой школѣ самоубивались изъ-за шкрабовъ, а мы въ такомъ положеніи, что еще можемъ бо-

роться со шкрабами, и кромѣ того есть комсомоль, въ который насъ, навѣрное, примутъ, потому, что мы оба социальнаго происхожденія пролетарскаго. Тогда Сильва успокоилась, и я проводилъ ее домой.

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ.

3 декабря.

Меня и Сильву утвердили кандидатами комсомола. Это — вася, только плохо то, что надо обязательно посѣщать застѣданія ячейки. А и такъ некогда. Ладно! Какъ-нибудь справлюсь.

4 декабря.

Сегодня во время занятій въ школу явилась милиція. Вызвали Зинь-Палну и спрашиваютъ ея:

— Вашъ ученикъ Алексѣй Чикинъ?

Она говоритъ, что нашъ.

— Ну такъ вотъ, примите его подъ расписку, а то онъ адреса своего не говоритъ, у насъ его держать негдѣ.

— А какъ онъ попалъ въ милицію? — спрашиваетъ Зинь-Пална.

— Во время облавы на безпризорныхъ задержанъ.

Тогда Зинь-Пална вдругъ и говоритъ:

— Нѣтъ, я отказываюсь его принимать. Ведите его въ коллекторъ для безпризорныхъ.

Это слышали нѣкоторые ребята, и сейчасъ же это стало извѣстно всей школѣ. Зазвонилъ колоколъ на общее собраніе. Вотъ отовсюду бѣгутъ ребята, книжки побросали; кто отвѣчалъ въ лабораторіяхъ, прямо на серединѣ отвѣта — винта... Шкрабы глаза вытарашили. А это потому, что обыкновенно про общее собраніе заранѣе извѣстно, а тутъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, въ часы занятій. Вотъ собрались ребята въ залѣ. Шумъ страшный, крики. Идетъ Зинь-Пална,

вся блѣдная, да и другіе шкрабы тоже, видно, не въ своей тарелкѣ.

— Кто давалъ звонокъ на общее собраніе? — спрашиваетъ Зинь-Пална.

— Я, — отвѣчалъ Сережка Блиновъ.

— На какомъ основаніи во время уроковъ?

— А на такомъ основаніи, что сейчасъ вся школа узнала страшную несправедливость, и мы всѣ хотимъ протестовать.

Сережка это говоритъ, а самъ блѣдный и заикается.

— Какая же несправедливость? — спрашиваетъ Зинь-Пална.

— А вотъ, что Чикина не приняла школа. Чикинъ — нашъ товарищъ, и обязаны были спроситься у насъ.

Тутъ какъ всѣ заорутъ:

— Правильно, Блиновъ!!! Долой шкрабовъ!

Зинь-Пална подняла руку, долго такъ стояла. потому что шумъ, потомъ говорить:

— Это дѣло надо разобрать въ подробностяхъ. Вотъ вы говорите: несправедливость. А я не могла его принять, во-первыхъ, потому, что здѣсь не дѣтскій домъ и жить ему негдѣ, а потомъ онъ жилъ съ безпризорными и, значитъ, можетъ быть, зараженъ всѣми болѣзнями и всѣхъ другихъ перезаразить. Потомъ, въ концѣ концовъ, разъ у него есть отецъ, то его нужно отправить къ отцу, а вовсе не въ школу...

Тутъ я всталъ и говорю:

— Къ отцу его отправлять нельзя, потому что отецъ его теперь убьетъ. У него отецъ пьяница, и видно, что ему не-сладко живетъ дома, если онъ въ разваленный подвалъ убѣжалъ.

— Въ какой такой разваленный подвалъ? — спрашиваетъ Зинь-Пална.

— Въ самый простой, — отвѣчаю я.

— А вамъ, Рябцовъ, откуда это извѣстно?

— А оттуда и извѣстно, что я тамъ самъ былъ и его видѣлъ.

Тутъ всѣ ребята заорали:

— Браво, Рябцовъ! Молодецъ!!!

А я отвѣчаю:

— Прошу не орать безъ толку. Разъ я учкомъ, значить, я обязанъ.

— Ну такъ вотъ, — говоритъ Сережка Блиновъ. — Школа протестуетъ противъ того, что завѣдующая, не спросившись у школы, отправила Чикина въ коллекторъ. И, кромѣ того, просимъ сейчасъ же послать въ милицію и доставить его въ школу.

— Да что же мы съ нимъ дѣлать-то будемъ? — спрашиваетъ Зинъ-Пална.

— Тамъ видно будетъ. Пойдемъ къ нему на квартиру и потребуемъ у отца, чтобы онъ его не билъ.

— А онъ васъ такъ и послушаетъ, — схибно ввертываетъ Елникитка.

— Скорѣ насъ послушаетъ, чѣмъ васъ, — это Сережка отвѣчаетъ. — И во всякомъ случаѣ, мы просимъ школьных работниковъ отвѣтить, какъ они думаютъ: имѣетъ въ школѣ какое-нибудь значеніе самоуправленіе или нѣтъ?

— Да! Да! просимъ отвѣтить! — закричали всѣ ребята.

— Я удивляюсь, — говоритъ Зинъ-Пална, — на ту неорганизованность, которая въ данный моментъ проявляется. Сорвали занятія, устроили общее собраніе. Ну, съ этимъ-то еще можно примириться, разъ вышелъ такой экстренный случай. Но какъ ведется это экстренное общее собраніе? Ни предсѣдателя, ни секретаря. Вопросы скомканы въ кучу. Ставится вопросъ о Чикинѣ, его не рѣшаютъ. сейчасъ же перескакиваютъ къ другому, принципиальному вопросу. Я дальше на такомъ собраніи отказываюсь присутствовать и ухожу потому, что, по моему мнѣнію, такое собраніе — позоръ для школы.

И пошла. За ней сейчасъ же Елникитка, за ней бочкомъ Алмакфишъ и другіе шкрабы. Остался только одинъ Никпетождъ. Сидитъ и молчитъ, какъ воды въ ротъ набралъ. Ребята помолчали, потомъ опять зашумѣли. А Сережка стукнулъ кулакомъ по столу и говоритъ:

— Я лично считаю, что председатели всякіе — это тоже предразсудокъ. Можно вполне обойтись безъ председателя. Вотъ что, ребята, я предлагаю здѣсь остаться только тѣмъ, кто не признаетъ такой формы самоуправления, какъ у насъ. И мы рѣшимъ, что дѣлать. А остальнымъ — уйти. Конечно, и всѣмъ школьнымъ работникамъ — тоже.

Никпегожъ сейчасъ же поднялся и ушелъ. Ушли кое-кто и изъ маленькихъ ребятъ. Изъ дѣвчатъ сейчасъ же демонстративно ушли Черная Зоя и Лина Г. Остальные остались и постановили “союзъ”. “Союзъ рѣшилъ самоуправления не признавать и выработать свой уставъ, которому и подчиняться. Обязательное здорованье и вставаніе отмѣнить. Въ лабораторію и въ аудиторію, и въ залу можно ходитъ, кто хочетъ — въ шапкѣ, а кто хочетъ — безъ шапки. Въ остальномъ дѣйствовать по уставу, который выработать поручили Сережкѣ Блинову и еще ребятамъ.

Мнѣ сразу стало жить очень весело. Кстати, и мое учкомство кончилось.

5 декабря.

Въ школѣ теперь двѣ партіи: “школа” и “союзъ”. Оказалось, что за шкрабовъ довольно много народу. Сегодня у “школьниковъ” было общее собраніе для выборовъ новаго учкома, и на этомъ собраніи была половина школы. У насъ, “сюзниковъ”, тоже было собраніе, приняли “Уставъ союза”. По этому уставу никто никому не подчиняется, только устанавливается самодисциплина. Всякіе пустяки, вродѣ обязательнаго здорованья, отмѣняются, но каждый изъ “сюзниковъ” обязанъ слѣдить за собой въ смыслѣ поведения. Такъ напримѣръ, драться и шумѣть во время занятій нельзя. Для сношенія со шкрабами и со “школьниками” избранъ “комиссаръ иностранныхъ дѣлъ” — Сережка Блиновъ.

Первымъ долгомъ Сережкѣ было поручено, чтобы онъ добился отъ шкрабовъ, чтобы Алешку Чикина доставили изъ коллектора въ школу. Потомъ былъ митингъ, и всѣ произносили рѣчи.

Потомъ Сережка отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что такъ какъ Никпетождъ меня любитъ, то чтобы я къ нему пошелъ и спросилъ, какъ онъ думаетъ насчетъ “союза”, а также и другіе шкрабы. Я, конечно, согласился. Только мнѣ непонятно, при чемъ тутъ мнѣніе шкрабовъ: они — сами по себѣ, а мы — сами по себѣ. Все-таки я пошелъ. Никпетождъ мнѣ сказалъ слѣдующее:

— Я считаю вашъ опытъ интереснымъ. По-моему, вы скоро сами убѣдитесь, что безъ дисциплины жить нельзя.

Я отвѣтилъ, что у насъ вводится самодисциплина.

— Самодисциплина — палка о двухъ концахъ, — сказалъ Никпетождъ. — Съ одной стороны, она какъ будто хороша, такъ какъ устраняетъ насилие, а съ другой стороны, она гораздо тяжелѣй, чѣмъ внѣшняя дисциплина. Вѣдь получать только: все время приходится слѣдить за собой, чтобы какъ-нибудь не проштрафиться. Это очень быстро надѣдаетъ.

Тогда я спросилъ, какъ смотреть на это дѣло Зинъ-Пална.

— Вы ее недооцениваете, — отвѣтилъ Никпетождъ. — Вы считаете, что она поддерживаетъ въ школѣ насилие и, слѣдовательно, является общимъ врагомъ всѣхъ учениковъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Она всѣхъ ребятъ очень любить, а если принуждена поддерживать дисциплину, такъ это потому, что на ней — тяжелая отвѣтственность. А на вашъ “союзъ” завѣдующая смотритъ такъ, чтобы не мѣшала. — “Пусть, — говорить, — сами убѣдятся въ нелѣпости своихъ поступковъ”.

Я все это рассказалъ Сережкѣ, онъ меня выслушалъ, но ничего не сказалъ. Домой изъ школы я сначала провожалъ Сильфиду, потомъ она меня провожала, и по дорогѣ мы съ ней разговорились насчетъ “союза”. Она говоритъ, что не вѣритъ, чтобы “союзъ” долго продержался, а вошла въ “союзъ” по товариществу, и что сейчасъ ей очень весело жить жить. Я сказалъ, что мнѣ тоже. Мы даже руки потрясли другъ другу на прощанье, чего никогда не дѣлали.

6 декабря.

Все какъ будто пришло въ порядокъ. Шкрабы дѣлають видъ, будто не замѣчаютъ “союза”, а мы словно не замѣчаемъ шкрабовъ. Такъ какъ въ “союзѣ” постановлено никакихъ издѣвательствъ надъ “школьниками” не производить, то мы ихъ и не трогаемъ, тѣмъ болѣе, что тамъ больше маленькіе, а кто изъ старшихъ — то принципиально думаютъ иначе, чѣмъ мы.

Я изо всей силы гоню съ зачетами, чтобы погулять во время зимнаго перерыва. Никпетожу сдать за ноябрь. Самое трудное для меня — математика и естественная .

5 декабря.

Ванька Пѣтуховъ въ школу не пришелъ, и я пошелъ къ нему на квартиру. Оказывается, онъ лежитъ весь избитый. А избили его безпризорные, потому, что подумали, будто онъ на нихъ донесъ, и потомъ была облава. Они у него и лотокъ съ папиросами отняли. Онъ теперь думаетъ поступать на фабрику, тѣмъ болѣе что подростковъ стали принимать больше, чѣмъ раньше. Я спросилъ его: “а какъ же съ уче- ньемъ?” — а онъ говоритъ, что подростки работаютъ только шесть часовъ, и имъ всякіе льготы для ученья. У него дома всѣ плачутъ, потому что онъ почти что одинъ содержать всѣхъ. Мнѣ стало очень тяжело, и я ушелъ.

8 декабря.

Я проходилъ по залѣ, какъ вдругъ разразился бой между “школьниками” и “союзниками”. Они на насъ напали: дали подножку Володькѣ Шмерцу. Сейчасъ же подоспѣли наши, и началась свалка. Дрались, конечно, понарошку, больше такъ, баловались. И вдругъ влетаетъ Зинаидища, начинается топать ногами и кричать, какъ сумасшедшая: “Перестать, перестать!”. Мы, конечно, перестали, а она на насъ напустилась, что мы изъ школы дѣлаемъ улицу, что такая вражда недопустима, и что хваленая самодисциплина “сою-

за^а себя показываетъ. Тогда я не выдержалъ и говорю, что самодисциплина тутъ не при чемъ, потому что мы не дрались, а просто ладошками по бокамъ. Но она мнѣ и договорить не дала и заявила, что будетъ со мной говорить на школьномъ совѣтѣ.

Посмотримъ, что будетъ. Я сдалъ, наконецъ, зачетъ за октябрь по математикѣ. Теперь осталось не такъ уже много, и я гоню во-всю.

10 декабря.

Было очень весело, потому что во время большого перерыва мы, всѣ “союзники” выскочили на дворъ и стали играть въ футболъ. Погода довольно теплая а снѣгъ угостанн-й, по-этому играть было легко. А “школьники” смотрѣли на насъ съ завистью: имъ тоже очень хотѣлось играть, но по ихнимъ школьнымъ правиламъ футболъ до весны запрещенъ, — на школьномъ дворѣ по крайней мѣрѣ. Въ другіе игры можно играть, которые физкультурщикъ показываетъ, а въ футболъ нельзя, потому что, какъ говоритъ Зинаидиша, “футболъ вредно отзывается на занятіяхъ”.

Кончился перерывъ, а мы все играли... Жалко, что рано темнѣетъ, а то бы такъ безъ конца и вкалывалъ бы. Я забилъ десять полей, — играю крайняго праваго. Сначала играли дѣвчата, а потомъ, когда организовалась правильная команда, дѣвчатъ выставили.

11 декабря.

Третьяго дня я видѣлъ Черную Зою и Лину Г., что они выходили изъ церкви, а вчера было засѣданіе ячейки, на которомъ постановили усилить въ школѣ антирелигіозную пропаганду. По этому случаю я пришелъ въ естественную лабораторію, когда тамъ было народу довольно порядочно, и спрашиваю Елникиту:

— Елена Никитична, объясните мнѣ, пожалуйста, насчетъ Бога: есть Богъ или нѣтъ?

— Я, — говоритъ, — одинъ разъ вамъ уже, Рябцевъ, сказала, что для кого есть, а для кого нѣтъ. Это личное дѣло каждаго.

— Нѣтъ, а вообще?

— Общаго взгляда не существуетъ.

— А по естественной исторіи какъ: существуетъ или нѣтъ?

— Естественная исторія религіозными вопросами не занимается.

Такъ я и откатился ни съ чѣмъ, но Елникитку на свѣжую воду выведу. Пошелъ по коридору, какъ вдругъ меня догоняетъ Черная Зоя и говоритъ:

— Погоди!

Я остановился, а она вся пригнулась, сгорбатилась и говоритъ шопотомъ :

— Я тебя, — говоритъ, — ненавижу и не считаю за человека, а все-таки, какъ мнѣ тебя жалко, я тебя — предупреждаю, что тебѣ это даромъ не пройдетъ и тебѣ отвѣчать придется.

— Кому же это я буду отвѣчать?

— Тамъ узнаешь кому. Святые ангелы отъ тебя отступились.

Я какъ захохочу, прямо животъ больно стало!

— Передай, — говорю, — святымъ ангеламъ отъ меня въ подарокъ!

И шлепнулъ ее по спинѣ. Она запаровозила — и отъ меня! Я, конечно, гнаться не сталъ: не люблю я ее, прямо терпѣть не могу. Отъ нее церковью пахнетъ, постнымъ масломъ какимъ-то.

Сегодня пришлось мнѣ разставаться съ милымъ моимъ товарищемъ — Ванькой Пѣтуховымъ. Онъ пришелъ въ послѣдній разъ — поступаетъ на фабрику. Я было сталъ ему рассказывать, какъ у насъ въ школѣ дѣла, но видно, что его уже это не интересуетъ. Синяки у него зажили. Получать онъ будетъ двадцать три рубля шестьдесятъ копѣекъ.

— На папиросахъ, — говоритъ, — больше не наработаешь.

Мнѣ страшно жалко, что онъ уходитъ отъ насъ. Во-первыхъ, онъ товарищъ хорошій, прямо такихъ поискать, а потому онъ умный парень и очень добрый. Я такъ думаю, что дружить съ парнемъ, это совсѣмъ не то, что дружить съ дѣвчиной, хотя бы съ такой умной, какъ Сильва. Я, правда, съ ней говорю обо многомъ, но все же не обо всѣмъ: вѣдь, она многого не пойметъ. Да потомъ, развѣ съ ней пойдешь къ безпризорнымъ? Она-то, можетъ и пошла бы, но вѣдь ее измordiaють, а защищаться самостоятельно она не можетъ. Потомъ, вотъ, напримѣръ, дѣвчата въ футболъ не могутъ играть какъ слѣдуетъ, какъ ни стараются. Потомъ у нихъ глаза часто на мокромъ мѣстѣ... Въ общемъ и цѣломъ, какъ ни верти, а много есть препятствій къ настоящей дружбѣ. Другое дѣло — дружба съ парнемъ. Жалко мнѣ Ваньку... Конечно, мы будемъ съ нимъ видѣться, а все-таки, это уже не то.

13 декабря.

Сегодня изъ-за “союза” произошелъ новый прецедентъ. Сильфида Д. пошла сдавать за ноябрь Алмакфишу, а онъ ее засыпалъ, хотя она говоритъ, что отвѣтила на все вопросы и доказала всѣ теоремы. Тогда она ему сказала:

— Это вы потому меня засыпаете, что я въ “союзѣ”.

Алмакфишъ разозлился страшно, назвалъ ее “дрянной дѣвчонкой” и выставилъ изъ лабораторіи. Вся группа страшно возмутилась, и мы отправили делегацію къ Зинаидище, чтобы Алмакфишъ извинился передъ Сильфидой. Я входилъ въ делегацію, и когда мы пришли въ учительскую, тамъ былъ и Алмакфишъ. Онъ услышалъ наше требованіе и говоритъ:

— Хорошо, я извинюсь, я погорячился; но пусть Дубинина раньше извинится передо мной, что она подозреваетъ во мнѣ какіе-то посторонніе мотивы.

Я тогда сказалъ:

— Я не знаю, были ли посторонніе мотивы, но вся школа знаетъ, что вы Дубинину терпѣть не можете и преслѣдуете.

Тогда Алмакфишъ взбелѣнился, началъ кричать, что я — дерзкій и грубый парень, и если меня не уймуть, то онъ уйдетъ изъ школы, потому что нѣтъ никакой возможности заниматься. И онъ швырнулъ книжку на столъ и ушелъ изъ школы. Зинаидища меня оставила въ учительской и начала со мной говорить. Она мнѣ доказывала, что если такъ пойдетъ дальше, то не будетъ никакой возможности учиться, и что мы всѣ увлеклись “союзомъ” и забываемъ главную и единственную цѣль — учиться. А я ей отвѣтилъ, что я съ этимъ согласенъ, но что не только мы забываемъ, а и шкрабы забываютъ, что мы — такіе же люди, только молодые и, можетъ не такіе опытные, какъ они. Напримѣръ, нельзя насъ называть “дѣтьми”, “грубыми и дерзкими парнями”, “дрянными дѣвчонками” и тому подобное, и это всегда будетъ вызывать прецеденты. Тутъ мнѣ Зинаидища сказала, что нельзя говорить “прецедентъ” и что нужно говорить “инцидентъ”. В общемъ, мы рѣшили, что завтра я извинюсь передъ Алмакфишемъ и повлияю на Сильфиду въ этомъ же смыслѣ.

А на собраніи ячейки было постановлено предложить шкрабамъ и “союзу” создать согласительную комиссію для ликвидаціи конфликта. Сережка Блиновъ протестовалъ, но представитель центра его спросилъ: неужели онъ хочетъ настоящаго раздѣленія школы на двѣ партіи? послѣ чего Сережкѣ пришлось замолчать.

14 декабря.

Согласительная комиссія съ участіемъ представителей ячейки постановила отмѣнить обязательное здорованье и вставанье. Права учкома расширены: такъ, напримѣръ, дѣла, касающіяся только учениковъ, будутъ теперь разбираться только учкомомъ; въ шкрабиловку и въ школьный совѣтъ пойдутъ только дѣла, касающіяся и шкрабовъ и учениковъ. Въ футболъ играть можно.

“Союзъ” кончился.

16 декабря.

Только что я думалъ, что все кончилось, какъ вдругъ передъ зимнимъ перерывомъ на шкрабиловкѣ шкрабы составили характеристики всѣхъ учениковъ, и каждый желающій могъ прочесть свою. Я свою не только прочелъ, но и списалъ:

“Рябцевъ Костя, 15 лѣтъ. Общее развитіе для возраста безусловно недостаточное. Ученіе дается съ большимъ трудомъ. Самоувѣренность — колоссальная. Къ общественной работѣ относится исключительно горячо и нервно, но быстро остываетъ. Подростковый возрастъ и періодъ наступленія половой зрѣлости переживаетъ съ исключительными трудностями. Инстинкты исхода. Грубъ, дерзокъ и рѣзокъ до крайности. Исключительная по стилѣ работа сенсорныхъ и моторныхъ центровъ создаетъ болѣзненный и колющій эгоцентризмъ. Полусознательное отношеніе къ предстоящей взрослой жизни даетъ пищу интеллекту и его работѣ надъ инстинктами. Эта работа происходить и даетъ нѣкоторые, пока мало замѣтные плоды. Типичный подростокъ по Стэнли Холлу”.

Кто такой этотъ Стэнли Холль? Навѣрное, такой же буржуй, не хуже Дальтона... Ходилъ къ Никпетожу спрашивать, что такое “эгоцентризмъ”. Онъ объяснилъ, что такой же эгоизмъ, только еще похуже. Выходитъ, я — эгоистъ. Я такъ думаю, что я — не эгоистъ, но, конечно, шкрабовъ не переубѣдишь. Дѣло не въ этомъ. Они вотъ написали, что мнѣ ученіе дается съ большимъ трудомъ. Это можетъ и такъ, но не объяснено, почему. А это потому, что Дальтонъ. Не будь Дальтона, ученіе мнѣ давалось бы такъ же, какъ всѣмъ. Въ прошломъ году я учился не лучше и не хуже другихъ, да еще время читать оставалось. А теперь по случаю Дальтона у меня времени не хватаетъ. У Сильвы тоже вродѣ этого характеристика. Я съ ней говорилъ, и она со мной согласилась, что это изъ-за Дальтона.

18 декабря.

Сегодня была общая радость, потому что въ школу изъ коллектора привели Алешку Чикина. Мы долго кричали для переговоровъ, меня и Сережку Клинова. Алешка очень худой и блѣдный и все молчитъ. Можетъ быть, ему жилось несладко что въ безпризорныхъ, что въ коллекторѣ. Послѣ занятій мы его повели къ отцу. Приходимъ — отецъ трезвый, сидитъ и ковыряетъ шиломъ сапогъ, а мать шьетъ. Мать, какъ увидѣла Алешку, сейчасъ же завывала. А Сережка говоритъ отцу:

— Вотъ, гражданинъ Чикинъ, мы привели къ вамъ вашего сына. Школа беретъ за него ручательство на себя, что онъ будетъ учиться и вообще вести себя хорошо. Только школа требуетъ, чтобы вы его не били.

Чикина отецъ положилъ шило и говоритъ:

— Никакого полного права вы не имѣете мѣшаться въ мою жизнь! Захочу — убью, захочу — живымъ оставлю. А только онъ въ вашей школѣ воровать началъ, значитъ, вы его и обучили.

— У насъ въ школѣ воровать не обучаютъ, — отвѣчаетъ Сережка, — а если онъ проштрафился, то этого больше не будетъ. Только вы имѣйте въ виду, гражданинъ Чикинъ, что если вы его хоть пальцемъ тронете, вы будете имѣть дѣло со всей школой и, кромѣ того, попадете подъ судъ.

Мы, когда вышли, нарочно постояли съ Сережкой подъ окномъ: видѣли, какъ мать Алешку кормила, а отецъ съ нимъ разговаривалъ какъ будто ничего. Мы успокоились и ушли.

19 декабря.

Шелъ въ школу и на улицѣ встрѣтилъ Лину Г. Вотъ она подходитъ ко мнѣ и говоритъ: Въ послѣдній разъ тебя спрашиваю: будешь-ли ты со мной разговаривать или нѣтъ?

— Въ послѣдній разъ тебѣ отвѣчаю, что такъ же, какъ со всѣми дѣвчатами.

Она сейчасъ же откатилась. Вотъ дуреха-то! Никогда

въ жизни она меня не спрашивала, а теперь вдругъ приехала “въ послѣдній разъ”. Она сама отъ меня отсѣла, и теперь вдругъ разговаривай съ ней! Это, должно быть, на нее Черная Зоя влияетъ. Нѣтъ, нѣкоторые дѣвчата есть — просто сумасшедшія. А въ школу пришелъ — тамъ всѣ сидятъ по лабораторіямъ и зубрятъ. Я сталъ ходить по ребятамъ и разспрашивать, какъ дѣла. Оказывается у огромнаго большинства зачеты за декабрь не готовы, какъ и у меня. А у половины, по крайней мѣрѣ, и за ноябрь еще не сданы. Тогда я набралъ ребятъ, мы пошли въ уборную, курили и обсуждали одинъ проектъ.

21 декабря.

Я сегодня просижу хоть до пяти часовъ утра, но постараюсь все записать, какъ было.

Дѣло въ томъ, что мы еще третьяго дня рѣшили покончить съ Дальтономъ и вчера почти весь день приготавливались. Сегодня, когда ребята стали собираться въ школу, на всѣхъ стѣнахъ были развѣшены надписи и просто записки:

— Долой Дальтона!

— Ко всемъ чертямъ буржуя Дальтона!

Ребята, конечно, были всѣ очень рады. Мы сейчасъ же къ піанино — разучивать новую пѣсню. Ее сочинилъ я:

Пусть кровь наша стынетъ,

И слышится стонъ:

Да сгинетъ, да сгинетъ,

Да сгинетъ Дальтонъ!!!

А когда стали подходить шкрабы, ихъ встрѣтили этой пѣсней. Шкрабы, словно ничего не знали, разошлись по лабораторіямъ. Но никто сдавать за декабрь не пошелъ, хотя у нѣкоторыхъ было приготовлено. Въмѣсто сдаванія, всѣ ребята выскочили на дворъ. Тамъ уже мы приготовили чучело изъ соломы, въ драной шляпѣ, и на шеѣ у чучела висѣла надпись: “Это — лордъ Дальтонъ”. Чучело поставили посреди нѣ двора такъ, чтобы изъ оконъ было видно, принялись пля-

сать вокругъ него и пѣть "Карманьола". Потомъ чучело подожгли. Прибѣжалъ дворникъ, но когда увидѣлъ, что опасности нѣтъ, онъ тоже съ нами смѣялся. Чучело полыхало яркимъ огнемъ, съ трескомъ и блескомъ. А мы пѣли. Потомъ мы запѣли еще пѣсню:

Ты буржуй, проклятый лордъ!
Уходи-жъ, паршивый чортъ!

И съ пѣніемъ ввалились въ школу. Тамъ насъ всѣ шкоらбы ждали, и въ залѣ Зинъ-Пална спросила насъ, хотимъ ли мы общее собраніе, или мы такъ ужъ настроены, что лучше разойтись по домамъ. Хотя нѣкоторые маленькіе кричали, чтобы по домамъ, но мы захотѣли общее собраніе. Тогда дали звонокъ на общее собраніе.

Передъ собраніемъ я пошелъ въ уборную и вдругъ вижу — въ коридорѣ валяется записка. Я ее поднялъ и прочелъ :

"Такъ и знайте всѣ, что мы, двѣ дѣвочки, больше жить не хотимъ. Какія этому причины, а вотъ: по-первыхъ, насъ всѣ обижаютъ и придираются. Потомъ одна изъ насъ хочетъ скорѣй переселиться въ загробную жизнь, а другая — изъ-за несчастной любви. Мы всѣмъ прощаемъ. Просимъ насъ похоронить по церковному обряду. И мой сегодняшний завтракъ пусть возьметъ Костя Рябцевъ. Я ему тоже прощаю. Кто эту записку прочтетъ, тотъ пусть никому не показываетъ. И пусть похоронятъ насъ вмѣстѣ, въ одномъ гробу. А если самоубійца нельзя хоронить по церковному обряду, то пусть хоронятъ такъ, только чтобы панихиду отслужили. Прощайте!

П. С. А если хотите найти наши мертвые тѣла, то ступайте въ физическую лабораторію.

Лина Г. и Зоя Т."

Я взволновался и бросился обратно въ залу, какъ вдругъ вижу, что на стѣнѣ приколоты еще записка. Я ее сорвалъ и прочиталъ:

“Прощайте, всѣ, всѣ, всѣ, родители и ребята, вся школа. Прощайте! Наши тѣла — въ физической лабораторіи. Лина и Зоя”.

Я вбѣжалъ въ залу. Тамъ уже началось общее собраніе. Я закричалъ:

— Скорѣй въ физическую лабораторію!! Тамъ дѣвчата собрались самоубиваться! Можетъ, еще успѣмъ

Всѣ сорвались съ мѣста и понеслись въ физическую лабораторію — и шкрабы, и ребята. Я ворвался одинъ изъ первыхъ, но... тамъ никого не было. Сейчасъ же всѣ бросились рыться по шкафамъ и полкамъ, точно они тамъ могли спрятаться. Какъ вдругъ изъ аудиторіи раздался чей-то голосъ:

— Они здѣсь: Обѣ!!

Конечно, всѣ — въ аудиторію и тамъ, вѣрно, были онѣ обѣ, и обѣ живыя. Онѣ сидѣли за партами и ревѣли въ три ручья. Ну, ихъ сейчасъ же оттуда вытащили, а у меня горло отошло. Я только тогда замѣтилъ, что все время, какъ ихъ искали, меня словно кто-то душилъ.

Лину и Зою повели въ учительскую давать валерьянки, а меня обступили шкрабы и ребята, давай разспрашивать, какъ я узналъ. Я, конечно, показалъ обѣ записки и рассказъ, какъ ихъ нашелъ. Тогда Зинъ-Пална говоритъ:

— Это безобразіе, записки были нарочно подкинуты. Они ничего и не собирались кончать съ собой, а все для того, чтобы обратили на нихъ вниманіе. Придется имъ со школой разстаться.

Когда она это сказала, у меня на сердцѣ стало очень легко, и я сразу замѣтилъ, что никто изъ ребятъ не сталъ опровергать Зинъ-Палну. Потомъ пришелъ изъ учительской Никметожъ и говоритъ, что онъ ихъ спрашивалъ, какимъ образомъ они хотѣли покончить съ собой, и они сознались, что хотѣли угорѣть. Для этого они закрыли вьюшки въ печкѣ раньше времени, а въ физической лабораторіи открыли отдушникъ и стали тамъ сидѣть. Я и, вѣрно, замѣтилъ, что въ физической чуть-чуть пахло дымкомъ.

— А почему же они ушли изъ физической? — спрашиваетъ Зинъ-Пална.

— Испугались, — отвѣтилъ Никпетожъ съ улыбкой, и всѣ захохотали. Тогда Зинъ-Пална насъ спрашиваетъ:

— Какой же самоубійца станеть раскидывать записки, да еще съ адресомъ, по корридору, а главное, припиливать къ стѣнѣ?

Всѣ ребята согласились, что это правда.

— Значить, тутъ несомнѣнное притворство, да и прекрасно жъ они знали, что раньше, чѣмъ угорятъ, кто-нибудь войдетъ въ физическую лабораторію, — говоритъ Зинъ-Пална. — Придется вызвать родителей.

А тутъ стоялъ Алмакфишъ и говоритъ:

— Съ философской точки зрѣнія, количественно — это изобиліе эпохи, а качественно — приходится по ту сторону добра и зла.

Я это отъ него ужъ сколько разъ слышалъ: твердить, какъ граммофонъ.

Тутъ Никпетожъ поднялъ руку и говоритъ:

— Прошу меня выслушать, ребята. Мы строимъ новую, свободную школу. Вы и читали и слышали, что раньше школа была совсѣмъ не такой, какъ сейчасъ. Конечно, на пути постройки новой школы могутъ быть всякія трудности, какъ и во всякомъ новомъ дѣлѣ. Вотъ вы выступили сегодня противъ дальтонъ-плана. Вамъ не нравится этотъ способъ работы. Неужели вы хотите, чтобы васъ гнали изъ-подъ палки, какъ въ старой школѣ? чтобы тянули ваши мозги къ свѣту противъ вашего желанія. Спору нѣтъ, по Дальтону заниматься трудно, можетъ, и ошибокъ много въ нашемъ построеніи дальтон-плана, но вѣдь эти ошибки можно изжить. Кто не ошибается, тотъ не работаетъ. Новая школа растеть не спокойно, какъ хотѣлось бы а бурно, и съ препятствіями. Вотъ вы выступали и противъ самоуправленія, и противъ Дальтона — все это препятствія. И мы ихъ совмѣстно съ вами мало-по-малу преодолѣваемъ. Дѣвочки эти хотѣли по-

ставить намъ новое препятствіе, но это — по глупости, не-сознательно, и очень хорошо, что вы хотите ихъ простить. И я другого и не ожидалъ отъ васъ, отъ новыхъ, свободныхъ людей, людей, которые растутъ изъ революціи, изъ бурной, но молодой эпохи. Наша завѣдующая Зинаида Павловна какъ будто не согласна простить этихъ дѣвочекъ. Я присоединяюсь къ вашей просьбѣ: я думаю, что и родителей не нужно вызывать и особенно — изъ школы исключать не следуетъ. Я думаю, что мы съ вами, ребята, такъ сумѣемъ на нихъ повліять, что они бросятъ всякіе мысли о самоубійствѣ и придутъ вмѣстѣ съ нами къ сознанію, что въ новой, свободной школѣ нѣтъ и не можетъ быть мѣста мраку, отчаянію и самоубійствамъ. Такъ вотъ, Зинаида Павловна, мы съ ребятами просимъ васъ Зою и Лину простить.

Зинъ-Пална что-то хотѣла сказать, но тутъ мы все завопили:

— Простить! Повліяемъ! Простить! Прости-и-ить!!

Такъ что Зинъ-Пална даже уши зажала.

Дождалась, когда кончили орать, подняла руку и говорить:

— Эти дѣвицы, конечно, должны быть исключены. Я думаю, такъ посмотреть и отдѣлъ народнаго образованія. Но я со своей стороны согласилась бы не придавать этому дѣлу большого значенія и даже взять на себя поручительство за нихъ, если школа согласится выполнить одно маленькое условіе.

Мы насторожились:

— Какое условіе?

— Условіе такое, — говоритъ Зин-Пална: — отнестись с о з н а т е л ь н о къ дальтонъ-плану и не срывать его безсмысленными выходками. Согласитесь сами, что можете доказать трудность дальтонъ-плана, а не его бесполезность. Да и то ужъ, если что-нибудь доказывать, то разумнымъ порядкомъ, а не сжиганіемъ чучелъ. Итакъ, вотъ мое условіе.

Мы всѣ молчимъ, а Никипетожъ говоритъ:

— Что жъ, ребята, это условіе можно принять. Во всякомъ случаѣ, передъ нами есть возможность разумнаго обсужденія дальтонъ-плана. Если до сихъ поръ такое обсужденіе не было устроено — въ этомъ виноватъ недостатокъ времени и другія трудности. Такъ что же, ребята, — принимаемъ?

Смотрю — кругомъ всѣ подняли руки. Поднялъ, скрепя сердце, и я.

— Въ такомъ случаѣ, — говоритъ Зинъ-Пална, — я Зою и Лину прощаю и переговоры съ отдѣломъ народнаго образованія беру на себя.

— Урррра! — заорали мы такъ, что даже въ ушахъ зазвенѣло. — Качать Никпетожа! Кач-чать!!

И Никпетожъ полетѣлъ высоко въ воздухъ.

ВТОРОЙ ТРИМЕСТРЪ

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ.

1 января 1924 года.

На праздникахъ я вмѣстѣ съ нашими комсомольцами участвовалъ въ “комсомольскомъ рождествѣ” въ рабочемъ клубѣ. Къ этой фабрикѣ, навѣрное, припишутъ и нашу ячейку. Мы пришли съ Сильвой въ 10 часовъ вечера, и ничего еще не начиналось, хотя зала была полная, и было очень жарко и тѣсно. Часовъ въ 11 пріѣхалъ лекторъ и сталъ рассказывать про разныхъ боговъ. Можетъ быть, было бы и интересно, да только лекторъ охрипъ и усталъ, и всѣ слѣдили, какъ онъ пьетъ воду. Потомъ онъ вдругъ, въ серединѣ лекціи, взглянулъ на часы и говоритъ: “Товарищи, извините, я долженъ здѣсь кончить, потому что мнѣ еще въ пять мѣстъ нужно поспѣть”, — сорвался со сцѣны и уѣхалъ. Такъ лекція и осталась неоконченной. По-моему, тогда ужъ и начинать не нужно было. Послѣ этого очень долго ничего не было, и мнѣ уже захотѣлось спать, какъ вдругъ занавѣсъ открылся и началось представленіе. Въ этомъ представленіи попы разныхъ государствъ спорятъ другъ съ другомъ, чей богъ лучше, потомъ вдругъ входитъ рабочій съ метлой и всѣхъ разгоняетъ. Зачѣмъ-то тутъ еще вертится буржуй. Онъ хотя ни къ чему, а игралъ всѣхъ лучше и очень смѣшно. Самое смѣшное было то, что у него подштанники высовывались изъ-подъ брюкъ. Онъ ихъ все время поправлялъ: только-только поправить, а они ужъ опять вылезли. Залъ гремѣлъ отъ хохота. По-моему, разъ антирелигіозная пропаганда, то нужно обязательно что-нибудь

смѣшное, тогда она достигаетъ цѣли. А разные доклады да лекціи, особенно такіе, какъ была, могутъ оттолкнуть.

Потомъ еще я былъ вчера, подъ Новый годъ, въ нашей школѣ въ 1-й ступени на спектаклѣ, и тоже съ Сильвой. Было представлено: “Красная Золушка”. Будто бы были какія-то двѣ сестры — буржуйки, а третья — прачка. Кто это сочинялъ, я не знаю, только по-моему такъ не бываетъ, особенно что живутъ они всѣ трое вмѣстѣ. А потомъ, будто бы эти буржуйки уѣзжаютъ на балъ, а Красная Золушка остается мыть посуду. И вдругъ приходитъ какой-то хлюстъ въ красной рубашкѣ и даетъ этой самой Золушкѣ читать прокламацію. Золушка читаетъ, переодѣвается въ сестрино платье и убѣгаетъ. Во второмъ дѣйствіи — балъ, на этомъ балу танцуютъ Золушкины сестры и еще какіе-то, въ пестрыхъ костюмахъ. И вдругъ вбѣгаетъ Золушка и тоже начинаетъ танцевать. Къ ней лѣзетъ принцъ, но она его боится и убѣгаетъ и теряетъ башмакъ... Потомъ, въ третьемъ дѣйствіи принцъ пріѣзжаетъ къ нимъ домой и начинаетъ примѣривать башмакъ. Никому не подходитъ, только Золушкѣ подходитъ. Принцъ собирается на ней жениться, но вдругъ является тотъ самый агитаторъ въ красной рубашкѣ, провозглашаетъ, что началось возстаніе, и начинаетъ этого принца бить по шеѣ. Принцъ — драпка черезъ публику, а въ красной рубашкѣ гонится за нимъ, и въ это время на сцену выходятъ всѣ, кто былъ ряженые на балу, и вмѣстѣ съ сестрами поютъ “Интернаціоналъ”. Тутъ много было неправдоподобнаго, но, конечно, съ маленькихъ ребятъ спрашивать нечего, а играли они очень здорово, — такъ, что мнѣ самому захотѣлось на сцену. Въ самомъ дѣлѣ: почему у насъ никогда не бываетъ спектаклей? Надо будетъ поговорить съ Никпетожемъ. По-моему, вообще-то интереснѣй бывать въ кино, чѣмъ въ театрѣ, потому что въ кино не нужно думать; но самому представлять интереснѣй въ театрѣ — вѣдь на экранѣ будетъ одна только твоя тѣнь.

Послѣ представленія маленькіе начали танцевать. Я сейчасъ же пошелъ къ ихней шкрабихѣ, Марь-Иваннѣ, и говорю:

— А вы знаете, товарищъ, что танцовать вообще запрещено?

А она отвѣчаетъ:

— Во-первыхъ, вы не лѣзьте не въ свое дѣло, товарищъ Рябцевъ, отъ васъ вторая-то ступень плачетъ, а вы еще въ первую лѣзете. А во-вторыхъ, если вамъ не нравится, можете уходить. И потомъ, я вообще не знаю, что вы здѣсь дѣлаете?

Я страшно обозлился, но сдержался и рѣшилъ сдѣлать докладъ на ячейкѣ. Потомъ смотрѣлъ, какъ танцуютъ, и спросилъ Сильву, умѣетъ ли она танцовать. Она говоритъ, что умѣетъ, только не любить, — а у самой глаза такъ и горятъ, и все лицо покраснѣлось, и бантъ подпрыгиваетъ подъ музыку, — и я думаю, что если бы меня здѣсь не было, она обязательно бы стала танцовать. По правдѣ сказать, и я чувствовалъ себя не такъ, какъ всегда. Было очень свѣтло, всѣ лампы были зажжены, и музыка, хотя и простая рояль, такъ захватывала, что хотѣлось что-нибудь выкинуть необыкновенное. Напримѣръ, сказать блестящую рѣчь, или пройти впереди всѣхъ со знаменемъ въ рукахъ. Или хотя перекувырнуться. Но изъ своихъ ребятъ, кромѣ Сильвы, никого не было. И вдругъ Сильва беретъ меня за руку и говорить:

— Владленъ, я больше здѣсь не останусь ни за что. (У насъ такой уговоръ былъ, что она будетъ звать меня Владленомъ). Ты, если хочешь, оставайся, а я уйду.

Я, конечно, тоже ушелъ. Одному — скучно. По дорогѣ Сильва мнѣ говоритъ:

— Мало ли что кому хочется, но при чемъ же тогда будетъ идеологія?

Съ этимъ нельзя не согласиться.

5 января.

Я замѣтилъ за собой, что очень мало сплю по ночамъ. Я сталъ искать причину этого. Можно было бы подумать,

что отъ усиленныхъ занятій — но во время этого перерыва я занимался очень мало, хотя зачеты у меня запущены и, не говоря уже о декабрѣ, — за ноябрь, и то нѣкоторые предметы не сданы. Гуляю и катаюсь на конькахъ я достаточно, такъ что никакъ не могу понять причину бессоницы. Я пошелъ къ Сережкѣ Блинову и спросилъ его объ этомъ. А онъ и спрашиваетъ:

— А читаешь много?

Я отвѣтилъ, что много, и Сережка сказалъ, что будто бы отъ этого. Уйдя отъ него, я сталъ провѣрять себя. Оказывается, за перерывъ я прочелъ не такъ много, но нѣкоторыя мѣста особенно запомнились, и по ночамъ я много о нихъ думаю. Вотъ наприимѣръ, я читалъ одинъ рассказъ подъ заглавiемъ: “Свиданiе”. Въ этомъ рассказѣ французенка-гouvernantка показываетъ мальчишкѣ свою ногу выше колѣна. Хотя онъ потомъ отъ нея и убѣжалъ, потому что отъ французенки пахло потомъ, а все-таки это мѣсто очень запомнилось. Рассказъ этотъ — въ желтенькой универсальной библиотекѣ. И вотъ получается такая вещь, что учишься рядомъ съ дѣвчатами, и дерешься съ ними, и лапаешь ихъ, и это не производитъ никакого малѣйшаго впечатлѣнiя, а прочтешь что-нибудь это, и уже спать не можешь. Очегорго бы это такое?

А главное что противно: послѣ такихъ мыслей поневолѣ — фимъ-фомъ пикъ-пикъ. (Такъ въ подлинникѣ Н. О.).

11 января

Въ “Катушкѣ” помѣщено собранiе “любимыхъ школьныхъ словечекъ”:

— Шумляга, задрыга, зануда, губа, губошлепъ, мерзавецъ, скотина, идиотъ, чортъ, дьяволъ, свинья, ахмурия, сволочь, сукинъ сынъ, прохвость, подлецъ, храпондолъ, шкетъ, плашкетъ, кабыздохъ, лупетка, хамлетъ, а про дурака и болвана — говорить нечего

И еще сдѣлано примѣчаніе: и нѣкоторыхъ словъ помѣстить въ стенгазетѣ нельзя, потому, что стенгазета сама отъ нихъ покраснѣетъ. Предоставляемъ это сдѣлать "Приложенію къ "Иксу", то-есть "ПКХ".

Съ нами въ корридорѣ около "Катушки" разговаривался Никпетождъ. Онъ говоритъ, что стѣнная пресса очень полезна въ школѣ, а потомъ спросилъ:

— Какъ вы думаете, какимъ путемъ бороться съ этими словечками?

Тутъ кто-то изъ насъ брякнулъ, что ничего плохого въ такихъ выраженіяхъ нѣтъ. Остальные высказались противъ Никпетождъ предложилъ такую вещь:

— Сразу отъ сквернословія не отучишься, но постепенно можно научиться слѣдить за собой. Напримѣръ: пусть учкомъ запретить употреблять слова "дальше чорта", а "до чорта" — можно.

Мы посмѣялись и согласились на томъ, что можно употреблять слова: губа, губошлепъ, свинья, дуракъ, болванъ, чортъ. Остальные будутъ уже дальше чорта.

Интересно, что изъ этого выйдетъ. Хотя это было не официальное общее собраніе, а такъ, просто въ корридорѣ, и рѣшенія этого собранія — не обязательны.

А потомъ Никпетождъ отобралъ кой-кого изъ ребятъ, и мы пошли въ общественную лабораторію. Дѣвчатъ не было. Никпетождъ и говорить:

— Потомъ мнѣ еще нужно поговорить съ вами о матерныхъ и другихъ похабныхъ ругательствахъ. Я думаю, что выражаться похабно — это сквернить свой языкъ. Что бы вы сказали, если бы ребята въ школу приходили въ навозѣ, немые и съ насѣкомыми.

Мы отвѣтили, что, конечно, этого допустить нельзя.

— Такъ вотъ, такая же исторія — съ матерными ругательствами. Это все равно, что въ школу приходитъ вываленными въ навозѣ. И это такая же зараза, какъ отъ грязи, только умственная. Старая школа съ этимъ бороться не могла, потому что ученики тамъ были принуждены и хотѣ ма-

терщиной выражали свой протестъ. А вы противъ чего свой протестъ выражаете?

Намъ нечего было отвѣтить, и мы всѣ промолчали. Я замѣтилъ, что Никпетождъ заводитъ объ этомъ рѣчь не въ первый разъ.

12 января.

Капустники! Вотъ, должно быть, весело-то! Это мнѣ подъ страшнымъ секретомъ и даже клятвой сообщилъ Ваня Палкинъ изъ 4-й группы. Пока ничего писать не буду, а то можно засыпаться. Меня только беретъ сомнѣніе, не противорѣчить ли это комсомолу?

13 января.

Сегодня послѣ занятій одна изъ дѣвчатъ успѣлась за роль и принялась наяривать танцы. А дѣвчата — и большіе, и маленькіе, словно сговорились между собой — и пошла вертывать ногами.

Я очень хорошо знаю, что танцы запрещены, поэтому подговорилъ кое-кого изъ ребятъ, и мы стали подставлять дѣвчатамъ ноги. Тутъ, конечно, раздались пискъ и визгъ, сбѣжались шкрабы, и началось летучее общее собраніе. Я такіе летучки гораздо больше люблю, потому что на официальномъ собраніи — скучища съ протоколомъ, а на летучкѣ — крикъ, и всѣ воодушевляются, и всегда по какому-нибудь боевому вопросу.

Зинъ-Палиа прежде всего спросила, почему ребята противъ танцевъ.

— Почему что это идеологическая невыдержанность, — отвѣчаетъ Сережка Блиновъ. — Въ танцахъ нѣтъ ничего научного и разумнаго, и содержится только половое треніе другъ объ друга.

Тутъ выскочила Елникитка и говорить:

— А по-моему, мальчики потому противъ танцевъ, что сами танцовать не умѣютъ. Въ футболъ тоже нѣтъ ни-

чего разумнаго и научнаго, а одна грубость, однако мальчики въ футболъ играютъ.

Тутъ всѣ ребята закричали, что футболъ — это физкультура.

— Тогда и танцы — физкультура, — говорить Черная Зоя.

— Ну, съ этимъ я тоже не согласна, — сказала Зинаида. — Мнѣ кажется, что физкультурой танцы ужъ никакъ назвать нельзя. Но, во всякомъ случаѣ, танцы — захватывающее развлеченіе, и если ихъ отмѣнять, то необходимо замѣнить чемъ-нибудь другимъ. Вопросъ только — чемъ. Я бы посоветовала примѣнить организованныя игры въ зданіи. Я могу дать руководство.

На это возразилъ я:

— У насъ прежде всего не дѣтскій садъ, чтобы съ дѣвчатами тутъ хоромы водить. А потомъ есть разумное развлеченіе, противъ котораго, я думаю, возражать никто не будетъ. Я вотъ былъ въ первой ступени и видѣлъ, какъ тамъ маленькіе на сценѣ играли. И мнѣ самому захотѣлось на сцену. Почему у насъ не устраивается спектаклей? Это, по-моему, упущеніе.

— Вполнѣ правильно, — отвѣчаетъ Зинъ-Пална, — у насъ просто взяты за это было некому. Если кто-нибудь изъ школьных работниковъ возьмется, то я не противъ.

Мы съ шумомъ прилѣзли къ Никпетожу, и онъ согласился, сказалъ, что только подыщетъ подходящую пьесу.

Послѣ этого мы разошлись, а Ваня Палкинъ отозвалъ меня въ сторону и сначала взялъ съ меня страшную клятву, что я не разболтаю. А потомъ сказалъ, что по случаю стараго новаго года будетъ капустникъ и сказалъ адресъ. Нужно итти въ девять часовъ, а сейчасъ уже половина девятого. Папанкѣ сказалъ, что ухожу въ кинюшку, въ хорошія мѣста, и взялъ лимардъ денегъ.

14 января.

Про капустники ничего писать нельзя, а то бы я напи-

салъ очень много. Но это — страшная тайна. Видѣлъ тамъ Лину и страшно удивился.

15 января.

Занятія въ школѣ идутъ своимъ чередомъ, и теперь мнѣ гораздо легче, потому что я уже не учком. Сдалъ все за ноябрь и часть за декабрь.

Сегодня Никпетождъ притащилъ какую-то книжку и собралъ всѣхъ въ аудиторію.

— Вотъ, — говоритъ, — Рябцевъ предлагаетъ ставить спектакль, и, по-моему, это очень хорошая его инициатива. Только современныхъ пьесъ хорошихъ нѣту, поэтому я предлагаю поставить одну изъ пьесъ Шекспира: “Гамлетъ”. Правда, въ ней на первый взглядъ нѣтъ ничего революціоннаго, это я предупреждаю, но это только съ внѣшней стороны. Зато въ ней есть колоссальный внутренний протестъ.

Потомъ онъ сталъ читать вслухъ. Читаетъ онъ очень хорошо, и его пріятно слушать, только въ пьесѣ страшно много бузы. Это, конечно, можно простить, потому что пьеса написана чуть не пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, и Шекспиръ писалъ для королевы, а не для пролетаріата.

Я запишу на всякій случай, какъ я высказывался въ аудиторіи насчетъ ошибокъ Шекспира.

Въ “Гамлетѣ” рассказывается сначала, какъ стража стоитъ на крыльцѣ, и появляется духъ. Потомъ приходитъ Гамлетъ, и этотъ духъ заводитъ его къ чорту на кулички и тѣмъ начинаетъ ему рассказывать, какъ его, т.-е. духа, отправили. Оказывается, это духъ его отца, и отца его на самомъ дѣлѣ отравилъ отцовъ братъ, стало быть, Гамлетовъ дядя, а самъ женился на Гамлетовой матери и сталъ на мѣсто Гамлетова отца — королемъ. Мнѣ кажется, тутъ двѣ вещи — невязка. Во-первыхъ, никакихъ духовъ не бываетъ, а если ужъ появился духъ, то я на мѣстѣ Гамлета задалъ бы драка, чѣмъ съ нимъ разговаривать, вѣдь съ духомъ никакимъ оружіемъ не справишься, если онъ полѣзетъ драться или

душить. Во-вторыхъ, этотъ духъ плететь, что его отравили тѣмъ, что налили яду въ ухо, когда онъ спалъ. Это я что-то не слыхалъ, чтобы травили такимъ образомъ. Ну, да это — ладно; можетъ, пятьсотъ лѣтъ назадъ такъ и было.

Гораздо главнѣй ошибка Шекспира въ слѣдующемъ. Тамъ есть Полоній, это такой старикъ; у него дочь Офелія и сынъ Лаертъ. Гамлетъ шьется съ этой Офеліей и вродѣ какъ въ нее втюрился, хотя это не очень ясно. А Лаертъ живетъ во Франціи, и старикъ все беспокоится, чтобы сынъ тамъ не сбился съ панталыку. Потомъ всѣ начинаютъ замѣчать, что Гамлетъ чего-то разстроился, и думаютъ, что это—отъ любви къ Офеліи, а на самомъ дѣлѣ онъ нервничаетъ изъ-за духа и даже притворяется сумасшедшимъ. А притворяется онъ нарочно: ему нужно узнать, правду сказалъ ему духъ, или навралъ, это насчетъ отравленія-то. Вотъ, сумасшедшій Гамлетъ и устраиваетъ спектакль, въ которомъ показывается, какъ отравляютъ его отца, короля. А новый король, это, стало быть, Гамлетовъ дядя, приходитъ вмѣстѣ съ Гамлетовой матерью на этотъ спектакль. Вотъ тутъ главная невязка и есть. Я думаю, что и въ тѣ времена никакому сумасшедшему не дали бы устраивать спектакли, а просто посадили бы въ сумасшедшій домъ. Какъ бы то ни было, король и королева спокойно садятся смотрѣть этотъ сумасшедшій спектакль, а когда видятъ, что такое представляютъ, то скорѣй драчка. А Гамлетъ нарочно свое сумасшествіе показываетъ во-всю. Во-первыхъ садится на полъ, вмѣсто стула, во-вторыхъ, перебиваетъ спектакль разной белибердой, а потомъ какъ вскочить, какъ заоретъ:

— Оленя ранили стрѣлой!!

Король очень обозлился, а Гамлету только этого и нужно было. Онъ теперь уже, навѣрное, узналъ, что это король отравилъ его отца. Несмотря, что буржуазнаго происхожденія, Гамлетъ былъ парень все-таки съ мозгами. Потомъ съ Гамлетомъ разговариваетъ его мать, королева, и вродѣ какъ проситъ у него прощенія, а старый хрычъ Полоній прячется за занавѣской и подслушиваетъ. Гамлетъ егѣ

замѣтилъ и проткнулъ черезъ занавѣску шпагой, какъ крысу. Отъ этого дѣвчина, эта самая Офелія, спячиваетъ съ ума уже по-настоящему, а сынъ Лаертъ приѣзжаетъ изъ Франціи и хочетъ приколошить Гамлета за то, что онъ его папеньку угробилъ. Для этого Лаертъ отравляетъ свою шпагу и вызываетъ Гамлета на дуэль. Такъ называлось тогда, если кто-нибудь одинъ-на-одинъ выходитъ. А для того чтобы вѣрнѣй Гамлета приколошить, тутъ еще король приготавливаетъ чашку съ ядомъ. Только тутъ какъ-то такъ выходитъ, что Гамлетъ ухлопываетъ Лаерта, а чашка съ ядомъ достается королевѣ, а потомъ Гамлетъ протыкаетъ короля, да и самъ умираетъ. Передъ этимъ есть сцена, гдѣ Гамлетъ разсуждаетъ съ черепами, но, по-моему, это ужъ сплошная невязка. Кто же будетъ разговаривать съ черепами, кромѣ сумасшедшихъ. А вѣдь Гамлетъ — не сумасшедшій, такъ только притворяется.

Большинство голосовъ было за то, чтобы эту пьесу поставить. Я воздержался, потому что думаю, что что-нибудь современное было бы лучше. Чтобы съ баррикадами и революціонной борьбой.

Черная Зоя была на чтеніи, но держалась тихо. А Лины почему-то не было.

16 января.

Я до сихъ поръ про капустники — никому ни гу-гу. Строжайшій секретъ. Веня Палкинъ говоритъ, что всѣ вообще не болтаютъ. Это очень авжно.

А меня все-таки беретъ сомнѣніе: соответствуетъ ли это идеологіи комсомола и вообще коммунистической борьбы? Сильвѣ я въ этомъ отношеніи не довѣряю почему-то. Да и Веня Палкинъ говоритъ, что ее не посвящать. Веня говоритъ, что она какая-то не такая. А больше посовѣтоваться не съ кѣмъ. Веня Палкинъ не комсомолецъ, а такъ, Спросить у кого-нибудь изъ старыхъ комсомольцевъ — можно провалить все дѣло. Прямо не знаю, что дѣлать.

17 января.

Сегодня былъ окончательный конецъ нашего бунта противъ Дальтона. Приѣзжалъ инструкторъ, и было общее собраніе. Разбирался вопросъ о школьныхъ распорядкахъ и о работѣ по Дальтонъ-плану. На собраніи была скучища, и я почти все время рисовалъ плакатъ. Зинъ-Пална рассказала, какъ мы сжигали чучелу "лорда Дальтона". Это, по-моему, совершенно напрасно: была мальчишеская шалость, а она сейчасъ то инструктору. Инструкторъ посмѣялся, потомъ говоритъ:

— Вотъ, вы жили себѣ и жили, и не приходилось призывать постороннихъ людей. А теперь не сумѣли договориться — въ этомъ, конечно, виноваты и школьные работники, и ребята — и похоже на то, что въ школу приходится вводить хирургическій инструментъ въ видѣ хотя бы моего вмѣшательства. Я думаю, что на будущее время можно будетъ обойтись и безъ такого инструмента. Теперь же я васъ спрашиваю, ребята: въ чемъ вы видите недостатки Дальтонъ-плана и какъ, по-вашему, отъ нихъ избавиться.

Тутъ посыпались разные обвиненія Дальтона: говорили, что пособій въ лабораторіяхъ нѣту, и времени не хватаетъ, особенно должностнымъ лицамъ, и много всякихъ другихъ обвиненій. Потомъ всталъ я.

— Дѣло не въ лабораторіяхъ, — говорю, — а въ томъ, что отъ Дальтона голова разваливается, и дѣлается дрожанье въ рукахъ.

Все какъ захохочутъ.

— Вы чего смѣтаетесь? — спрашиваю я. — Приходилось ночами не спать, особенно когда былъ учкомомъ, и смѣяться надъ этимъ нечего. Всѣ въ такомъ положеніи. Потомъ съ Дальтономъ пошло ученіе хуже. Раньше не бывало въ нашей группѣ отставшихъ, а теперь есть.

— Кто же? — спрашиваетъ Зинъ-Пална.

— Я, — отвѣтилъ я, — и опять всѣ захохотали.

— И тутъ смѣяться нечего, — сказалъ я и обозлился.

— Дальтонъ виситъ на мнѣ постоянно, какъ мѣшокъ съ хлѣбомъ. За что я ни взялся — все воспоминаешь, что такіе-то и такіе-то зачеты не сданы. То математика, то естественный, то диаграммы не начерчены. Заниматься негдѣ да и некогда. Ни тебѣ — ни почитать, ни на конькахъ побѣгать...

— А я васъ какъ разъ видѣла, Рябцевъ, во время перерыва вы очень часто на конькахъ бѣгали, — ввертываетъ тутъ эта ехида, Елникитка.

— Что же, значить, — по-вашему, я такъ и долженъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ?

Тутъ инструкторъ говоритъ:

— А почему вы, Рябцевъ, своевременно не сдаете зачетовъ?

— Не успѣваю, къ тому же учкомомъ былъ.

Тогда инструкторъ спрашиваетъ:

— Зинаида Павловна, а другіе — тоже отстаютъ?

— Нѣтъ, большинство школы идетъ нормально.

Такъ я и сѣлъ въ калошу и ботикомъ прикрылся. Дальтонъ-планъ остался. Дальтонъ все равно бы остался, если бы большинство и отставало. Наша школа все еще въ такомъ положеніи, когда все рѣшается шкрабами, а ученики вродѣ какъ крѣпостные крестьяне, про которыхъ намъ Никпетожъ рассказывалъ: свободны только тогда, когда отбудутъ барщину. А инструкторъ и всякое другое начальство — всегда за шкрабовъ. Въ другихъ школахъ, по-моему, не такъ. Что всего обиднѣй, это — то, что насъ, вторую ступень, продолжаютъ разсматривать, какъ маленькихъ. На прощанье Зинъ-Пална сказала:

— Теперь школа окончательно вошла въ берега. Будемъ учиться, учиться и учиться! Вы помните, кто это сказалъ? Всѣ закричали:

— Ленинъ! Ленинъ!

На томъ и кончилось.

18 января.

Было распределение ролей, и Гамлета досталось играть Сережкѣ Блинову. Я бы ничуть не хуже его сыгралъ. А теперь придется играть Лаерта. Тамъ хоть и съ фехтованіемъ, а все-таки уже не то. Чортъ съ ними, сыграю и Лаерта! Все лучше, чѣмъ ничего. Я сегодня уже пробовалъ фехтовать и умирать. Ничего, — выходитъ. Въ особенности, это мѣсто:

...Что это?! Я раненъ!

Моей рапирой бился Гамлетъ — я погибъ...

И еще:

Тебя и королеву погубилъ

Король... Король...

Послѣднее: "король" нужно произносить шопотомъ, какъ будто кому-нибудь подсказываешь на урокъ

Съ дѣвчатами вышло хуже. По-настоящему, за исключеніемъ всякихъ тамъ прислужницъ, въ пьесѣ только двѣ женскихъ роли: королева и Офелія. И, конечно, всѣ дѣвчата хотѣли играть Офелію. Ихъ пришло тридцать двѣ штуки, изъ разныхъ группъ. Ну, Никпетожъ одну за другой пробовалъ и на чтеніе, и какъ ходить, и разные тамъ жесты. Долго онъ не зналъ, на комъ изъ дѣвчатъ остановиться, да такъ и отложилъ до завтра. Какъ только онъ ушелъ изъ аудиторіи, такъ и пошла потѣха. Всѣ дѣвчата какъ заругутъ. Одна кричитъ: "У тебя ничего не выходитъ, у тебя даже голосъ неподходящій". А другая: "А у тебя ростъ малъ". А третья: "Если мнѣ не дадутъ роли, я совсѣмъ не буду участвовать"... И всѣ орутъ сразу — ничего не разберешь... Я предложилъ имъ разыграть на узелки, а они всѣ на меня, насили я изъ аудиторіи убѣждалъ... Лины опять не было, да ее и въ школѣ не было, а Черная Зоя и не пробовалась, а держалась въ сторонкѣ. Она вообще теперь рѣдко выступаетъ, послѣ того случая, когда она съ Линою хотѣли самоубиваться и испугались. А Сильва не пришла на распределеніе — она считаетъ, что у ней нѣтъ драмати-

ческого таланта. Я ее всячески убѣждалъ, но она — ни въ какую... Я, говорить, пробовала, и ничего не вышло

19 января.

Венька Палькинъ, хотя и сухаревскій (у него отецъ — палаточный торговецъ), а учится въ четвертой группѣ лучше всѣхъ. Шкрабы говорятъ, что у него способности очень большія. И правда: какъ я ни обращался къ нему съ задачами или растолковать исторію, онъ мнѣ всегда очень хорошо помогалъ. Мнѣ кажется, у него фантазія очень богатая: въ прошломъ году онъ началъ мнѣ расписывать про Америку, и вдругъ говоритъ, что онъ самъ тамъ былъ, это въ Америкѣ-то. Я тогда сразу же не повѣрилъ, потому что для этого нужно вѣдь знать по-американски, а Венька самъ говоритъ, что не знаетъ. Но я сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ, и тогда Венька мнѣ подъ страшнымъ секретомъ сообщилъ, что опять собирается въ Америку и, можетъ быть, возьметъ и меня. Я тогда понялъ, что это буза, но виду опять не показаль. А вотъ насчетъ капустниковъ — не совралъ... Только мнѣ все продолжаетъ казаться, что капустники не соответствуютъ идеологii.

Сегодня была репетиція “Гамлета”, и уже къ вечеру въ стѣнной “Катушкѣ” появилась карриатура, на которой нарисованъ Сережка Блиновъ, потрясающій кулаками, ото всюду бѣгутъ ребята, и подпись:

— Что случилось, граждане? Зарѣзали кого-нибудь?

— Почему такой крикъ?

— А это репетируютъ “Гамлета”.

Дѣйствительно, крику было много. У Сережки — хриплый басъ, и онъ разоряется во-всю. Въ Офелii пробовалась Черная Зоя — и Никпетожъ сказалъ, что ничего. У вся, правда, ничего выходить, только мнѣ кажется, можно бы лучше... Я уже натренировался владѣть рапирой (то есть палкой), и очень мнѣ хотѣлось, чтобы показать всѣмъ, но до этого дѣла не дошло: не успѣли прорепетировать послѣдняго дѣйствiя.

22 января.

Мнѣ кажется: все на свѣтѣ кончилось, и на землю опустился черный мракъ. Сейчасъ уже три часа ночи, а я сижу у стола и ничего не могу обмыслить и сообразить. Я сначала думалъ, что напускаю на себя, но нѣтъ, вправду. Всѣ наши школьныя дѣла кажутся очень маленькими и противными, словно мы всѣ козявки какіе-то, которыхъ можно разглядѣть только въ микроскопъ...

На окнахъ — завитушки отъ сильнаго мороза, и мнѣ кажется, что они похожи на украшенія, которые бываютъ у гробовъ. Въ ушахъ все еще звучитъ печальная музыка, а въ глазахъ — траурныя ленты.

Въ головѣ все растекается, и я ничего сообразить не могу.

Дальше въ дневникѣ три страницы сплошь замараны чернилами.

30 января.

Это я хотѣлъ написать стихи и описать все, что я видѣлъ. Но у меня выходило все какъ-то не такъ. Для этого нужны какіе-то другіе слова, чѣмъ у меня. Я вотъ знаю, что постаршѣлъ за эти дни лѣтъ на десять, и тѣхъ словъ, какія, можетъ, мальчикомъ и выдумалъ бы, теперь у меня нѣтъ.

31 января.

До сихъ поръ школа не пришла въ настоящій порядокъ.

Смерть В. И. Ленина всѣхъ такъ поразила и такъ разбила обыкновенную, нормальную жизнь, что ни занятія, ни развлечения не могутъ наладиться.

О зачетахъ шкрабы и не разговариваютъ. Всѣмъ понятно, что хотъ учиться и нужно, но сразу ученье пойти не можетъ. Никпетождъ намъ послѣдніе дни много читаетъ вслухъ. Дѣвчата часто ревутъ по угламъ.

Офелію будетъ играть Черная Зоя, теперь это оконча-

тѣльно выяснилось. Сегодня была репетиція, но она тоже не шла. Все читали какъ-то вяло, не было настроенія.

Зинаида Павловна говоритъ, что учиться, это теперь самое важное, и мы должны напрячь всѣ усилія, чтобы преодолѣть препятствія

Въ этомъ она права.

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

3 февраля.

“Катушка” устроила среди первыхъ трехъ группъ анкету по вопросу:

— Какая цѣль жизни?

Всѣ въ эти дни очень серьезно настроены, поэтому “Катушка” получила много отвѣтовъ. Списываютъ со стѣны самые интересные.

Первая группа А.

1) Жить нужно для того, чтобы учиться и узнавать, что до сихъ поръ неизвѣстно. (Вотъ буза-то! Владленъ Рябцевъ).

2) Мы живемъ для того, чтобы учиться, радоваться, страдать, помогать ближнимъ. Да и мало ли для чего мы живемъ.

Первая группа Б.

1) Мы живемъ и учимся для того, чтобы создать сильную и культурную страну и помогать ближнему. Мы должны знать, что капля по каплѣ составилось море, и каждый человѣкъ есть капля, которая живетъ, работаетъ и совершаетъ разныя великія, малыя и среднія дѣла. Если же эта капля ничего не дѣлаетъ, то она должна знать, что мѣшаетъ морю. Тогда ей не мѣсто въ морѣ, и она должна уйти.

Такъ будемъ стараться пріобрѣсти знанія, чтобы стать на защиту Совѣтской Россіи противъ проклятой буржуазіи.

2) Мы живемъ для того, чтобы видѣть наслажденіе. Мы учимся для того, чтобы были благонравные условія во время отдыха отъ работъ. Мы чувствуемъ наслажденіе во время чтенія интересной книги и слушанія интересныхъ разсказовъ. Сдавъ зачетъ, мы тоже чувствуемъ наслажденіе.

3) Живу я для того, чтобы учиться и быть въ будущемъ образованной. Необразованной я быть не хочу, потому что всѣ меня будутъ угнетать.

Вторая группа.

1) Учиться, приносить пользу государству, а также отчасти и себѣ. Если я себѣ не буду приносить пользу, то я умру не живши, значитъ надо жить съ пользой.

2) По-моему, надо жить для того, чтобы жить.

3) Человѣкъ бѣдный живетъ, трудится, теряетъ все свое время для того, чтобы прожить, человѣкъ-буржуа тоже живетъ для того, чтобы получше прожить (конечно, несознательный). Человѣкъ, который несетъ какой-нибудь общественный трудъ, дѣлаетъ это опять-таки для того, чтобы лучше была жизнь; хотя самъ онъ часто гибнетъ, но другіе живутъ лучше. Итакъ, по-моему: живутъ для того, чтобы не себѣ, такъ другимъ чтобы жизнь была лучше. И мы сейчасъ учимся тоже, чтобы жить лучше самимъ или улучшить жизнь другимъ. Въ этомъ намъ примѣръ недавно скончавшійся учитель Владиміръ Ильичъ.

4) Жить нужно для того, чтобы удовлетворять свои потребности. (Интересно знать, кто это написалъ. Но редакторы "Катушки" нипочемъ не хотятъ сказать. А вѣдь такой отвѣтъ доказываетъ полную несознательность и даже не человѣка, а скота. Владленъ Рябцевъ).

5) Цѣль жизни заключается въ созиданіи прочного будущаго для послѣдующихъ поколѣній.

6) Жить для того, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать завоеванія пролетаріата.

7) Говорятъ обыкновенно, что цѣль жизни — это созданіе новой культуры для подрастающаго поколѣнія. Но это меня нисколько не удовлетворяетъ. По-моему, цѣль жизни, — это прожить ее безмятежно и спокойно, только съ маленькими волненіями. (Откуда у насъ въ школѣ столько буржуевъ? Владленъ Рябцевъ).

Третья группа (наша).

1) Конечно, не хлопать глазами на то, какъ другіе борются и завоевываютъ побѣды, а бороться и побѣждать самому.

2) Не давать никому ни въ чемъ отчета, до всего доходить самому (О-го-го! Владленъ Рябцевъ).

3) Задавшій этотъ вопросъ редакторъ “Катушки”, очевидно, рѣшилъ пуститься въ дебри философіи, или же его просто обуялъ великій страхъ и трепетъ передъ ничтожествомъ человѣческой жизни. Въ первомъ случаѣ хорошо, во второмъ — плохо. И вотъ почему. — “Жить для того, чтобы жить” — это единственный отвѣтъ на заданный вопросъ, какъ ни страненъ и ни одностороненъ этотъ отвѣтъ. Вся цѣль и сущность жизни для человѣка заключается лишь въ самой жизни, въ ее процессѣ. Для того, чтобы постичь цѣль и сущность жизни, необходимо прежде всего любить жизнь, всецѣло войти, что называется, въ круговоротъ жизни; и лишь тогда почувствуется смыслъ жизни, станетъ понятно, для чего жить. Жизнь — это такая штукавина, что не нуждается въ теоріи въ противовѣсъ всему созданному человѣкомъ: когда постигнешь практику жизни, будетъ ясна ее теорія.

Это особенно можетъ чувствоваться при настоящей кипучей жизни, когда легко принять участіе въ общественной и въ политикѣ, можно выбрать себѣ по душѣ какой-либо

изъ предметовъ, и итти, итти дальше, радуясь тому, что настъ застала живая, обновленная теорія.

Прежде, когда ученики при сухомъ, неинтересномъ преподавленіи и скучной жизни, отъ нечего дѣлать глядѣли на луну и слушали соловьевъ и думали о безцѣльности человѣческой жизни и додумывались до того, что теряли не только вкусъ, но и аппетитъ къ жизни — они кончали самоубійствомъ, оставляя записки, что “не стоитъ жить на свѣтѣ”. Это мы можемъ прослѣдить въ дореволюціонной литературѣ: прочтите — Чехова “Скучную исторію”, Л. Андреева “Жизнь человѣка”, и вы благодушно посмѣйтесь и спросите: неужели въ дѣйствительности существовали такіе типы и авторы, столь далекіе отъ жизни и не понимавшіе ее? Да, были такіе люди, они не жили, а думали. Они хотѣли найти жизнь въ теоріи, и не находили ея. И эти люди въ послѣдствіи понесли жестокій провалъ, они принадлежали къ нашей бѣдной погибшей интеллигенціи... И потому, если этотъ вопросъ — въ немъ цѣль жизни — пессимистическаго характера, то онъ совершенно неумѣстенъ въ настоящей дѣятельной жизни, онъ весь въ прошломъ. Но какъ здравый, естественный вопросъ, онъ не отрицается. Я не указываю, какъ на примѣръ, на разсужденія Л. Толстого, который утверждалъ, что не слѣдуетъ думать о смыслѣ человѣческой жизни, потому что человѣкъ подобенъ лошади, управляемой хозяиномъ, никогда не узнаетъ, почему ее гонитъ хозяинъ. Наоборотъ, слѣдуетъ вѣрить въ безграничность человѣческаго ума. Но и опять-таки, разсуждая даже, если хотите, теоретично, мы придемъ къ необходимости обратиться къ дѣйствительной жизни: для достиженія умственного прогресса слѣдуетъ приложить свои силы въ разные отрасли науки, слѣдовательно, войти въ жизнь. Кто не соглашается съ этимъ, кто ищетъ жизнь у себя въ душѣ и вѣритъ только въ ея глубину, презирая дѣятельную жизнь, или просто хандрить въ сознаніи собственнаго ничтожества, — тотъ не нуженъ жизни, и душа такого человѣка мелѣетъ, потому что быть глубокой она можетъ лишь гармонируя съ жизнью, — та-

кой человекъ можетъ для своего облегченія, какъ выразился одинъ типъ у Достоевскаго: "покорнѣйше возвратить Богу билетъ на право входа въ жизнь". (По-моему, это писалъ кто-нибудь изъ шкрабовъ. В. Рябцевъ).

5 февраля.

Вчера былъ капустникъ. Несмотря ни на что, мнѣ было невесело. Я все думалъ о цѣли жизни. Видѣлъ тамъ Лину, спросилъ ее, почему она не ходитъ въ школу, она отвѣтила: — не твое дѣло. Я обозвалъ ее дурехой.

6 февраля.

Сегодня была репетиція "Гамлета". Прошла она очень здорово, такъ что до сихъ поръ у меня сердце радостно бьется. Сережка Блиновъ рычалъ, ревѣлъ быкомъ и мотался по сценѣ, какъ угорѣлый: настоящий сумасшедшій. Потомъ онъ выдумалъ вотъ что: когда разговариваетъ съ могильщикомъ, онъ не бросаетъ черепъ въ моѣилу, а запускаетъ черепомъ въ могильщика, чтобы и ему доказать, что онъ, Гамлетъ, сумасшедшій. Это очень хлестко выходитъ. А когда мы фехтовали съ нимъ, то я у него выбилъ рапиру, а не онъ у меня. И такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Никпетождъ сказалъ мнѣ, что это вѣдь сцена и надо такъ, какъ у Шекспира сказано. А зачѣмъ Сережка не научится фехтовать по-настоящему?

Черная Зоя, совершенно неизвестно, когда, успѣвала переодѣваться къ каждому дѣйствию по-новому и говорить, что такъи на спектаклѣ будетъ, и теперь переодѣвается для того, чтобы привыкнуть. Когда она уже сходитъ съ ума и приходитъ съ пѣніемъ безумныхъ пѣсенъ, то Зоя вся убралась бумажными цвѣтами, спутала и распустила волосы, закатила глаза и тихо-тихо пѣла, такъ что на меня прямо жуткое впечатлѣніе произвела. А потомъ она мнѣ показалась гораздо красивѣй, чѣмъ всегда: вотъ что значить платье-то мѣняла.

У королевы — десять прислужницъ, а сцена у насъ, по необходимости, очень тѣсная, а прислужницы почти все время толкутся на сценѣ, такъ что повернуться негдѣ. Все время дрались и ругались, такъ что изъ-за этого даже репетиція нѣсколько разъ прерывалась.

8 февраля.

Еще съ недѣлю назадъ я выпросилъ у Никпетожа книжку "Гимназисты", изъ которой онъ намъ вычитывалъ про Карташева и Корневу. И въ этой книжкѣ меня поразило одно мѣсто, гдѣ рассказывается, какъ Тема Карташевъ, возвращаясь домой, увидѣлъ у горничной Тани бѣлую ногу выше колѣна и... Я теперь почти не сплю, мнѣ все представляется эта Таня и, конечно, фимъ-фимъ — пикъ-пакъ. Это очень мучительно, голова у меня тяжелая, и почти не могу заниматься.

10 февраля.

Вышелъ "Иксъ" и звонить насчетъ "Катушки" и ея анкеты о цѣли жизни. Тамъ такая статья:

О цѣли жизни въ нашей школѣ

Недавно "Катушка" занялась глубокой философией и поставила проблему: выясненія цѣли жизни вообще. А ИКС, какъ уже неоднократно писалось, старается утилизировать все для нашей школы и потому пользуется случаемъ поговорить о цѣли жизни въ нашей школѣ. Для этого мы будемъ пользоваться методомъ индукціи, т.-е. отъ частнаго къ общему. Для краткости возьмемъ квинтъ-эссенцію всѣхъ теченій, существующихъ на этотъ счетъ въ школѣ, а именно лозунги ихъ:

- 1) Узнавай, что до сихъ поръ неизвѣстно. Примѣръ: открывая перпетуумъ мобиле.
- 2) Ученье — свѣтъ, неученье — тьма!!!
- 3) Да здравствуютъ танцы!

4) Да здравствуетъ спокойная жизнь съ маленькими волненіями!!

5) Удовлетворяй свои потребности! Въ частности, не забывай сморкаться и ходить въ...

6) Въ нашъ юношескій возрастъ вредно много учиться. Да здравствуетъ свобода времени!!!

И, переходя отъ частнаго къ общему, восклицаемъ:

— Бей его, я его знаю, онъ на нашей улицѣ живетъ!!!

По-моему, это очень глупо и даже вовсе не смѣшно. Цѣль жизни — очень серьезная вещь. Зная цѣль жизни знаешь и какъ поступать. И очень, очень трудное положеніе, когда не знаешь, какъ поступать.

11 февраля.

Вчера я видѣлся съ дорогимъ моимъ товарищемъ Ванькой Петуховымъ. Онъ теперь на фабрикѣ, хорошо зарабатываетъ и содержитъ всю семью. Звалъ и меня на фабрику, но я отвѣтилъ что раньше надо доучиться. Разговаривалъ съ нимъ насчетъ цѣли жизни: Онъ отвѣтилъ мнѣ просто и ясно:

— Живемъ для того, чтобы на мѣсто прогнившего стараго строя построить новый, свѣтлый и радостный: коммунизмъ.

Я и самъ раньше такъ думалъ, да анкета "Катушки" меня смутила.

Потомъ мы съ нимъ разсуждали о половомъ вопросѣ. Онъ говоритъ:

— Да у насъ на фабрикѣ и вопроса-то никакого нѣтъ. Просто, если кому нравится дѣвчина, подходитъ и говоритъ: — Ты мнѣ нравишься, Манька или Ленка. Хочешь гулять со мной? Если не хочетъ — повернетъ спину. А если хочетъ — гуляетъ.

— То-есть какъ: по-настоящему? — спросилъ я.

— Ну да, по-настоящему. Какъ мужъ съ женой. Вѣдь это такое же необходимое, какъ ѣда. Безъ ѣды не можешь жить, и безъ этого не проживешь.

— Ну, а если ребенокъ?

— Да кто же о ребенкѣ думаетъ, когда гуляетъ, чудаки ты эдакій?!

— И ты такъ же, Ванька?

— А то какъ же.

Мнѣ кажется, онъ бузить, про себя, по крайней мѣрѣ.

12 февраля.

Репетиции идутъ полнымъ ходомъ. Сережка Блиновъ сорвался съ голоса, но такъ у него выходитъ еще страшнѣй. Потомъ онъ все выдумываетъ новые и новые выходы. Вотъ, сегодня, наприимѣръ, когда королю нужно уходить со спектакля, то Гамлетъ кричитъ:

— Оленя ранили стрѣлой!!

Сережка прокричалъ, да какъ бросится за королемъ. Схватилъ его за горло, и давай душить. Я подумалъ, что онъ и вправду съ ума сошелъ. А Никипетожъ бросился на сцену, схвативъ Сережку за плечи, и спрашиваетъ:

— Что съ вами?!

— Да вѣдь я же долженъ доказать королю, что я сумасшедшій!

— Но вѣдь этого у Шекспира нѣту!

— Такъ что жъ изъ того, что нѣту? Это режиссерская выдумка.

— Прежде всего, режиссеръ я, а не вы, — говоритъ Никпетожъ, — и кто-нибудь одинъ долженъ распоряжаться. А потомъ, если идти по вашему пути, то Гамлетъ долженъ лѣзть на стѣну и поджигать домъ.

— Режиссеръ долженъ давать свободу артистамъ, — отвѣчаетъ Сережка, — иначе мы будемъ не артисты, а маіонетки, мертвые куклы.

— Я вамъ даю свободу, только пожалуйста безъ душенія.

— И тутъ шкрабы угнетаютъ, — проворчалъ Сережка.

По-моему, конечно, режиссеръ долженъ давать ходъ ар-

тистамъ. Вотъ, напримѣръ, я играю Лаерта, и Гамлетъ вышибаетъ у меня рапиру. А я бы сдѣлалъ такъ: сначала я бы вышибъ рапиру у Гамлета, потомъ изъ великодушія далъ бы ему поднять, а потомъ онъ бы у меня вышибъ.

Сегодня я прихожу изъ школы, а папанька меня встрѣчаетъ съ растеряннымъ лицомъ. Я спрашиваю, что такое, а онъ вмѣсто отвѣта суетъ мнѣ какую-то бумагу. И руки у него дрожать. Я сталъ читать:

“Обратите вниманіе на поведеніе сына вашего Константина. За послѣднее время онъ сильно измѣнился къ худшему. Костя бываетъ въ обществѣ, гдѣ пьетъ вино до полного опьяненія, кромѣ того Костя выучился курить крѣпкія папиросы. Но всѣ свои похожденія Костя отъ васъ тщательно скрываетъ. Костя внесъ 2 милліарда, вступилъ съ нѣсколькими дѣвочками и мальчиками въ компанію, не совсѣмъ для него подходящую и очень развратную. Въ субботу всѣ члены этой компаніи собираются гдѣ-то въ Ивановскомъ паркѣ провести ночь въ буйномъ кутежѣ, съ большимъ количествомъ вина. Поэтому, вѣроятно, подъ болѣе благовиднымъ предлогомъ Костя въ субботу ночевать дома не будетъ. Все это письмо вамъ покажется глупой, невѣроятной выдумкой, но вы можете найти способъ провѣрить его содержаніе. Костя давно научился васъ ловко обманывать, и только вы можете на него полагаться”.

Я такъ и сѣлъ. Папанька спрашиваетъ:

— Костя... скажи старику!.. правда все это?

— Нѣтъ, папанька, неправда, — отвѣчаю я, а у самого круги въ глазахъ — А если бы и была правда, ты бы уже давно это замѣтилъ. Что я возвращался когда-нибудь домой, чтобы отъ меня виномъ пахло? Скажи-ка по совѣсти? Ну-ка?

— Нѣтъ, какъ будто не было этого. Да вѣдь я не нюхалъ.

— Да глаза-то, папанька, у тебя есть или нѣтъ? По виду развѣ замѣтить не могъ? Вѣдь я каждый день у тебя при глазахъ.

собака усталый, и сейчасъ же за книжки — минутки свободной нѣту...

каждый день у насъ собранія всякія, домой придешь какъ

Что я курю, это вѣрно, только тебѣ не хотѣлъ показывать, чтобы не огорчать. А насчетъ вина — буза.

А у самого въ головѣ:

“Какая сволочь это написала? Написано печатными буквами и безъ подписи, чтобы не узнали почерк. Неу-

— Ну, пдѣ мнѣ время вино пить? Самъ знаешь, почти

Не вѣрить старикъ. Чѣмъ его убѣдить?

— Такъ-то такъ, а все же...

жели... неужели...

Ничего понять не могу А папанька ходить по комнатѣ, руки у него трясутся, и мнѣ стало его такъ жалко, такъ жалко, что и выразить не могу. Пошелъ я, обнялъ его:

— Папанька, — говорю, — вѣрь моему слову, что все это буза. Вѣдь я тебѣ никогда не вралъ, — зачѣмъ же сейчасъ-то врать буду? И та успокойся, пошамай и ложись спать. А завтра, коли хочешь, иди въ школу и спроси у нашей завѣдующей, похоже это на меня — или нѣтъ. Согласенъ?

Тутъ онъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и говоритъ, что никуда не пойдетъ, и такъ вѣрить. А я вотъ — не успокоился. Живъ не буду, а разслѣдую это дѣло. Кто это писалъ?

До сихъ поръ заснуть не могу. Въ первый разъ въ жизни убѣдился, какъ тяжело врать такому старику, какъ мой.

13 февраля.

Ну, и дѣла! Оказывается. такое письмо не только моему папанькѣ прислали, а еще и другимъ отцамъ и матерямъ. Сегодня пришло ихъ въ школу человекъ шесть, и всѣ

на Зинь-Палну. Зинь-Пална сейчас же собрала всѣхъ ихъ ребятъ и долго что-то съ ними выясняла. Всѣ ребята вышли отъ нея распаренные, какъ послѣ бани. Я сейчас же ихъ разспрашивать — никто ничего не сказалъ. Венька Палкинъ ходитъ весь блѣдный и ни съ кѣмъ не разговариваетъ: думаетъ, что кто-нибудь дознался про капустники, и очень боится, какъ бы его не припаяли за это дѣло. А по-моему, теперь ужъ бояться нечего. Если раскроютъ, нужно просто сказать: да, молъ, такъ и такъ. А все-таки стараться, чтобы не раскрывали.

16 февраля.

Въ школѣ появилась Лина. Отсутствовала она будто бы по болѣзни. Пришла она съ заплаканными глазами: оказывается, ея отцу тоже прислали такое письмо. Ходила и цѣлый день плакала. Наконецъ, я не выдержалъ, подошелъ къ ней и говорю:

— Будешь ревѣть, насъ всѣхъ засыплешь! Вѣдь никто ничего толкомъ не знаетъ, и все будетъ шито-крыто.

А, она еще пуще разревѣлась и сквозь слезы — на меня:

— Это все изъ-за тебя! Ты, ты, ты во всемъ виновать! Одинъ ты. Если бы не ты, я бы...

И въ окончательный ревъ. А при чемъ тутъ я — не понимаю? Въ чемъ я могу быть виновать? Говорили, что она и самоубивалась изъ-за меня, но это буза. И даже если такъ, то я-то чѣмъ виновать, что она въ меня втюрилась? А въ капустникахъ я столько же виновать, сколько она: ходилъ, и больше нечего.

17 февраля.

Сегодня Зинаида Павловна просила учкомъ созвать общее собраніе. Вопросъ она поставила объ анонимныхъ письмахъ.

— Прошу, — говорить, — тѣхъ, кто хоть что-нибудь

знаеть о происхожденіи этихъ писемъ и есть ли въ нихъ хоть капелька правды, сказать объ этомъ общему собранію. Всѣ видятъ, что многіе изъ ребятъ подавлены и не могутъ какъ слѣдуетъ учиться.

Въ отвѣтъ — всѣ молчатъ. Я въ это время переживалъ тяжелыя чувства. Съ одной стороны я былъ связанъ страшной клятвой, какъ и всѣ остальные. А съ другой стороны, мнѣ было ясно видно, что вопросъ какъ-нибудь надо рѣшать.

— Ну, хорошо, — говоритъ Зинъ-Пална, — я вижу, что никто ничего не знаетъ. Въ такомъ случаѣ, предадимъ это дѣло забвенію. Я убѣждена, что во всемъ виновата богатая фантазія автора анонимныхъ писемъ. Со своей стороны я чрезвычайно была бы ему обязана, этому автору, если бы онъ направилъ свою фантазію въ какую-нибудь другую сторону, а не въ сторону срыва школьныхъ занятій. Кромѣ того, думаю, что слѣдуетъ ускорить подготовку постановки “Гамлета”. Слѣдуетъ устраивать репетиціи каждый день. Спектакль можетъ въ значительной степени провѣтрить головы и очистить атмосферу, а то она достигла большого давленія.

Большинство тутъ засмѣялось, а мнѣ стало еще тяжелѣй. Мнѣ стало стыдно, такъ же, какъ тогда, когда я вралъ отцу. Въ самомъ дѣлѣ, Зинъ-Пална намъ всѣмъ вѣритъ и готова когда угодно выгородить, а мы ей времъ.

Постановили: устроить спектакль 20 февраля (это съ согласія Никпетожа) — и пригласить на спектакль ячейку той фабрики, къ которой мы приписаны.

18 февраля.

Все-таки, я долженъ найти какое-то рѣшеніе половому вопросу, потому что онъ измучилъ меня вконецъ. Дошло до того, что сегодня на репетиціи, когда дѣвчата всѣ были въ костюмахъ и причесаны по-другому, и было страшнѣе на сценѣ, я нарочно сталъ ихъ затискивать въ уголъ,

не изъ озорства, а изъ-за другого. Дѣвчата на меня все преня ругались, а Никпетождъ пригрозилъ меня выставить и замѣнить кѣмъ-нибудь, хотя бы это было въ ущербъ спектаклю. Хорошо, что ни Никпетождъ и никто не замѣтилъ, что это было не изъ простого озорства. Наоборотъ, всѣ кричали, что я было притихъ послѣднее время, а теперь опять распустился.

А если бы они знали?

19 февраля.

Вышло такъ, что я теперь не смогу больше, должно быть, разговаривать съ Сильвой. Даже не знаю, какъ это записать. Все время мы были съ Сильвой, какъ хорошіе товарищи, и теперь, по совѣсти, я ничего другого къ ней и не могу чувствовать, кромѣ самого товарищескаго отношенія, но меня словно кто-то дергалъ за языкъ, и я не удержался.

Сильва — главный членъ костюмерной комиссіи, потому что другіе костюмеры ничего не дѣлаютъ, а она почти одна всѣ костюмы устроила. Поэтому Сильва бываетъ на всѣхъ репетиціяхъ, и сегодня, на генеральной, была. И вотъ, въ естественной лабораторіи, гдѣ устроена артистическая уборная. Сильва мнѣ зашивала (ша мнѣ) костюмъ Лаерта.

И вотъ, я ее спрашиваю:

— Сильва, а ты могла бы со мной гулять? Это я принципиально спрашиваю.

— То-есть, какъ гулять? — спрашиваетъ Сильва. — Вѣдь мы съ тобой много гуляемъ?

— Нѣтъ, не такъ, а по-другому. По-настоящему.

Она даже шить остановилась:

— Да мы развѣ не по-настоящему гуляемъ?

— Ты не понимаешь, — сказалъ я, и мнѣ стало очень неловко. — Ну, вотъ, напимѣръ, какъ... мужъ и жена.

Я думалъ, она разсердится, а она ничего. Опустила глаза и спрашиваетъ:

— Ты что же, на мнѣ жениться хочешь? Тебѣ еще рано, а мнѣ и подавно.

— Да ты не понимаешь, Сильва, — сказалъ я, а самъ думаю, какъ бы удрать изъ костюмерной. — Это не такъ, я совсѣмъ не про женитьбу. я хотѣлъ сказать... вотъ... могла бы ты гулять со мной... вотъ, теперь, еще въ школѣ.

Она на меня подняла глаза:

— А какъ же ты это будешь дѣлать?

— Ну... вотъ... напимѣрь, я тебя поцѣлую.

Она подумала и говоритъ:

— Этого я, пожалуй, и не позволю. Ну, допустимъ, позволю. А потомъ что ты будешь дѣлать?

— Пошла ты къ чорту! — крикнулъ я, рвануль изо всей силы нитку, которой она пришивала, и выбѣжалъ вонъ.

22 февраля.

До сихъ поръ не успѣлъ записать про спектакль: все занимался разслѣдованіемъ писемъ.

А спектакль удался на славу. Сережка Блиновъ ревѣлъ, какъ громъ. и колбасой носился по сценѣ, всѣхъ сшибалъ, такъ что король ему даже довольно громко сказалъ: “Да тише ты, ч-чортъ”. Потомъ духъ — это былъ Венька Палкинъ — былъ очень удачный. Онъ весь былъ закутанный простыней, и лицо вымазано меломъ, и голосъ загробный, особенно когда онъ изъ-подъ пола въ рупоръ говорилъ. Только онъ долженъ былъ вылѣзть изъ люка, а люкъ испртился, поэтому ему пришлось выходить прямо изъ-за сцены. Никпетожъ волновался больше всѣхъ. Онъ засѣлъ сбоку съ книжкой въ рукахъ и подсказывалъ, какъ суфлеръ, вѣдь будки у насъ нѣту. Потомъ ребята говорили, что кто сидѣлъ поближе, могъ слышать сразу два текста: одинъ изъ-за кулисъ, а другой — со сцены. Я все-таки вышибъ у Сережки рапиру, потому что онъ не умѣетъ фехтовать, и никто не замѣтилъ, что это — не по Шекспиру.

Черная Зоя играла здорово, лучше всѣхъ. Говорятъ, что многія дѣвчата даже плакали, глядя на нее.

25 февраля.

Сегодня меня Черная Зоя удивила. Послѣ спектакля она ходитъ, задравъ носъ, потому что ее много вызывали. Вообще, у ней видъ перемѣнился. Свое черное платье она перестала носить, стала веселая: не такая, какъ раньше. И про мертвецовъ разговаривать больше не хочетъ, хотя ее, по старой памяти, кое-кто дразнить мертвецами. Такъ, вотъ, она меня вывела въ корридоръ и говоритъ:

— Знаешь, я хочу тебѣ сообщить секретъ.

— Какой секретъ? Пожалуйста, безъ секретовъ.

— Нѣтъ, очень важный. Ты знаешь, я въ тебя влюблена.

— Что-о-о!

— Да ты не штокай. Ты не думай, пожалуйста, про себя очень много, влюбленіе не отъ насъ зависить, а отъ природы. И не воображай, что я изъ-за тебя что-нибудь нѣтворю. А только я думала-думала и рѣшила сказать тебѣ прямо, потому что такъ на сердце легче станеть. И это тебѣ никакихъ правъ надо мной не даетъ.

— Пойди, выпей холодной воды, — отвѣтилъ я и пошелъ прочь.

26 февраля.

Странная исторія! Дѣвчата пошли шушукаться между собой, и я кое отъ кого узналъ, что опять хотятъ поднять бузу насчетъ капустниковъ. Но самое главное, что я узналъ, это то, что Сильва съ ними заодно. Съ Сильвой я не разговаривалъ ни разу съ тѣхъ поръ, какъ задалъ ей вопросъ (я хотѣлъ только принципиально выяснить), и видно, что она меня избѣгаетъ.

Узнавъ про шушуканье, я посоветовался съ Венькой Палкинымъ, и мы рѣшили предпринять контръ-наступленіе.

27 февраля.

Я страшно радъ и доволенъ собой. Почти весь фев-

раль я просидѣлъ надъ докладомъ о китайскихъ событіяхъ, и Никпетождъ доклад очень похвалилъ.

А потомъ, кажется, я прослѣдилъ за тѣмъ, кто писалъ анонимные письма. Это — Гороховъ Кешка, длинновязый такой и молчаливый парень изъ второй группы. А почему я думаю, что это онъ, — вотъ. Единственной нитью у меня въ рукахъ было письмо, которое получилъ папанька. А у насъ въ школѣ каждый приносить чернида съ собой. Вотъ я и сталъ прослѣживать чернила у каждого. Эта работа была трудная потому, что каждый прячетъ чернила, какъ только напишетъ то, что надо. Поди-ка, услѣди. Но сегодня устроилъ штуку. Ворвался въ математическую лабораторію. когда тамъ занимались одни второгруппники безъ Алмакфиша, и закричалъ:

— Скорѣй, давайте чернилъ, Алмакфишъ проситъ!

И самъ схватываю первые попавшіеся чернила (конечно, Кешкины, я еще раньше замѣтилъ, что онъ ближе къ двери сидитъ). И — дралка. Кешка мнѣ вдогонку: “Да стой, погоди, мнѣ писать нужно”, — но я, не будь дуракъ, скорѣй въ аудиторію, тамъ у меня была приготовлена пустая склянка, отлилъ туда Кешкиныхъ чернилъ и иду равнодушно обратно, отдаю Кешкѣ чернила. Онъ на меня подозрительно посмотрѣлъ, но ничего не сказалъ. А я лавно за нимъ наблюдаю и замѣтилъ, что какъ посмотрю на него, такъ онъ мѣняется въ лицѣ. И потомъ онъ — единственный изъ второй группы, которой бывалъ на капустникахъ. Чернила я свѣрилъ, и оказались очень похожи: лиловые, какъ тѣ, такъ и другіе. Теперь проверитъ почеркъ, и дѣло въ шляпѣ. Только это еще труднѣй, потому что письма-то написаны печатными буквами.

3 марта.

Всѣми правдами и неправдами мнѣ удалось раздобыть тетрадку Кешки Горохова, и я занялся сличеніемъ почерковъ. Въ общемъ, мнѣ показалось, что почерки письма и

тетрадки похожи, и я пошелъ разговаривать съ Кешкой. Я прямо началъ:

— Кешка, это ты писалъ письма родителямъ?

Онъ даже весь измѣнился въ лицѣ и отвѣчаетъ:

— Ты что, сволочь, съ ума сошелъ?!

Я наподдалъ еще:

— Что ты знаешь? Что ты знаешь?

И замахалъ рулаками. Я сдѣлалъ таинственный видъ и ушелъ. Теперь, по психологiи, онъ самъ долженъ ко мнѣ притти и сознаться.

4 марта.

Я здорово обмисшулился. Дѣло было такъ. Я пошелъ сдавать къ Никпетожу за январь, раскрылъ книгу по исторiи, и вдругъ вижу: тамъ лежитъ записка. Я развернулъ и даже ахнулъ:

“Костя, по старому чувству тебя предупреждаютъ, что противъ тебя и Венъка Падкина готовится походъ за капустники. Они все знаютъ. Берегись”.

Но ахнулъ-то я не отъ того, что тамъ было написано, а оттого, что почеркъ и печатные буквы, и чернила, — все было то же самое. Значить, это не Кешка. Послѣ нашей чуть ли не драки станеть меня Кешка предупреждать, да еще по какому-то “старому чувству”? Тогда я пошелъ къ Никпетожу и вмѣсто сдачи зачета спросилъ его:

— Николай Петровичъ, хорошо я дѣлаю, что пытаюсь узнать, кто изъ ребятъ писалъ анонимныя письма?

— А какъ вы это дѣлаете?

— Слѣжу и потомъ дѣлаю выводы.

— А зачѣмъ вы это дѣлаете?

— А потому, что тотъ, кто писалъ, подводить товарищей.

— Видите, Рябцевъ, прежде всего, братъ на себя роль добровольнаго сыщика за товарищами — это роль совсѣмъ неблагоприятная. Затѣмъ вѣдь дѣло предано забвенiю, зачѣмъ же его опять воскрешать?

Я чуть было не брякнулъ, что дѣло опять всплываетъ, но во-время прикусилъ языкъ.

Поиски я, пожалуй, и вправду прекращу: чуть было не попалъ въ дурацкую исторію съ Кешкой Гороховымъ.

Но кто же писалъ письма, и потомъ эту записку — мнѣ?

7 марта.

Я прочелъ Арцыбашева “Санинъ” и потомъ всю ночь опять не спалъ, и опять было фимъ-фомъ пижъ-пакъ. Теперь страшно болитъ голова, и я прямо не знаю, что дѣлать. Къ Никпетожу, что ли, пойти? Неловко какъ-то. “Скажетъ: “Объясняли вамъ на естественной, а вамъ все мало?”. Да и не могу же я ему рассказать всего.

Плохо то, что все это отзывается на умственномъ положеніи. Я теперь дошелъ вотъ до чего. Взялъ тетрадку своего дневника, гдѣ было списано со стѣны про цѣль жизни, нашелъ то мѣсто, гдѣ я написалъ: “Вотъ буза-то” (это гдѣ говорилось про удовлетвореніе потребностей) — и зачеркнулъ, что самъ написалъ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ принужденъ удовлетворять свои потребности не такъ, какъ всѣ, онъ страдаетъ. Страдаетъ онъ и тогда, когда совѣмъ не можетъ удовлетворять потребностей. А жить и страдать — это стоитъ ли?

Но когда такіе мысли пришли, я сейчасъ же спросилъ себя:

— А достойно это комсомольца, — человѣка, идущаго въ авангардъ молодежи? Потому что я, хоть не комсомолецъ, а кандидатъ, но считаю себя убѣжденнымъ коммунистомъ. Вообще, мнѣ кажется, я совершилъ много плохого: тутъ и участіе въ капустникахъ, и то вранье, которое за этимъ послѣдовало, а главное, конечно, это — половой вопросъ. У буржуазіи и интеллигенціи половой вопросъ разрѣшался какъ разъ въ такую сторону, какъ у меня. Что же я — буржуй? Или я — интеллигентъ? Ни тѣмъ, ни другимъ себя не считаю, поэтому долженъ рѣшать вопросъ какъ-то по-другому.

12 марта.

Я только что съ засѣданія ячейки, которое было въ фабричномъ клубѣ. Хотя сейчасъ уже поздно, но придется записать все, иначе можно забыть. На ячейку собралось чело-вѣкъ полтора, среди нихъ — нашихъ школьныхъ ребятъ всего чело-вѣкъ двадцать, а остальные — фабричные. Сначала было всё какъ у насъ, и даже еще скучнѣе. Информациа райкома, потомъ — докладъ бюро. Ребята (фабричные) начали отъ скуки бузить, и предсѣдатель ихъ то и дѣло одергивалъ. Потомъ пошли текущія дѣла, и всё навестили уши.

Тамъ есть одна дѣвчина, Гулькина, — такъ она подала заявленіе въ ячейку, чтобы ей выдали средства на абортъ.

Надо спросить у Сережки Блинова, что это за штука: это, кажется, какъ-то такое дѣлаютъ, что мужчина становится женщиной, и наоборотъ; новое изобрѣтеніе медицины; вообще, какъ-то такъ устраиваютъ, что женщина не рождаетъ дѣтей). И вотъ, когда прочитали это заявленіе, поднялся въ залѣ страшный шумъ: кто кричитъ — дать, а кто — не давать. Выступилъ секретарь ячейки Ивановъ, серьезный такой парень.

— Какіе у насъ, къ шутку, средства, когда членскіе взносы поступаютъ съ опозданіемъ на три мѣсяца, хоть насильно отнимай!.. Откуда мы ей возьмемъ средства: что, всамдѣлѣ, банкъ у насъ, что ли?

Тутъ выскочила одна дѣвчина, очень сердитая: она по всѣмъ вопросамъ выступаетъ и каждый разъ сердится.

— Это мы и будемъ каждой давать, это что же у насъ будетъ? Одно за другой абортъ начнутъ дѣлать. А рожать кто будетъ? Пушкинъ рожать будетъ? Предлагаю конкретное: выдать ей книгу про абортъ, пусть прочтаетъ.

Тутъ другіе опять стали кричать:

— Дать! Дать!

Только, по-моему, они это для бузы, потому что секретарь сказалъ вѣдь русскимъ языкомъ, что средствъ нѣту. Тутъ еще одна дѣвчина выскочила и говоритъ:

— Давать никакъ нельзя: во-первыхъ, потому что средствъ нѣту. во-вторыхъ, рожать кому-нибудь надо, какъ уже говорили, а въ-третьихъ, и это самое главное, — отъ аборта она можетъ умереть. Или ей можетъ быть страшный вредъ. Она можетъ остаться калѣкой на всю жизнь. Абортъ далеко не каждый разъ бываетъ удачный!

Раздались голоса, чтобы не давать. Но тутъ выступилъ опять Ивановъ и говорить:

— Какъ я уже сказалъ, изъ средствъ ячейки мы не можемъ дать никакихъ денегъ. Но, ребята, это рѣшеніе: не давать, и больше ничего, — принимать нельзя. Развѣ не помните, — Гулькиной другое заявленіе было, что ей жить негдѣ. Что ей комнату надо дать или хоть уголъ? Тутъ нужно обслѣдовать матеріальное положеніе Гулькиной, Тѣмъ болѣе, что она пріютилась на другомъ концѣ города. Конечно, не абортъ, — пускай рождаетъ, но отмахиваться все же нельзя: помочь надо. Комнату отыскать, или что.

Проголосовали, выбрали комиссію обслѣдовать матеріальное положеніе этой дѣвчины, Гулькиной, и стали пѣть "Молодую гвардію"... Значить, конецъ.

Я домой шелъ одинъ и все думалъ. Фабричная жизнь и работа ихней ячейки раньше мнѣ представлялась какой-то особенной: ну, вотъ, какъ фабрика ночью бываетъ освѣщена огнями и вся такъ и полыхаетъ. А оказывается, что и ребята также любятъ бузить, какъ наши, да и въ вопросахъ, поднимаемыхъ на ячейкѣ, не такъ уже трудно разобратъся. А я-то думалъ, что придется долго привыкать и присматриваться, прежде чѣмъ что-нибудь поймешь.

Мнѣ стало очень весело и какъ-то легко на душѣ. Во-первыхъ, я не одинокъ, а во-вторыхъ, значить, и я могу быть полезнымъ своему классу. И вмѣстѣ съ тѣмъ мысли въ голову лѣзли опять про половой вопросъ, но уже съ другой стороны. Тутъ много значила исторія съ этой дѣвчиной. Ванька Пѣтуховъ говорилъ, что это очень просто все, а оказывается, даже очень не просто, если ячейка изъ полутораста человѣкъ стала втупикъ передъ этимъ вопро-

сомъ. Мнѣ теперь кажется, что съ половымъ вопросомъ можетъ быть очень много страданій. Напримѣръ: абортъ этотъ. Съ какой стати дѣвчина останется на всю жизнь калѣкой?

Напрасно раньше, я такъ мало вниманія удѣлялъ связи съ фабричной ячейкой: тамъ много кое-что можно узнать. Обязательно пойду къ Иванову посоветоваться съ нимъ насчетъ одного вопроса.

14 марта.

Я говорилъ съ Сережкой Блиновымъ насчетъ аборта, и онъ мнѣ подробно объяснилъ, что это такое.

Я полагаю что эти самые “аборты” не обходятся безъ того, чтобы дѣвчину искалѣчить. Лучше пускай они рожаютъ хорошихъ и здоровыхъ ребятъ.

Должна быть смѣна.

1 марта.

Я давно уже замѣтилъ, что Венька Палкинъ въ школу не ходитъ. Я такъ думалъ, что это изъ-за капустниковъ. Теперь мнѣ кажется, что по другому поводу. Но вмѣшиваться я въ это не стану. Мнѣ кажется, что Никпетождъ правъ и что слѣдить за товарищами — не совсѣмъ благовидное занятіе.

Такъ какъ я разошелся съ Сильвой, то мнѣ не съ кѣмъ было дружить, и я все чаще бываю съ Черной Зоей. Она мнѣ призналась, что раньше меня ненавидѣла за всякіе придирики. И что перемѣнила ко мнѣ чувства послѣ спектакля, когда я очень ловко вышибъ рапиру изъ рукъ Сережки Блинова.

Занятія мои идутъ нормально. Головные боли прекратились, и ф-ф п-п — тоже. Я каждое утро обтираюсь снѣгомъ.

21 марта.

Сегодня ко мнѣ подходитъ Сильва и говорить:

— Костя Рябцевъ, я принуждена тебѣ сказать, что окончательно перемѣнила мнѣніе о тебѣ. Раньше я думала, что ты настоящій комсомолецъ и вѣренъ идеологіи. А теперь я вижу, что ты просто притворялся и что настоящая твоя идеологія далеко не соответствуетъ комсомолу.

— Я никогда не притворялся, — отвѣчаю я. — И откуда ты знаешь мою настоящую идеологію?

— Тебѣ это прекрасно извѣстно. Но и мнѣ извѣстно, что вы устраивали съ Веней Палкинымъ.

— Прежде всего, я ничего не устраивалъ, а только ходилъ. А потомъ, значить это ты писала анонимки?

— Ахъ, ты, дрянъ ты эдакая, — говоритъ Сильва и смотреть мнѣ прямо въ глаза. — И ты могъ это сказать? Хорошъ!

Повернулась — и уходитъ.

— Стой, Сильва, — говорю я. — Ты дѣйствительно думаешь, что у меня не комсомольская идеологія?

— Я съ тобой и разговаривать-то не хочу. — И ушла.

Мнѣ было до крайности обидно, но я ничего не могъ сдѣлать, потому что отчасти она права. Хотя я никогда не притворялся.

Но все-таки я ей докажу.

23 марта.

Произошелъ большой и все-таки не совсѣмъ понятный скандалъ.

Въ школу явился служитель культа (попъ), — отецъ Лины. Онъ вызвалъ Зинъ-Палнт, и они долго объяснялись. Отецъ Лины, весь красный, что-то доказывалъ Зинъ-Палнтъ, а она только разводила руками. Это было въ шкрабей комнатѣ, поэтому никто ничего не слышалъ. Потомъ Зинъ-Пална, страшно взволнованная, ушла вмѣстѣ съ отцомъ Лины и вернулась только къ концу уроковъ.

Сейчасъ же было созвано собраніе шкрабовъ, а мы распущены по домамъ.

25 марта.

Мнѣ очень тяжело будетъ написать это, но я все-таки напишу.

Сегодня, какъ только я пришелъ въ школу, Зинѣ-Пална вызвала меня къ себѣ.

— Вы будете, Рябцевъ, со мной говорить вполне искренно? — спрашиваетъ она.

— Буду, — сказалъ я и гляжу ей прямо въ глаза. (Мнѣ надоѣло врать).

— Скажите, вы бывали на этихъ сборищахъ, которые устраивалъ Веня Палкинъ?

— Бывалъ.

— Вамъ приходило въ голову, что вы этимъ не только срываете школьные занятія, но и подводите всю школу?

— Даю честное комсомольское слово, что не приходило.

— Что же вы думали о связи школы съ этими... явлениями?

— Я думалъ, чт о... разъ это устраивается внѣ школы, то... одно къ другому не имѣетъ отношенія.

— Ну, допустимъ такъ. А то, что случилось съ Линой. — вы знаете?

— Я видѣлъ, что она не ходитъ въ школу и что это стоитъ въ какой-то связи с... капустниками, но, даю честное слово, опредѣленно не знаю.

— Линѣ придется уйти изъ школы, и она уѣзжаетъ на Украину. Я думаю, вы сумѣете такъ же молчать про нашъ разговоръ, какъ вы молчали про ваши капустники?

— Зинаида Павловна, я, конечно, буду молчать, — сказалъ я, и у меня въ горлѣ перехватило. — Только... Я думаю, что дѣвчатамъ все уже извѣстно гораздо лучше меня.

— Я съ ними уже говорила. Ступайте.

— Погодите... Зинаида Павловна... еще одинъ во-

прось. Что... имѣтъ отношеніе... то, что случилось съ Линой, имѣтъ отношеніе к... половому вопросу?

— Да. Имѣтъ, — твердо сказала Зинаида Павловна. — Теперь идите.

Я ушелъ — только не въ школу, а домой.

Послѣ записи 25 марта въ тетради вымарано нѣсколько страницъ.

5 апрѣля.

Вчера я получилъ письмо отъ Лины:

“Костя Рябцевъ! Я тебя теперь не виню ни въ чемъ и понимаю, что сама очень виновата. Костя Рябцевъ, когда ты получишь это письмо, то я буду такъ далеко отъ тебя, что мнѣ не будетъ стыдно. Я теперь начинаю новую жизнь, а все то, старое, прошлое и мрачное, осталось позади и вычеркнуто изъ моей жизни навсегда.

Знай, что я сошлась съ В. П. изъ-за тебя. Вѣрнѣй, со зла на тебя и съ отчаянія, что ты со мной грубъ и что такъ глупо и пошло вышло наше самоубійство. Все это прошло, прошло, прошло, — и теперь мнѣ такъ легко... Я совѣтую тебѣ тоже бросить такую жизнь, потому что кромѣ безпросвѣтнаго мрака ты ничего не получишь. А все прекрасное въ жизни у тебя, какъ и у меня, еще впереди.

Тоже узнай, что письма писала всемъ родителямъ я. мучилась, я страдала и хотѣла все это прекратить, только не знала, какъ. Вотъ и выдумала. Мнѣ стало отъ этого еще тяжелѣй. И только теперь, вырвавшись изъ мрака на свободу и свѣтъ, я поняла, какъ была глупа.

Ты напрасно говорилъ съ Сильвой о том, — помнишь, тамъ, въ костюмерной... Сильва не такая. Во время самыхъ тяжелыхъ моихъ переживаній она уха-

живала за мной, какъ сестра, хотя раньше я была съ ней груба.

Прощай, Костя Рябцевъ! Живи счастливо и поминись съ Сильвой. А меня забудь, — навсегда, навсегда...

Какъ все-таки скверно, когда не умѣешь жить!

10 апрѣля.

Сегодня на улицѣ встрѣтилъ Веньку Палкина, въ модномъ пальто и съ папироской въ зубахъ, съ тросточкой.

— А, Костя, — говорить, — все еще маринуешься въ копильникѣ?

— Да, все еще учусь въ школѣ.

— Охота тебѣ... Знаешь что? Приходи завтра ко мнѣ на квартиру. Я тамъ же живу. Будутъ дѣвчата, — не ваши кислые школьные, а настоящія дѣвочки, добрыя. Вино новое выпустили. Приходи!

— Ну, что жъ? — сказалъ я, — приду. А изъ нашихъ кто-нибудь будетъ?

— Какъ же, будутъ! Все хорошіе товарищи. Такъ придешь?

— Приду. До свиданія.

12 апрѣля.

Дѣло было вотъ какъ.

Я, какъ всегда, пришелъ къ Венькѣ въ Ивановскій паркъ часамъ къ девяти. Тамъ у него было въ сборѣ народу человѣкъ 12. Всѣ сидѣли за столомъ, а родителей не было — они всегда уходятъ, когда у Веньки капустники.

Теперь я все могу писать, и поэтому — что такое капустники. Капустники — это выпивка и гульба съ дѣвчатами, только не такая, какъ по улицамъ съ ними гулять. а лапанье въ обнимку, поцѣлуи. По серединѣ стола ставится кислая капуста съ постнымъ масломъ, ее всѣ очень любятъ. Потомъ всѣ пьютъ самогонъ, пока не напиваются. Я

кромѣ лапанья ничего не видѣлъ, а теперь я догадываюсь, что было и похуже.

Ну, такъ вотъ: я пришелъ, а они сидятъ, и въ томъ числѣ изъ нашей школы человѣка три. Я даже имена ихъ писать не буду. Всѣ ребята, изъ дѣвчатъ никого. Дѣвчата были только чужія и покрашенные.

Ну, такъ вотъ. Они все уже полупьяные, — какъ увидѣли меня, такъ и закричали:

— А, Костя пришелъ: Налейте ему со встрѣчей! Дѣло будетъ!

— Да, будетъ хорошее дѣло, — сказалъ я, взявъ и разбилъ объ полъ стаканъ, который мнѣ подали. — Дѣло будетъ хорошее потому, что я понялъ, какіе дѣла бываютъ хорошія и какія плохія. Вы, мои дорогіе товарищи по школѣ, сейчасъ уйдете отсюда вмѣстѣ со мной и никогда больше сюда носу не покажете, потому что это гадость, что вы сейчасъ дѣлаете и что дѣлалъ раньше я. Только раньше я скажу пару словъ остальнымъ гражданамъ, которые здѣсь.

— Да ты что, съ ума сошелъ?! — закричалъ Венька Палкинъ.

— Нѣтъ, я съ ума не сошелъ, наоборотъ, умъ ко мнѣ вернулся, — отвѣтилъ я. — Ты сосчиталъ, Венька, сколько пакости принесъ этими своими капустниками? Ты сосчиталъ то что дѣвчинѣ одной — ты знаешь, про кого я говорю — искалѣчилъ жизнь? И нашу школу чуть было не сорвалъ, — ты это сосчиталъ? Нѣтъ, ты ужъ пей и развратничай со своими пріятелями, а нашу школу въ покоѣ оставь!

— Сволочь ты несчастная! — закричалъ Венька и полѣзъ съ кулаками.

Тогда я пустилъ въ него бутылкой, и мы вмѣстѣ съ ребятами выскочили вонъ.

15 апрѣля.

Даже руки дрожатъ отъ усталости — до того придѣтся спѣшить съ зачетами. Изъ-за всѣхъ зимнихъ исто-

рій у меня запущены все предметы, а вѣдь лѣто на носу: если не сдать теперь, то и погулять лѣтомъ какъ слѣдуетъ не удастся. Да еще говорятъ, что будетъ лѣтняя школа. Я думалъ раньше, что эта лѣтняя школа только для первой ступени, а для второй отмѣнена, а теперь оказывается, что и намъ ее нагрузили. Значитъ, опять начнутся экскурси. Сережка Блиновъ говоритъ, что во время лѣтней школы должно обнаружиться полное несоотвѣтствіе шкрабовъ: еще зимой-то, по его мнѣнію, шкрабы кое-какъ справлялись, а лѣтомъ обязательно засыплются.

У меня новый товарищъ — Юшка Громовъ. Онъ и раньше былъ въ школѣ, и даже въ нашей группѣ, но я съ нимъ не очень водился. Онъ очень веселый парень и не любитъ задумываться надъ вопросами. Я ему кое-что раскрылъ про себя, напримѣръ, — рассказалъ про капустники, но онъ говоритъ, что это все — начхать на вѣтеръ, и надо какъ можно скорѣй забыть про все это дѣло.

17 апрѣля.

Въ школѣ началось очень странное явленіе. Вчера я проходилъ мимо математической и вдругъ слышу страшный хохотъ.... Я сейчасъ же вбѣжалъ туда, и вижу: сидятъ другъ противъ друга Нинка Фрадкина и Стаська Велепольская, обѣ изъ четвертой группы и — хохочутъ. Мнѣ самому смѣшно стало, я ихъ спрашиваю:

— Вы чего?

А самъ хохочу. Они еще пуше, и вдругъ я замѣтилъ, что у Стаськи въ горлѣ что-то булькаетъ. Потомъ бульканье перешло въ хрипенье, и мнѣ стало жутко. Я скорѣй за дежурнымъ шкрабомъ, — это былъ Алмакфишъ, — мы съ нимъ прибѣжали, а дѣвчата такъ и закатываются рыданіями. Алмакфишъ сказалъ, что это — истерика, я сбѣгалъ за водой и полотенцемъ, и обѣихъ дѣвчатъ уняли. Ребята меня спрашивали потомъ, не желаю ли я заняться ихъ излѣчить, все равно, какъ зимой Зою Травникову, но я отвѣ-

тиль, что теперь это не мое дѣло, и пусть теперешніе учкомы слѣдятъ.

А у меня и безъ того дѣла много. Еще мѣсяцъ тому назадъ нашу школу губернское ОНО привлекло для борьбы съ безпризорностью въ социально-правовую охрану несовершеннолѣтнихъ (СПОН); въ виду исторіи съ Алешкой Чикинымъ, когда онъ укралъ шесть лимардовъ, а я потомъ видѣлъ его въ разваленномъ подвалѣ, школа выбрала для сношеній съ СПОН-омъ меня. Вотъ, теперь я и хожу въ СПОН. Приходится имѣть много дѣла съ безпризорниками, и почти все безъ толку. Говорятъ, что послѣ трехъ мѣсяцевъ работы съ ними взрослые попадаютъ въ нервныя санаторіи. А по-моему, надо такъ: организовать отряды изъ такихъ же ребятъ, какъ я; вступать на каждомъ перекресткѣ съ безпризорниками въ драку, устраивать стѣнки, а послѣ стѣнокъ раскуривать цыгарки и пить водку: такъ они охотнѣй вступать въ знакомство, а тамъ ужъ и грамота пойдетъ. Или рассказывать сказки, какъ Ванька Пѣтуховъ. И тогда никакихъ нервныхъ санаторіевъ не нужно будетъ. Тутъ только одно возраженіе, что времени много пойдетъ, и некогда будетъ нашимъ ребятамъ учиться. Я рассказалъ этотъ проектъ секретарю СПОН-а, а онъ только смѣется. Смѣяться нечего, нужно было бы обсудить. Когда надо мной смѣются, терпѣть не могу. Во всякомъ случаѣ ихній способъ тоже никуда не годится, и я, должно быть, въ СПОН-е работать больше не стану.

У Алешки Чикина задавилъ отца грузовикъ Комхоза, и Зинь-Пална взяла Алешку къ себѣ на воспитаніе. Вся школа считаетъ, что это она сдѣлала очень хорошо.

20 апрѣля.

По поводу истерики дѣвчатъ было собраніе учкома, на которое меня позвали, какъ свидѣтеля. Тутъ же были и "милиционеры". Милиція введена въ школѣ уже съ мѣсяцъ, — для того чтобы снять съ учкома административныя обязанно-

сти. “Милиціонеровъ” полагается двое, они бродятъ по всей школѣ, — аккуратъ какъ французскіе полицейскіе въ кино: видъ, по крайней мѣрѣ, такой же дурацкій. Я рассказалъ, какъ было дѣло, и ушелъ. Они, кажется, такъ ничего и не рѣшили.

На текстильную фабрику, къ ячеекѣ которой мы приписаны, мы нѣсколько разъ ходили въ экскурсію. Въ остальномъ ячейка и наша фракція комсомола почти никакъ не вліяютъ на школьную жизнь, и это, по-моему, плохо.

22 апрѣля.

Въ аудиторіи произошла страшная драка, и Володькѣ Шмерцу разбили въ кровь всю физику; Володьку такъ часто бьютъ, что мы его прозвали: “два небитыхъ”; и, конечно, “милиціонеры” ничего не могли подѣлать съ ребятами, такъ что пришлось звать дежурнаго шкраба.

На общемъ собраніи разбирался новый проектъ самоуправленія. По этому проекту предполагается, что учкомы будутъ избираться на три мѣсяца, а не на мѣсяцъ, какъ прежде, и это для того, чтобы учкомы больше могли войти въ курсъ дѣла, а то — не успѣетъ привыкнуть, и сейчасъ же смѣняется. Сережка Блиновъ привелъ, что, во-первыхъ, чѣмъ дольше учкомъ, тѣмъ больше онъ заѣдается властью, а во-вторыхъ — все равно: на сколько ни избирай учкомъ, подчиненный шкрабамъ, хотя бы на годъ, все равно — толку не будетъ, потому что такой учкомъ никогда не будетъ пользоваться никакимъ авторитетомъ. На это Зинъ-Пална сказала:

— Я вижу, что Блиновъ опять принимается за старое. Неужели онъ хочетъ, чтобы школа опять раздѣлялась на двѣ партіи, и это передъ самымъ окончаніемъ занятій, и въ наиболѣе отвѣтственный моментъ сдачи общихъ зачетовъ. Я думаю, что это просто на него дѣйствуетъ весна.

Сережка отвѣтилъ на это, что весна тутъ не при чемъ и что онъ просто хотѣлъ выразить свое мнѣніе. Но такъ какъ всѣ страшно нервничали — разозлился и Сережка и повысилъ

голосъ. На это внезапно Алмакфишъ закричалъ, что Блинову давно мѣсто не въ школѣ, а въ вузѣ, и произошелъ скандалъ. Зинъ-Пална своей властью закрыла собраніе.

Сережка обѣщалъ послѣ этого въ корридорѣ, что онъ всѣмъ шкрабамъ покажетъ, и покажетъ, изъ принципа, что онъ — революціонеръ прежде всего. потомъ — школьникъ, и все остальное.

23 апрѣля.

Вышелъ "Иксъ" съ такой статейкой.

Р ъ П К А.

Посадила Зава рѣпку, сорта "Самоуправленія". Выросла большая — пребольшая. Ухватилась Зава за рѣпку, тянеть-потянеть, вытянуть не можетъ.

Позвала Зава на помощь Учкома. Учкомъ за Заву, Зава за рѣпку, — тянуть-потянуть. вытянуть не могутъ.

Подумалъ Учкомъ и позвалъ Хозкома. Хозкомъ за Учкома, Учкомъ за Заву, Зава за рѣпку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ.

Позвали Санкома. Санкомъ за Хозкома, Хозкомъ за Учкома, Учкомъ за Заву, Зава за рѣпку, тянуть-потянуть, вытянуть не помутъ.

Позвалъ Санкомъ Шкрабиловку. Шкрабиловка за Санкома, Санкомъ за Хозкома, Хозкомъ за Учкома, Учкомъ за Заву, Зава за рѣпку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ.

Не выдержала Шкрабиловка, заорала благимъ матомъ:
— Ми-ли-ці-о-неръ!

А Милиціонеръ — тутъ какъ тутъ, исправный. Милиціонеръ за Шкрабиловку, Шкрабиловка, за Санкома, Санкомъ за Хозкома, Хозкомъ за Учкома, Учкомъ за Заву, Зава за рѣпку, — тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ.

Милиціонеръ позвалъ на помощь Трехмѣсячный проектъ. Проектъ за Милиціонера, Милиціонеръ за Шкрабиловку, Шкрабиловка за Санкома, Санкомъ за Хозкома, Хоз-

комъ за Учкома, Учкомъ за Заву, Зава за рѣпку, — тянуть-потянуть вытянуть не могутъ.

Стоять, обливаются потомъ, а рѣпка все въ землѣ торчитъ.

— Чортъ ихъ знаетъ, когда они вытащатъ рѣпку? — спросилъ кто-то изъ зрителей.

По мнѣнію Икса, — н и к о г д а.

Сейчасъ же около стѣны, гдѣ висѣлъ “Иксъ”, образовался митингъ, Сережка Блиновъ держалъ горячую рѣчь, и всѣ согласились съ нимъ, что, конечно, на-кой такое самоуправленіе, которое ничего сдѣлать не можетъ. И что, въ общемъ, лучше совсѣмъ отказаться отъ самоуправленія. Но тутъ же постановили отложить дѣло до окончанія зачетовъ, а пока — молчать.

Потомъ еще Сережка говорилъ, что такъ какъ шкрабы не соотвѣтствуютъ своему назначенію, то ихъ нужно смѣнить, и что только тогда школа вступитъ на революціонный путь, будетъ всѣмъ намъ легче жить и учиться. Многіе съ этимъ не согласны. Я, напримѣръ, на опытѣ убѣдился, что Зинь-Пална и Никпетождъ в п о л н е с о о т в ѣ т с т в у ю т ъ своему назначенію. Конечно, противъ Елникитки и отчасти Алмакфиша я кое-что имѣю, но все же и они приносятъ иногда пользу. Но Сережка говорить, что если противъ всѣхъ предпринимать, такъ ужъ противъ всѣхъ.

Послѣ этого мы съ Никпетожемъ долго ходили по гимнастической и разсуждали: Никпетождъ самъ меня позвалъ. Между прочимъ, онъ меня спросилъ, почему я больше не дружу съ Сильвой. Я объяснилъ ему, что это послѣ исторіи съ Линой. Сильва меня въ чемъ-то подозрѣваетъ, а я виноватъ только въ томъ, что ходилъ на капустники. Потомъ она говорить, что у меня не комсомольская идеология.

— Да, хорошая-то она — хорошая, только злючка, — отвѣтилъ я, — А по-вашему, въ чемъ ее хорошесть?

— Она строго относится къ себѣ и другимъ, но зато если ужъ привяжется, такъ вся, безъ остатка... А какъ, по

вашему, Рябцевъ, счастливый я человекъ — или нѣтъ? — ни съ того, ни съ сего спросилъ Никпетождъ.

— Конечно, счастливый.

— Плохая же у васъ наблюдательность, Рябцевъ.

— Да видите, Николай Петровичъ, — сказалъ я. — По моему, тотъ человекъ несчастливый, который совершенно одинокъ, и которому, чтобы забыть о своемъ одиночествѣ, приходится пускаться въ общественную работу. Потѣмъ тотъ несчастливъ, которому посовѣтоваться не съ кѣмъ.

— А вы — счастливы, Рябцевъ?

— Меня не поймаетъ на мушку, Николай Петровичъ, — отвѣтилъ я.

Мы оба засмѣялись — и разошлись.

А въ чемъ же онъ можетъ быть несчастливый, если всѣ его любятъ, уважаютъ и цѣнятъ? Одинъ только Сережка Блиновъ противъ него. Ну, да Сережка вѣдь противъ всѣхъ шкрабовъ.

26 апрѣля.

Я пришелъ въ СПОН, когда тамъ секретаря не было, и отъ нечего дѣлать сталъ перелистывать бумаги на столѣ, и вдругъ вижу длинную бумагу, написанную неграмотнымъ почеркомъ, и тутъ же съ нея копія на машинкѣ. Я ее быстро прочелъ, она меня поразила, но посовѣтоваться было не съ кѣмъ. и я рѣшилъ ее списать. Конечно, я страшно торопился, потому что боялся, что войдетъ секретарь, но, все-таки успѣлъ сунуть копію въ карманъ.

Какъ вдругъ вошла секретарь, и я едва успѣлъ сунуть бумагу обратно въ папку, но папка осталась открытой. Секретарь на меня подозрительно посмотрѣла и спрашиваетъ:

— Что это вы тутъ дѣлали безъ меня?

— Ничего, васъ дожидался.

— А папка почему раскрыта?

— Такъ, перелистывалъ.

— Я бы васъ просила не лазить въ папки съ секретными дѣлами.

— А чего жъ вы ихъ по столу разбрасываете, если они секретныя?

Секретарь страшно обидѣлась и говорить:

— Вы, товарищъ Рябцевъ, проявляете себя на работѣ совсѣмъ не такъ, какъ надо. Да и вообще...

— Да, и вообще, — отвѣтилъ я, — мнѣ здѣсь дѣлать нечего. Вамъ говорятъ, какъ надо работать съ безпризорными, а вы только смѣетесь.

Нагрубилъ ей и ушелъ.

Дома я еще разъ перечелъ эту копію. Самое удивительное для меня то, что взрослые мужчины тоже, оказывается, мучаются въ половомъ отношеніи и что за это наказываютъ. Завтра же посоветуюсь съ Никпетожемъ, а то очень мучительно читать такіе бумаги и не знать, что въ нихъ правда, что нѣтъ, а въ книгахъ ничего про это не написано.

28 апрѣля.

Сегодня были зачеты по математикѣ и въ четвертой группѣ Стаськѣ Велепольская засыпалась, вышла изъ лабораторіи, остановилась и захохотала. А тутъ толпились другія дѣвчата, которымъ сдавать. Сначала онѣ Стаську унимали, поили водой, а потомъ и сами. Начался всеобщій хохоть и рыданія. Стаська упала на полъ и стала биться, за ней другія, и что дальше, то больше. Сбѣжались шкрабы. Когда дѣвчаты уняли, я слышалъ, какъ Зинъ-Пална сказала Алмафишу:

— Массовая истерія, надо принять мѣры.

Продолжалась эта исторія чуть не четверть часа.

Послѣ этого показалъ свиснутую въ СПОН-ѣ копію Никпетожъ очень смутился и сначала посоветовалъ уничтожить бумагу и заняться зачетами, но потомъ, когда я сталъ настаивать, объяснилъ, что все это — половая извращенность, и что это бываетъ, но что съ этимъ борется со-

вѣтская власть: то-есть, организуетъ физкультуру, лекціи, поднимаетъ просвѣщеніе народа и прочее. Все это меня не очень удовлетворило.

Это въ первый разъ я видѣлъ, что Никпетождъ смутился.

30 апрѣля.

Послѣ зачета по физикѣ еще былъ случай массовой, общей истерики нѣсколькихъ дѣвчатъ, — вчера. А сегодня въ “Иксѣ” появилась такая замѣтка:

ИСТЕРИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

Сообщаемъ читателямъ, что у насъ въ школѣ открылось новое учебное заведеніе: истерическій институтъ. (Да не подумаетъ читатель, что рѣчь идетъ объ историческомъ институтѣ). Окончившіе его получаютъ безпересадочный билетъ въ кисейныя барышни. Изъ наукъ проходятся: балы, танцы, флиртъ и истерики всевозможныхъ сортовъ, начиная съ мышинаго писка и кончая громовымъ хохотомъ, въ этомъ заведеніи наиболѣе успѣшно проходятъ курсъ слѣдующія дѣвчата: Н. Ф., С. В., Л. Д. и К. Р.

Со своей стороны “Иксъ” предлагаетъ для облегченія работы названнаго института слѣдующія мѣропріятія:

1) поставить въ аудиторіи сорокаведерный бакъ съ валерьянкой;

2) в гимнастической водрузить желѣзнаго истукана съ надписью:

“Изваяніе скорби”, дабы всѣ желающіе могли, не отвлекая подругъ отъ занятій, изливаться на груди у сего истукана. Желѣзнымъ истуканъ долженъ быть для того, чтобы слезы его не размыли.

“Иксъ” надѣется, что эти мѣропріятія сильно урегулируютъ работу истерическаго института.

Около “Икса” было много хохота, дѣвчата страшно

взбѣленились и сорвали “Иксъ” со стѣны передъ самымъ носомъ у Зинъ-Пална, которая только что начала его читать. Зинъ-Пална топнула ногой и закричала:

— Кто осмѣлится нарушать свободу слова въ школѣ. — тотъ больше не будетимѣть никакого дѣла со мной. Немедленно повѣсить газету обратно.

Дѣвчата сейчасъ же притащили откуда-то кнопокъ и приклеили “Иксъ” обратно. А мы въ углу хохотали такъ, что животамъ стало больно.

Послѣ этого я совершенно случайно узналъ новость: недалеко отъ аудиторіи поднялъ скомканную записку и прочелъ. Въ запискѣ рукой Зинъ-Палны была написана эта самая замѣтка про “истерическій институтъ”, а на оборотной сторонѣ ея же рукой: — въ редакцію. А я — и до сихъ поръ не знаю. По-моему, это даже свинство по отношенію ко мнѣ.

Ивообще, вышло какъ-то такъ, что у меня образовались дѣла, которые я знаю одинъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ такихъ дѣлъ больше, а посоветоваться рѣшительно не съ кѣмъ: съ Сильвой не разговариваю, отъ Сережки Блинова отдалился, Никпетождъ — взрослый, и меня не пойметъ, а больше — съ кѣмъ же?

Остались одинъ зачетъ да вотъ этотъ дневникъ. И теперь этотъ дневникъ — словно близкій другъ съ которымъ я говорю рѣшительно все.

10 мая.

Ура! Большую часть зачетовъ сдалъ. Никпетождъ меня поздравлялъ и говорить, что я могу теперь себя считать членомъ четвертой группы. Большинство нашей группы тоже сдало почти всѣ зачеты, въ томъ числѣ Черная Зоя и Сильва. Юшка Громовъ задержался, обществовѣденіе и математика у него съ января еще застряли, но онъ говорить, что это — начхать на вѣтеръ, и что ему все равно, гдѣ быть, — въ третьей или въ четвертой группѣ: все равно, онъ школу кончать не будетъ, а поступить въ кавалерійское училище; ему нравится, что конармейцы ходятъ въ

красныхъ штанахъ. А по-моему, это — буза, потому что все равно, въ какихъ бы штанахъ ни ходить, хотя бы совсѣмъ безъ штаномъ, а въ однихъ трусахъ.

Показалъ я Юшкѣ бумагу изъ СПОН-а, а онъ говоритъ, что ничего удивительнаго нѣтъ, и что всѣ мужчины такими вещами занимаются, и что это начхать на вѣтеръ. Если бы онъ имѣлъ въ своей жизни такое же отношеніе къ половому вопросу, какъ я, — то, конечно бы, онъ не такъ разсуждалъ.

15 мая.

Сегодня Зинь-Пална объявила, что въ лѣтней школѣ будутъ участвовать только тѣ изъ ребятъ, которые на лѣто останутся въ городѣ, а если кому есть куда уѣзжать, то пусть уѣзжаетъ. Затѣмъ она объяснила, что сама будетъ руководить лѣтней школой и откажется отъ отпуска. Занятія будутъ состоятъ: 1) изъ обслѣдованія какой-нибудь деревни недалеко отъ города и взятія надъ ней шефства; 2) изъ участія въ раскопкахъ древностей вмѣстѣ съ сотрудниками музея краевѣдѣнія; 3) экскурсій по естествовѣдѣнію; 4) экскурсій по обществовѣдѣнію, которые будутъ проводиться по разнымъ музеямъ и стариннымъ имѣніямъ. Шкрабы будутъ руководить — каждый по своей специальности.

Лѣтняя школа начнется съ 1 іюня, когда окончательно выяснится вопросъ объ абитуриентахъ и переводахъ въ слѣдующія группы.

20 мая.

Я разбилъ себѣ въ футболъ всѣ ботинки, и чтобы паньку не вводить въ расходъ, каждый вечеръ зашиваю ихъ нитками и дратвой. Сапожникъ говоритъ, что все равно новые придется покупать. Изъ за ботинокъ писать совсѣмъ некогда.

31 мая.

У Юшки Громова есть сестра Марія. Она уже взрослая, но все лѣзетъ къ намъ, мальчишкамъ. Отъ нея воняетъ

духами, какъ изъ бочки. Носъ у нея совершенно бѣлый. Юшка говоритъ, что это она пудрится, а на самомъ дѣлѣ у нея носъ — синій. Я это провѣрю. Отецъ у нихъ — кошачій живодеръ. Онъ гдѣ-то покупаетъ кошекъ, потомъ сдираетъ съ нихъ шкуры, и продаетъ за бѣлокъ. Мой папанька его тоже знаетъ, только говоритъ, что кошка — мѣхъ непрактичный: лѣзетъ.

Эта Марія меня все жалѣетъ, называетъ “сироткой” и поить чаемъ съ вареньемъ, такъ что Юшка даже сталъ звать меня казанской сиротой. Мнѣ немножко обидно, но словно какъ бы пріятно.

Комсомоль кончаетъ на лѣто клубную работу; я хотя в ъклубъ на фабрику ходилъ и рѣдко, а все-таки — вродѣ какъ жаль чего-то. Кромѣ того, Сережка Блиновъ уѣзжаетъ на лѣто въ Тамбовскую губернію, а Черная Зоя къ своимъ роднымъ въ Ленинградъ.

Мнѣ иногда кажется, что я хожу одинъ по совершенно голой землѣ, и никого рѣшительно кругомъ нѣту, и жалко очень себя.

ЛѢТНІЙ ТРИМЕСТРЪ.

Общая тетрадь.

3 іюня.

Сегодня Зинъ-Пална объясняла заданія по лѣтней школѣ, которыя будутъ съ ея стороны. Это, прежде всего, со всѣхъ точекъ зрѣнія. или, какъ она говоритъ, путемъ комплекса, обследовать деревню Головкино, которая отъ города въ пяти верстахъ. Съ крестьянами надо завязать связь, не задирать передъ ними носовъ, что мы городскіе, исследовать ихъ бытъ, попутно давать имъ разъясненія по всѣмъ интересующимъ ихъ вопросамъ, измѣрить деревню вдоль и поперекъ и, вообще, служить соединительнымъ звеномъ между городомъ и ими. Это — первое.

Второе — наблюсти и записать крестьянскія пѣсни, сказки, преданія и повѣрья (попутно зарисовать крестьянскіе костюмы, но это уже скорѣй относится къ быту); для примѣра, какой бываетъ народный эпосъ, Зинъ-Пална прочла намъ отрывки изъ финской народной поэмы “Калевала”. Это былъ такой собиратель народныхъ преданій, Рунебергъ, который пѣшкомъ исходилъ всю Финляндію и насобиравъ разныхъ сказокъ, а ихній поэтъ Ленротъ составилъ изъ этого поэму. И все это было не триста лѣтъ назадъ, какъ при Шекспирѣ, а въ прошломъ столѣтіи, — значитъ, лѣтъ сто, не больше. Можетъ, про всѣ эти штуки Рунебергу и нужно было знать, а намъ вотъ зачѣмъ — не понимаю. Неужели кого-нибудь могутъ интересовать такіе дикіе предразсудки, какъ лѣшіе и черти? Я такъ думаю, что и сами кре-

сѣяне не очень-то вѣрятъ во всю эту бузу. И потомъ, сравнить-то, пожалуй, не придется: напримѣръ, у финновъ были великаны. Втроемъ они объединились, чтобы добыть сокровище Сампо, и изъ-за этого сокровища вступали въ бой съ разной нечистой силой. Ну, какъ ихъ сравнишь съ бабой-Ягой, да еще верхомъ на помелѣ! Да и вообще, всѣ наши вѣдьмы и черти — страшные, а вовсе не свѣтлые личности. Потомъ, у финновъ есть еще, что лягушекъ убивать нельзя, потому что онѣ прежде были людьми, или пауку нужно приносить въ жертву выпавшіе у человѣка зубы. По-моему, — народное невѣжество, и нечего все это записывать. Скорѣй нужно проводить электрификацію и кооперацію въ деревню, и будетъ социализмъ. Но Зинъ-Пална утверждаетъ, что нужно все это записывать хотя бы потому, что все это скоро исчезнетъ при свѣтѣ электричества, и тогда ужъ не докопаешься никакимъ маневромъ. А по-моему, и докапываться-то никто не станетъ. Я все это высказалъ Зинъ-Палнѣ, а она говоритъ, что у меня нѣтъ любви къ родному слову — корню всякой культуры. Послѣ этого мнѣ крыть было нечѣмъ, и пришлось записывать и про Укко-громовика, и про Пейву-солнце, и про Тьеремса съ молотомъ — поразителя всѣхъ волшебниковъ (Батюшки!).

Кромѣ того, предстоитъ еще работа съ музеемъ краевѣдѣнія по части раскопки всякихъ кургановъ. Зинъ-Пална говоритъ, что въ восьми съ половиной верстахъ отъ города есть древнее городище, состоящее изъ нѣсколькихъ кургановъ. Тамъ музей краевѣдѣнія думаетъ, что есть похороненные воины, съ оружіемъ, лошадьми и женами. Такъ ихъ надо раскопать и отправить въ музей. Это заданіе — на-ять, особенно насчетъ оружія. Выкопаемъ и устроимъ тамъ же, на курганѣ, примѣрный бой. Но въ общемъ, я думаю, что даже за все лѣто всѣхъ заданій не выполнить, потому что заданія-то будутъ и отъ другихъ шкрабовъ.

Никпетожъ по болѣзни уѣхалъ на два мѣсяца въ отпускъ. Передъ отъѣздомъ онъ все ходилъ и разговари-

валъ съ Сильвой. Мнѣ было страшно обидно, что не со мной.

Теперь окончательно поговорить не съ кѣмъ.

4 іюня.

Послѣ собранія съ Елникиткой насчетъ естествовѣдѣнія произошелъ инцидентъ, который меня очень взволновалъ. Когда я выходилъ изъ лабораторіи, то увидѣлъ, что Володька Шмерцъ сталъ шлепать по спинѣ Сильву. Сильва сначала отбивалась, а я хотѣлъ равнодушно пройти мимо, какъ вдругъ слышу, Сильва кричитъ очень серьезнымъ голосомъ:

— Костя Рябцевъ, заступись за меня!

Я хотѣлъ уйти, но въ это время Сильва отчаянно закричала:

— Владленъ, заступись...

Володька Шмерцъ какъ закатится хохотомъ, такъ что даже драться пересталъ, и спрашиваетъ:

— Что что еще за Владленъ такой?

Тутъ я обернулся, выдалъ ему красноармейскій паекъ, такъ что онъ даже съ ногъ полетѣлъ, но потомъ вскочилъ и бросился на меня. Я поднесъ ему еще взрывъ ручной гранаты, онъ отскочилъ къ двери, плюнулъ въ моемъ направленіи, показалъ кулакъ и ушелъ.

Тутъ Сильва говоритъ:

— Я передъ тобой виновата, теперь я все знаю, прости! Я отвѣтилъ:

— Ты и раньше все знала, и нечего мнѣ тебя прощать.

— Нѣтъ, нѣтъ, я только что узнала у Николая Петровича, давай опять дружить, какъ прежде.

— Прежней дружбы быть не можетъ, — сухо отвѣтилъ я и ушелъ. Кажется, она заплакала.

7 іюня.

Вчера мы въ первый разъ, ходили въ Головкино. Крестьяне были на огородахъ. Они и вообще занимаются боль-

ше огородами. На мою долю выпало обследовать быть. Вотъ я подошелъ къ одной крестьянкѣ, которая сажала рассаду, и говорю:

— Тетенька, позвольте вамъ помочь!

— А ты кто такой?

— Насъ изъ города экскурсія пріѣхала.

— Ученики, што ли?

— Ученики!

— Тутъ лѣтысь въ Перхушково тоже ученики пріѣзжали, энти каки-то землемѣрные. Такъ у тетки Арины сундучокъ уташили съ бѣльемъ.

— Мы не жулики.

— А кто васъ знаетъ, какеи вы такеи. Ты бы шелъ што ль, не мѣшалъ.

— А ты, тетка, въ чертей вѣришь?

Тутъ она встала, очистила руки отъ земли, да какъ заоретъ:

— Петра-а-а!.. Петра!..

И тутъ изъ-за плетня вылѣзаетъ мужиченко, и въ рукѣ у него вилы и идетъ прямо къ намъ. А баба говоритъ:

— Вотъ тутъ какой-то, изъ учениковъ, говоритъ, къ чаму-то про чертей завелъ...

Тутъ я расхрабрился и говорю:

— Да нѣтъ, совсѣмъ не про чертей, я могу вамъ про электрификацію рассказать, и про радіо, а потомъ помочь могу... въ чемъ-нибудь.

— Ага, смычка, значить, — отвѣчаетъ мужиченко. — Ну-к-што, это ничего, это мы не противъ, ежели къ дѣлу. Только ты, милокъ, приходилъ бы въ воскресенье: у насъ по воскресеньямъ народъ свободнѣй.

Такъ я съ этого двора и пошелъ ни съ чѣмъ. Иду задами, вездѣ на огородахъ копаются бабы и ребятишки. Какъ вдругъ на меня налетаетъ лохматая собака и начинает мотаться около меня со страшнымъ лаемъ. Я, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, сдѣлалъ видъ, будто хочу поднять съ земли камень, но она не унялась, наоборотъ, за ней

вылетѣло еще нѣсколько штукъ, и всѣ на меня. А я еще слыхалъ, что въ случаѣ — собака, нужно на нее помочиться, и она отстанетъ. А какъ ихъ было много, я сталъ изо всей силы вертѣться и мочиться во всѣ стороны, стараясь попасть на собакъ.

— Это што жа, таперича, — смычка? — спрашиваетъ голосъ сзади меня, и вижу — тотъ же мужиченко съ вилами.

Онъ прогналъ собакъ, а я пошелъ дальше. Но не успѣлъ пройти двухъ дворовъ, какъ собаки опять налетѣли, и одна изъ нихъ цапнула меня за штанину. Тутъ я обозлился, вырвалъ изъ плетня колъ и началъ отбиваться. Слышу голосъ:

— Брось палку, брось, тебѣ говорятъ, — разорвугъ.

Я бросилъ колъ, идетъ какой-то мужикъ, спрашиваетъ:

— Тебя чего?

— Я вашу деревню обслѣдовать пришелъ.

— Тутъ на задахъ неча обслѣдовать, — отвѣчаетъ мужикъ, — ходютъ, обслѣдствуютъ.... Ты чего плетень-то ломаешь, не ты говородилъ, — не тебѣ и ломать.

И вдругъ изъ кустарника высовывается баба и кричитъ.

— Пошелъ, пошелъ, мазепа! Ходютъ тутъ, того гляди, какъ сундучокъ у тетки Арины, у перхушковской... Ванька!.. Ваньк! — закричала она вдругъ неистово, — гусешать-то сосчитай, гусеша-ат...

Насилу я удралъ изъ деревни на большую дорогу. У другихъ ребятъ вышло тоже въ этомъ родѣ, а двоихъ изъ нашихъ ребятъ рулеткой чуть было не поколотили за то, что они хотѣли произнести обмѣръ.

10 июня.

Со мной опять, кажется, начинается то же, что было зимой, но уже не по моей винѣ. Кромѣ того, я отношусь теперь къ этому сознательнѣе, чѣмъ зимой, ввиду, во-первыхъ, случая съ Линой, а во-вторыхъ, потому, что, судя по бумагѣ, свиснутой мною въ СПОН-е, за кое-какія вещи

бываютъ наказанія. Самое плохое то, что Никпетожъ уѣхалъ въ отпускъ, Юшкѣ Громову въ этихъ вопросахъ я вѣрить не могу, больше мнѣ посовѣтоваться не съ кѣмъ, потому что я совершенно одинокъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Это уже продолжается нѣсколько дней.

Юшкина сестра Марія затѣяла ставить спектакль — “Предложеніе” Чехова, и въ этомъ спектаклѣ я долженъ играть роль жениха, а Марія — невѣсты. Пьеса эта несовременная и довольно бузоватая, про помѣщиковъ, но я согласился, потому что вообще хочу попробовать себя какъ артиста. По роли мнѣ нужно цѣловаться съ Маріей. На репетиціи я ее облапилъ и поцѣловалъ, а она говоритъ:

— Фу, всю обслюнявилъ... Да ты развѣ не умѣешь цѣловаться?

Тутъ было человѣкъ пять, они всѣ захохотали, а Юшка Громовъ кричитъ:

— А-а-а!.. Покраснѣлъ, покраснѣлъ!..

Я обозлился и сказалъ, что въ спектаклѣ не буду участвовать и сейчасъ же ухожу домой. Тутъ всѣ меня обступили, стали упрашивать, чтобы я остался, а Юшка отвелъ меня въ уголъ и говоритъ:

— Ты что, маленькій что ли, сволочь этакая? Или все больше въ кулачокъ, говоришь? Развѣ не видишь, что Марія къ себѣ лѣзетъ.

Я сразу и не понялъ, что онъ хотѣлъ сказать, но тутъ налетѣла Марія, пихнула Юшку такъ, что онъ отлетѣлъ, а сама шепчетъ:

— Чудакъ ты какой, Костя! Вѣдь это не бѣда, что ты не умѣешь, я тебя научу. Хочешь, хочешь? Приходи вечеромъ къ намъ въ садъ.

А у нихъ есть маленькій садикъ за домомъ. Я подумалъ и — остался: все равно время остается достаточно.

А вечеромъ прихожу я къ нимъ въ садъ, Марія ужъ тамъ, и на ней платье прозрачное и короткая юбка. Она сейчасъ же прижалась ко мнѣ и говоритъ:

— Ну, ты, прежде всего, не слюнявся, а сожми губы и прижмись губами къ моей щекѣ.

Но я нарочно поцѣловалъ ее не въ щеку, а въ носъ; она шепчетъ: “Дуракъ, не сюда”, а я все-таки успѣлъ замѣтить, что у ней на носу образовалась промоина. Потомъ она стала учить меня цѣловаться въ губы, но это было не очень пріятно, потому что зубы у нее коричневые, и отъ нея кромѣ духовъ — несетъ табакомъ. И правда, она такъ и садитъ папироску за папироской. Потомъ она стала заводить меня въ темный уголъ, посадила на какую-то скамейку, а сама сѣла ко мнѣ на колѣни. Но тутъ я почувствовалъ, что пахнетъ очень сильно какой-то псиной, и я говорю:

— Тьфу, куда это мы сѣли, здѣсь запахъ поганый.

А она меня облапила и шепчетъ въ ухо:

— Это ничего: здѣсь кошачьи шкурки отцовскіе развѣшены, ты не обращай вниманія.

А какъ тутъ не обращать вниманія, когда словно въ полойной ямѣ сидишь, или даже еще хуже! Я насилу ее спихнулъ и ушелъ, но она не обидѣлась.

Я съ тѣхъ поръ былъ у нее еще нѣсколько разъ. Все цѣловались, словно маленькіе. Пріятнаго мало.

Но все бы это ничего, если бы послѣ каждого такого случая не было бы ф-ф-п-п! Этимъ я очень мучаюсь, и особенно когда вспомню про бумагу изъ СПОН-а.

15 іюня.

Алешка Чикинъ живетъ теперь у Зинъ-Палны и совершенно измѣнился. Конечно, пока онъ яхшался съ безпризорниками, онъ сильно отсталъ, и ему придется оставаться на второй годъ въ третьей группѣ, онъ худой, блѣдный и все молчить.

Зинъ-Пална выхлопотала его матери какое-то пособіе изъ комхоза, старуха приходила благодарить и хотѣла кланяться Зинъ-Палнѣ въ ноги, чѣмъ Зинъ-Пална была страш-

но возмущена. Съ Алешкой я пытался нѣсколько разъ заговорить, но онъ больше бурчитъ себѣ подъ носъ, чѣмъ говорить.

20 іюня.

Третьяго дня мы ѣздили въ экскурсію съ Елникиткой. Въ общемъ экскурсія была по естественной, но вышло такъ, что пришлось коснуться и обществовѣдѣнія, а по обществовѣдѣнію Елникитка ничего не понимаетъ, и изъ этого вышелъ инцидентъ.

Поѣхала насъ почти вся третья группа (теперь четвертая) и еще кое-кто изъ второй. Тутъ по дорогѣ были всякія любовныя дѣла; наприкладъ, Володька Шмерцъ всю дорогу простоялъ съ Нинкой Фрадкиной на площадкѣ вагона. Ребята нарочно ходили мимо, будто въ уборную; какъ одинъ выйдетъ, — сейчасъ же другой. Володька, конечно, злился, да ему и подѣломъ: шьется со всѣми дѣвчатами подрядъ и любезничаетъ, словно Гарри Ллойдъ. Нинка на изъѣркала, а намъ только это и надо было. Потомъ Елникитка говоритъ, чтобы мы пѣли, потому что въ экскурсіяхъ всегда поютъ. Мы спросили, что пѣть, она говоритъ “Слети къ намъ тихій вечеръ”... Мы и затянули, да еще такую дурацкую пѣсню. Пришелъ кондукторъ, подозрительно посмотрѣлъ, да и говоритъ: “А я думалъ, что это тормазъ лопнулъ”. Вообще было весело ѣхать.

Потомъ, когда пріѣхали въ “Солнечное”. Елникитка сейчасъ же отправилась объяснять дѣвчатамъ естественную исторію, а ребята пошли играть въ футболъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока ребята не поймали ужа. Всѣ знаютъ, что ужъ не кусается, но все-таки вышелъ инцидентъ. Притащили ужа Елникиткѣ и спрашиваютъ (для смѣху):

— Елена Никитишна, это какая змѣя?

— А это, — говоритъ Елникитка, — это ужикъ, родственникъ африканскаго удава.

— А онъ кусается?

— Нѣтъ, его жало — безвредное.

Тогда Юшка Громовъ, у котораго ужакъ былъ въ рукахъ, подходитъ къ Елникиткѣ и говоритъ:

— Елена Никитишна, подержите его въ рукахъ.

— Это зачѣмъ?

— А чтобы доказать, что онъ не кусается.

И суетъ ей ужака въ руки, а ужакъ извивается, какъ на вилахъ. Елникитка какъ закричить, а за ней и всѣ дѣвчата.

— Бросьте его сейчасъ же, — кричитъ Елникитка, — не смѣйте подходить ко мнѣ съ нимъ.

Юшка бросилъ, да только не на землю, а на Нинку Фрадкину. Та какъ завертитъ головой, какъ завизжитъ, а мы всѣ дралка. Елникитка общала вынести насъ на общее собраніе. Пусть выносить. Она каждый день что-нибудь выносить, такъ что ее уже и слушать-то перестали. При ней нельзя ничего веселаго или смѣшнаго, а дѣвчата дѣлаютъ при ней постыныя рожи, словно къ нимъ не приступись.

Потомъ мы пришли въ имѣніе. Въ имѣніи этомъ — совхоз. но это въ скотномъ дворѣ, а главный домъ и флигеля сохранены подъ показательный музей, и сюда ѣздятъ разные экскурсіи, чтобы посмотрѣть, какъ жили раньше бары, помѣщики и буржуи. Конечно, захотѣлось посмотрѣть и намъ. А Елникитка говоритъ:

— Разъ цѣль экскурсіи — естественная исторія, то и нечего отвлекаться. Поэтому пойдемте на скотный дворъ. Я тамъ объясню вамъ все интересное.

А что можетъ быть интереснаго въ разныхъ тамъ быкахъ и коровахъ? Если бы мы ихъ сами разводили, то еще такъ. Поэтому ребята говорятъ:

— Не пойдемъ.

Спорили мы, спорили, а тутъ изъ стеклянныхъ дверей выходитъ какой-то въ коричневомъ френчѣ, не очень старый, а такъ, темноватый, и говоритъ:

— Между прочимъ, не желаете ли осмотрѣть дворецъ?

Елникитка спрашиваетъ:

— А вы что, завѣдующій?

— Да, говорить френчъ, — я тутъ главный.

А голосъ у него хрипатый, какъ испорченный грамм-фонъ, и въ горлѣ все время вода булькаетъ.

— Такъ что вы все намъ 'объясните? — спрашиваетъ Елникитка.

— Все до тютельки, — отвѣчаетъ завѣдующій, а самъ покачнулся.

— Ну, въ такомъ случае пойдѣте, ребята, — говоритъ Елникитка недовольнымъ голосомъ. Это значить, она боялась, что не сумѣетъ объяснить, и поэтому не шла.

Вотъ завѣдующій насъ повелъ по всѣмъ комнатамъ.

— Здѣсь, — говоритъ, помѣщикъ, его превосходительство, господинъ Урусовъ — обѣдали, а здѣсь его превосходительство чай пили. А здѣсь его превосходительство отдыхали. А здѣсь...

Тутъ даже Елникитка не выдержала.

— Какое такое "превосходительство"? — говоритъ. -- Тутъ, передъ вами, совѣтскія дѣти. (Это мы-то — дѣти!). И они не знаютъ разныхъ этихъ наименованій. Вы попроше, гражданинъ завѣдующій.

— Могимъ, — говоритъ завѣдующій, а самъ икнулъ. — А только это такое распоряженіе было, чтобы выдерживать ко-ро-ло-рить. Вотъ, извольте видѣть, здѣсь расписаны стѣны подъ фое. А ангелы, которые летаютъ, это есть амурь. А это столъ изъ ферфойскаго стекла. Пальца-мипросятъ не трогать, а то нѣкоторые трогаютъ пальцами, и получается пыль.

И въ это время — какъ икнетъ.

— Тьфу, чтой-то меня икъ одолѣлъ,—говоритъ. — Должно быть, я много луку наѣлся. Сейчасъ приду, а вы тутъ погодите.

И ушелъ.

— Какой странный завѣдующій, — говоритъ Елникитка.

— Вы лучше сами намъ объясните, Елена Никитишна, говорю я.

— Если вы, Рябцевъ, постоянно лѣзете не въ свое дѣло, — отвѣчаетъ Елникитка, — это еще не есть, что и я должна такъ дѣлать.

Вотъ пришелъ завѣдующій, началъ объяснять, и я замѣтилъ, что отъ него уже не лукомъ пахло, а чѣмъ-то такое другимъ.

— Что такое на потолкѣ? — спрашиваютъ ребята.

— На потолкѣ, — объясняетъ завѣдующій, — есть богиня Венира, и вокругъ нея на колесницѣ ѣздятъ пастухъ Булканъ, а почему пастухъ, это что въ рукѣ у него кнутъ. А живопись эта — знаменитаго африканскаго художника.

— А какъ художника звали? — спрашиваютъ ребята.

— Забылъ, — отвѣчаетъ завѣдующій. — Всего не упомянешь.

— Икъ, — раздалось въ это время сзади. (Это Юшка Громовъ икнулъ).

Тогда завѣдующій сѣлъ въ какое-то красное кресло, закрылъ глаза и говорить:

— Дѣти мои, дѣти, и вы, преподавательница красной педагогii! У меня, извините, цѣпочка въ глазахъ рассыпалась.

— Брыльянтовая, — отвѣчаетъ завѣдующій. — Но это ничего, я сейчасъ встану. Это мнѣ вредно много луку ѣсть.

И вѣрно: всталъ, пошли дальше. Приходимъ въ громадную залу, съ хорами, посрединѣ виситъ большущая люстра, въ чехлѣ, а окна — чуть не съ цѣлую футбольную площадку.

— А здѣсь, — говоритъ завѣдующій, — его превосходительство, господинъ Урусовъ, зарѣзались.

— Почему же онъ зарѣзался? — поинтересовались ребята.

— Привидѣніе видѣлъ.

— Какое привидѣніе?

— Бѣлую мадаму, — говоритъ страшнымъ голосомъ

завѣдующій. — И была эта бѣлая мадама такая деликатная, такая, сказать, мужественная, что господинъ Урусовъ не выдержали.

— Ой! — говоритъ тихимъ голосомъ одна изъ дѣвчатъ.

— Гражданинъ завѣдующій, — говоритъ тутъ Елникитка. — Надѣюсь, что вы настолько сами понимаете, что это предрасудокъ, что сейчасъ же разъясните дѣтямъ всю нелѣпость подобныхъ привидѣній.

— Икъ! — отвѣчаетъ завѣдующій. — Одолѣлъ меня лукъ, да и только. А я виноватъ, что намъ велѣно все объяснять, какъ было? Я при этомъ не былъ, самъ не видалъ, съ меня и взять нечего. А впрочемъ, простите меня, — у меня деревня въ глазахъ сгорѣла.

И прислонился къ стѣнѣ.

— Какая-то деревня? — спрашиваетъ Елникитка, и видно, что она сердится.

— Епузиха, — отвѣчаетъ завѣдующій, — а вы, гражданка, ежели вамъ мои объясненія не нравятся, то можете объяснить сами.

— Вѣрно, вѣрно вы объясняйте, Елена Никитишна, — закричала часть ребятъ, изъ озорства — разумѣется.

— Нѣтъ, пускай завѣдующій объясняетъ, — кричатъ другіе.

— На голосованіе, — крикнулъ я. — Кто за Елену Никитишну — прошу поднять руки.

Подняло большинство. Уже и обозлилась же Елникитка!

— Я,—говоритъ, — ничего объяснять не стану, — и вообще это безобразіе, и мы сейчасъ отсюда уйдемъ.

— Зачѣмъ уходить? — говоритъ завѣдующій. — Мнѣ съ вами веселѣй. А то еще прѣзжайте къ Покрову, такъ моя баба пироговъ напекетъ с-с-с... мясомъ.

Елникитка, однако, разсвирепѣла и потребовала сейчасъ же уходить на станцію. Только что подошли мы къ дверямъ, какъ хлынулъ колоссальный дождь, а до станціи — три версты.

— Что жъ, подождемъ, — говоритъ Елникитка.

Я выглянулъ изъ двери и увидѣлъ, что все небо кругомъ обложило. А завѣдующій стоитъ сзади и говоритъ:

— Чего же вамъ уѣзжать, всѣ промокнете, живого мѣста не останется. Лучше оставайтесь-ка ночевать. Нагребемъ сѣна въ комнаты, а кто желающій — лѣзь на сѣноваль. Молока сейчасъ изъ совхоза достану, сколько тебѣ хочешь.

— А хлѣба можно достать? — нерѣшительно спрашиваетъ Елникитка.

— Хошь десять пудовъ, — отвѣчаетъ завѣдующій. — Я, уважаемая преподавательница, ежели захочу, такъ могу полный пиръ устроить. Не желаете ли?

И щелкнулъ себя по горлу.

— Я не понимаю, что вы такое говорите, — злымъ голосомъ отвѣчаетъ Елникитка. — Но ввиду того, что дождь, и ребята могутъ простудиться, то дѣлать нечего. Придется остаться ночевать здѣсь. Потрудитесь показать ребятамъ, гдѣ взять сѣна для ночлега, потому что на сѣноваль ночевать я не позволю. И, кромѣ того, давайте молоко и хлѣбъ. Мы заплатимъ.

Мы было пристали къ ней, чтобы намъ ночевать на сѣноваль, но она заявила, что не позволитъ, потому что мало ли что мы можемъ надѣлать, и что если мы уйдемъ на сѣноваль, то она сейчасъ же уѣзжаетъ и оставляетъ насъ однихъ. Хотя мы и не боялись нисколько, но пришлось подчиниться, потому что могъ выйти скандалъ со школьнымъ совѣтомъ. Изъ этого вышло хуже только для Елникитки.

Пока завѣдующій ходилъ за молокомъ и хлѣбомъ, Елникитка намъ говоритъ:

— Завѣдующій этотъ очень странный, и я вижу, что у него мозги набекрень. Поэтому я очень васъ прошу не вступать съ нимъ ни въ какіе разговоры и сношенія. Вы, конечно, сейчасъ же рады установить съ нимъ товарищество, но я этого не позволю, такъ и знайте.

Что она намъ можетъ позволить и не позволить? Если бы

она этого не сказала, можетъ, ничего бы и не было. А теперь мы рѣшили ее и дѣвчатъ напугать.

Дождь все не проходилъ, такъ что по саду побѣгать было нельзя, и мы играли въ залѣ въ салки. Скоро стемнѣло, и такъ какъ огня не было, то поневолѣ пришлось укладываться. Дѣвчата съ Елникиткой легли въ одной комнатѣ, а мы — въ другой. Ну, конечно, пошли тутъ всякіе рассказы и возня, такъ что Елникитка нѣсколько разъ намъ кричала. Когда все болѣе или менѣе затихли, Юшка Громовъ шепчетъ мнѣ:

— Пора.

А мы еще съ вечера припасли съ нимъ ту простыню, въ которую была завернута провизія, что мы изъ города привезли на экскурсію. Юшка напялил на себя эту простыню, и мы, чтобы слышно не было, — прокрались въ залу окончательно сговориться и прорепетировать. Только что мы входимъ въ залу — вдругъ видимъ: въ концѣ зала — чуть замѣтный огонекъ блеснѣть. Мнѣ даже не по себѣ стало от неожиданности. Юшка такъ и схватилъ меня за руку.

— Стой, Костя, — что тамъ такое?

— Это, навѣрное, завѣдующій.

— А я даже испугался. Пойдемъ, посмотримъ, что онъ тамъ дѣлаетъ.

Подкрались мы къ огоньку, и тутъ замѣтили, что онъ идетъ изъ маленькой двери подъ хорами, которой мы раньше не замѣтили. Было сначала очень жутко. Дверь была чуть раскрыта, такъ что можно было заглянуть въ нее. Я и заглянулъ. Вижу: стоитъ примусъ, а на немъ — чайникъ, къ носку чайника придѣлана длинная трубка, потомъ стоитъ тазъ, а подъ тазомъ — бутылка. Примусъ горитъ, а рядомъ сидитъ завѣдующій — и спитъ.

— Это онъ гонитъ, — шепчетъ мнѣ Юшка. — Я знаю, у меня тетка такъ гонитъ. Смотри, смотри, уже полбутылки накапало.

Я двинулся впередъ, чтобы лучше разсмотрѣть, въ это время дверь скрипнула, завѣдующій вздрогнулъ и открылъ

глаза. Выругался поматерно, наклонился къ бутылкѣ, чего-то подправилъ въ тазу и опять сѣлъ.

— Я сейчасъ захохочу, — говоритъ Юшка. — Силъ нѣтъ терпѣть.

А меня самого смѣхъ разбираетъ, я даже носъ зажалъ. Вдругъ Юшка ка-акъ фыркнетъ. Завѣдующій вскочилъ — и прямо къ двери. Мы прижались къ стѣнѣ, а завѣдующій распахнулъ дверь и смотреть въ залу.

— Опять она ходитъ, подглядываетъ, — бормочетъ завѣдующій себѣ подъ носъ. — Ну хорошо, я ее подстерегу, всѣ косы отмотаю.

Мнѣ стало не по себѣ — кого это онъ грозитъ подстеречь. А Юшка меня кулакомъ въ бокъ толкаетъ. Мнѣ — не до смѣху. Завѣдующій повернулся въ комнату, нагнулся, взялъ бутылку, только что хотѣлъ изъ нее хлебнуть, какъ Юшка прыснулъ, да такъ здорово, что даже по залѣ отдалось.

— Ктой-то? — заоралъ, завѣдующій и выскочилъ въ залу. Зглянулъ въ нашу сторону, да какъ заоретъ. Да бѣгомъ — туда, гдѣ наши спали.

Юшка моментально скинулъ съ себя простыню, и мы съ нимъ — винта на хоры. Засѣли тамъ за перилами — и смотримъ. А въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ наши, поднялся крикъ. И громче всѣхъ оретъ Елникитка. Вотъ, смотримъ, выбѣгаетъ въ залу завѣдующій (а дождь въ это время пересталъ, и луна показалась, такъ что было видно), а за нимъ — ребята. Сзади всѣхъ — Елникитка, завернутая въ пальто.

— Вонъ тамъ, тамъ, — показываетъ въ нашу сторону, подъ хоры, завѣдующій. — Тамъ она и стояла. Высокая, длинная, чуть не до потолка.

— Да кто она-то? — спрашиваютъ ребята.

— Бѣлая мадама.

— Да вы хорошо видѣли-то? — спрашиваетъ Володька Шмерцъ (я по голосу узналъ). — Можетъ быть, со сна показалось?

— Показа-алось! Какъ тебя, видѣлъ! — отвѣчаетъ за-

вѣдующій. — Только теперь ея тамъ нѣту: по другимъ комнатамъ бродить.

— Нѣту, такъ надо итти спать, — говоритъ заспаннымъ голосомъ Елникитка. — И вы, если вамъ еще покажется, зовите сторожа, а насъ не трогайте; а то вы мнѣ всѣхъ ребятъ перепугаете.

— В-виноватъ, преподавательница, — отвѣчаетъ завѣдующій. — Ежели вамъ приснится такое, такъ отца роднаго разбудишь, а не то что.

Послѣ этого ребята и Елникитка ушли, а завѣдующій вынесъ лампенку, обшарилъ всѣ углы и опять пошелъ къ себѣ, подъ хоры.

Мы просидѣли съ Юшкой на хорахъ минутъ десять и начали потихоньку спускаться въ залу. Не прошли мы и пол-лѣстницы, какъ видимъ, что изъ другой двери (которая была тоже подъ хорами, только правѣй) выдвигается какая-то тѣнь. Я чуть не вскрикнулъ, а Юшка схватилъ меня за руку:

— Ктой-то еще? — шепчетъ, и по голосу слышно, что струсилъ.

А тѣнь крадется по стѣнѣ, дошла до середины и повернула намъ навстрѣчу, прямо подъ хоры. У меня даже сердце остановилось — такъ она неслышно шла. Но она пошла не на лѣстницу, а двинулась въ ту комнатку, гдѣ сидѣлъ завѣдующій. Мы замерли: что будетъ? И вдругъ слышался грохотъ, ревъ какой-то, ударъ, и тѣнь вылетѣла обратно.

— Ты что же это, пьяница ты несчастная, — орала тѣнь на весь домъ, — вонъ теперь куда забрался гнать! Да еще дерется! Будь покоенъ, все завѣдующему расскажу, дай только пріѣхать! И это что же, люди добрые: забрался въ чуланъ, гонить — и пьеть! Гонить — и пье-о-отъ...

— Да замолчи ты, чортова кукла, — хриплѣлъ завѣдующій, сгрибчивъ тѣнь за шиворотъ. — Не понимаешь, штоль, здѣсь искурсія ночуетъ... Всѣхъ перебудишь. а мнѣ отвѣ-

чать придется... А то всё косы отматаю, вотъ-те крестъ отматаю

Въ это время мы съ Юшкой скатились съ лѣстницы и бросились бѣжать къ себѣ въ комнату. Тѣнь сразу замолчала.

— Вотъ видишь, — сказалъ намъ вслѣдъ завѣдующій, — ребята, должно, въ уборную ходили, все слышали. Подводишь ты меня, лахудра несчастная...

А мы съ Юшкой, забившись въ сѣно, хохотали до слезъ и до истерики, — такъ что Елникитка отворила дверь изъ дѣвченской комнаты и торжественно сказала:

— Конечно, это Рябцевъ. Но не беспокойтесь, Рябцевъ, даромъ вамъ это не пройдетъ. Это возмутительное безобразие. Я даже не нахожу словъ.

— Я и не беспокоюсь, — отвѣтилъ я, и мнѣ сразу стало скучно, а не смѣшно.

Утромъ насъ разбудилъ какой-то дядя въ синихъ очкахъ, спросилъ насъ, какъ мы спали. Онъ оказался настоящимъ завѣдующимъ и только что пріѣхалъ изъ города. А тотъ былъ просто сторожъ, поэтому онъ такъ смѣшно и объяснялъ. А потомъ настоящий завѣдующій сказалъ намъ, что сторожъ служилъ еще при помѣщикѣ Урусовѣ и что, должно быть, его придется прогнать. И это уже не въ первый разъ, что онъ выдаетъ себя за завѣдующаго.

На обратной дорогѣ мы много хохотали надъ Елникиткой, что она пьянаго сторожа приняла за завѣдующаго и съ серьезнымъ видомъ слушала его объясненія. Ужъ знаетъ свою естественную исторію, такъ и не суйся въ обществовѣденіе.

6 іюля.

Несмотря на то, что Зинъ-Пална ходитъ все время расстроенная и блѣдная, — больна она, что ли, — вчера опять была экскурсія въ Головкино. Она могла бы кончиться очень печально, если бы не хладнокровіе Зинъ-Пальны. Я

нарочно сходилъ въ нашу фабричную ячейку, и хотя не засталъ секретаря, все-таки запасаю мандатомъ отъ имени ячейки на имя головкинскаго комсомола съ просьбой объ оказаніи мнѣ содѣйствія въ обслѣдованіи крестьянскаго быта.

Было воскресенье, и поэтому в деревнѣ было гулянье. Многіе мужики уже съ утра были пьяные, а комсомольцы, какъ на грѣхъ, ушли на какое-то собраніе въ рикъ, а это — верстъ двадцать пять. И вотъ что изъ этого вышло.

Зинъ-Пална разыскала предсѣдателя и попросила его содѣйствія. Онъ самъ не пошелъ, а послалъ своего сына, парнишку лѣтъ 15. Мы начали обмѣръ, пустили въ ходъ рулетку, насъ обступили со всѣхъ сторон бабы, дѣвки, парни, ребятишки и глазѣютъ. Я рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, и пока остальные ребята возились съ рулеткой, началъ обслѣдовать бытъ. Для этого я подошелъ къ дѣвчатамъ и вступилъ съ ними въ разговоръ. Они хихикали и прятались одна за другую, а я все приставалъ къ нимъ, чтобы они спѣли какую-нибудь пѣсню. Онѣ говорятъ, что не знаютъ.

— А кто изъ васъ лѣшаго видѣлъ? — спрашиваю я.

— Да вотъ онъ лѣшій стоитъ, — отвѣтила одна и показываетъ пальцемъ на меня. Вдругъ ко мнѣ подходитъ одинъ изъ парней и говорить:

— Ты къ нашимъ дѣвкамъ не лѣзь, ты за этимъ, шло ли, сюда пришелъ?

Тогда я вынимаю мандатъ и ему показываю. Онъ посмотрѣлъ и говорить:

— Это не про насъ писано. Разъ ты сукомолъ, то и иди къ сукомолу, а къ дѣвкамъ приставать нечего.

Я было вступилъ съ нимъ въ споръ, но вижу, что они меня оттерли, а среди нашихъ какое-то волненіе.

Обмѣръ шелъ по задамъ мимо огородовъ, а ихніе, левенскіе, ребятишки, которые толкались около рулетки, забрались въ чей-то огородъ, нарвали стручковъ, а сказали на нашихъ. Какая-то тетка выскочила, начала кричать. И

лѣзетъ прямо съ кулаками на Зинь-Палну и кричитъ ей:

— Разъ ты учительша, должна за ими смотрѣть.

Зинь Пална спокойно отвѣчаетъ:

— Я не отвѣчаю за вашихъ деревенскихъ дѣтей, а мои тутъ всѣ при мнѣ были.

— Да что я не видѣла, што ль! Вонъ тотъ вонъ самый стрючки рвалъ.

И показываетъ на меня.

— Что ты врешь-то, тетка! — закричалъ я, обозлившись. — Когда жъ я у тебя стрючки рвалъ?

— Онъ тутъ и къ дѣвкамъ приставалъ, — загорламли парни.

Тутъ Зинь-Пална какъ гаркнетъ громовымъ басомъ, что я даже и не ожидалъ отъ нее такого:

— Какъ же вы смѣли, Рябцевъ, приставать къ дѣвушкамъ?

Весь галдежъ сразу утихъ, а я молча вынулъ мандатъ и подаю Зинь-Палнѣ.

— Ну и что же? — спрашиваетъ Зинь-Пална.

— А то, что разъ я обслѣдую быть, — имѣю я право просить пѣтъ пѣсни, или не имѣю?

Тутъ подходитъ здоровенный мужикъ, который все молчалъ и смотрѣлъ. И говоритъ:

— Уходите вы отъ грѣха подальше, тутъ вамъ дѣлать нечего.

А дѣвки издали кричать:

— Оченно просимъ — отъ воротъ поворотъ!

Какой-то еще пьяный мужиченко ввязался:

— Я ихъ знаю, они насчетъ налога, — зе-мле-мѣ-ры, грети ихъ душу мать совѣмъ!

— Гони ихъ въ шею, а не то за дреколья возьмемся! — закричали со всѣхъ сторонъ.

А баба, у которой тырили стрючки, подсакиваетъ къ Зинь-Пална и лезетъ въ драку. Тогда Алешка Чикинъ, схватилъ бабу за руку и мотнулъ ее въ сторону.

— Да что жь это, православные, руками хватают! .. заорала баба, а какой-то длинный парень схватил Алешку за плечо.

— Стойте! — опять таким же голосом гаркнула Зинь-Пална. и ея единственный желтый зубъ блеснулъ какъ какъ клыкъ. — Дайте слово сказать.

И опять всѣ замолчали.

— Вотъ вы ничего толкомъ не спросите, — говорить Зинь-Пална учительскимъ голосомъ. — а лѣзете въ драку. Мы желаемъ вамъ добра. Хотимъ быть вашими городскими шефами, а для этого намъ надо составить плантъ. (Такъ и сказала: плантъ.).

— А что съ того будетъ? — спрашиваютъ тихо сзади.

— А будетъ то, — отвѣчаетъ Зинь-Пальна, — что у васъ будетъ заручка въ городѣ — разъ, вы будете знать, куда обратиться — два. Мы вамъ всегда поможемъ — три. Газету вамъ присылать будемъ — четыре. Сѣменную ссуду поможемъ исхлопотать — пять. то и есть “шефы”.

— Что ж ты, гражданка, сразу-то не сказала? — спрашиваетъ высокій мужикъ.

— А вы развѣ спрашивали? — отвѣчаетъ Зинь-Пална. — А потомъ я адресовалась къ вашему предсѣдателю, а онъ вонъ носъ воротить, разговаривать не хочетъ...

— Онъ у насъ тако-о-ой: “кто я!” — радостно подхватилъ пьяный. — Съ имъ, братъ, не очень: “я совѣцкая вла-а-астъ”.

— Ну, такъ вотъ, — говоритъ Зинь-Пална, — сейчасъ мы уйдемъ, вы намъ все равно работать помѣшали. Пока до свиданія, приходите къ намъ въ школу, адресокъ мы оставимъ. И сами въ другой разъ придемъ. Пойдемте, ребята.

— А стрючки-то какъ же? — спрашиваетъ баба.

— Иди-и-и ты къ мамашѣ за пазуху тетка Афимья, — отвѣчаетъ пьяный, — нужна ты со своими стрючками... Тутъ. нешъ не видишь, уч-чоные, — а ты кто? Должна понимать, какъ и что.

Ребятишки провожали насъ далеко въ поле, и все кричали:

— Шевы!.. шевы!

Когда мы пришли въ школу, Зинъ-Пална говоритъ:

— То что сказано, ребята, — конечно, нужно исполнить.

— Исполнимъ, исполнимъ! — закричали всѣ.

10 іюля.

— Я теперь убѣдился, что лордъ Дальтонъ былъ отчасти правъ, когда избобрѣталъ свой планъ. Конечно, нужно самому узнавать все, а если отъ другихъ, на разсказъ, то выходить совсѣмъ не то, что на самомъ дѣлѣ.

Вчера былъ спектакль у Громовыхъ. Ставили “Предложеніе”. Послѣ спектакля Громовыхъ отецъ оставилъ всѣхъ ужинать, и за ужиномъ всѣ пили вино, въ томъ числѣ и я. Послѣ ужина очень долго всѣ сидѣли, а потомъ Марія вызвала меня въ корридоръ. Тамъ было страшно темно, я наткнулся на косякъ и посадилъ себѣ фонарь, но промолчалъ, — должно быть, потому, что голова отъ вина сильно крижилась. Потомъ Марія потащила меня за собой въ какой-то закоулокъ или чуланъ.

Когда все кончилось, я вдругъ почувствовалъ страшный запахъ какой-то тухлой козлятины, и меня чуть не стошнило.

— Фу, какая гадость! — говорю я Маріи. — чемъ это здѣсь такъ воняетъ?

— А это здѣсь отцовскія шкурки сложены, ты не обращай вниманія, — шепчетъ въ отвѣтъ Марія. — Да не ори какъ громко.

Но я больше не могъ выдерживать и ушелъ домой. По дорогѣ у меня кружилась голова, и билось сердце, и было очень гадко, и больше всего не хотѣлось, чтобы объ этомъ узнала Сильва. А впрочемъ, какъ она можетъ узнать? Съ Юшкой она почти совсѣмъ не разговариваетъ и шьется послѣднее время больше съ Володькой Шмерцемъ. Я даже не понимаю, чѣмъ

она въ нёмъ нашла. А главное, что Сильва и не замѣчаетъ, что Володька со всѣми дѣвчатами подрядъ шьется, и она подѣ этотъ же рядъ попалась. А это должно быть обидно для женскаго самолюбія. тѣмъ болѣе для Сильвы. Потому что Сильва, вѣдь, очень гордая, — пожалуй, гордѣй всѣхъ нашихъ дѣвчатъ.

13 іюля.

Сегодня я, какъ шефъ, ходилъ въ Головкино и захватилъ съ собой на всякій случай Ваньку Пѣтухова, — онъ въ отпуску. По дорогѣ мы разсуждали опять о половомъ вопросѣ. Я разсказалъ Ванькѣ про ту бумагу, которую я свистнулъ въ СПОН-ѣ, и спросилъ его мнѣнія на этотъ счетъ.

— Конечно, — говоритъ Ванька, — всякія эти пакости, можетъ, кто и продѣлываетъ, но вѣдь они — наслѣдіе стараго режима. Сейчасъ никакихъ неестественныхъ штукъ не надо, все можно просто и естественно.

Я ему сказалъ, что не понимаю даже и словъ-то этихъ, какъ слѣдуетъ (которыя въ бумагѣ), но думаю, что “просто” — тоже противно, особенно по слѣ.

— Не знаю, значить ты не привыкъ, — говоритъ Ванька. — А потомъ, конечно, важно, съ кѣмъ связываешься.

— Ну, если, напимѣръ, вдвое старше тебя?

— Это — пакостныя бабы, — говоритъ Ванька, — и никогда не поймешь, что имъ надо.

Въ разговорѣ и не замѣтили, какъ подошли къ Головкину. Тамъ, на выгонѣ, гуляли деревенскія дѣвчата (дѣло было въ субботу, подѣ вечеръ). Они очень чудно танцовали: схватятся одна за другую — и пошла крутить. А кругомъ парни, кто съ гармошкой, а кто и такъ.

— Можно посмотрѣть? — спрашиваетъ Ванька.

— А покурить есть? — отвѣчаютъ парни.

— Какъ не быть.

Покурили. Парни и говорятъ:

— Смотрите, сколько хотите.

Потомъ всѣ подошли къ намъ и смотрятъ на насъ; мнѣ стало вродѣ какъ бы совѣстно.

— А мой товарищъ сказки умѣетъ рассказывать, — говоритъ Ванька.

Я было его локтемъ въ бокъ, а дѣвчата — на меня:

— Расскажите, товарищъ, антиресную сказочку.

— Да я не умѣю, это онъ вретъ.

Ванька такъ серьезно на меня:

— Никогда въ жизни не вралъ.

Тогда я подумалъ и началъ:

— Вотъ есть на свѣтѣ страна Финляндія. Въ этой странѣ много озеръ и камней, и потомъ тамъ водились великаны...

Да и пошелъ прямо по "Калевале". Смотрю, разсѣлись большинство вокругъ меня — слушаютъ. Конечно, я всякія тамъ имена вродѣ Вейемейнена сознательно пропускалъ, но народныя повѣрья вплелъ въ рассказъ, — вродѣ того, что лягушекъ нельзя бить. И какъ только я сказалъ, что пофинляндски выходить, что лягушки были раньше людьми, одна изъ дѣвчатъ всплеснула руками и тихо говоритъ:

— Ой, батюшки! А мы ихъ въ мурашину кучу зарываемъ.

— Это зачѣмъ? — спрашиваю я.

— Привораживать косточкой! — кричатъ парни съ хохотомъ. — Аксютка, ты кого хотѣла приворожить: Степку, что ли?

Потомъ мы съ ними вмѣстѣ пѣли и танцовали (хотя я никогда въ жизни не танцовалъ, но съ ними весело). А на обратномъ пути Ванька говоритъ:

— Если бы захотѣли, можно было бы остаться и прогулять съ ними всю ночь. Тебѣ какая понравилась?

Но я не захотѣлъ объ тѣмъ разговаривать! у Ваньки ужъ очень все выходитъ просто, по-собачьи.

18 июля.

Сегодня папанька меня спрашиваетъ:

— Костя, а правда, что ваша завѣдующая, Зиночка-то, чикинскимъ пособіемъ пользуется?

— Да что ты, охалпѣлъ, что ли? — говорю я. И смотрю на него во всѣ глаза.

— А что жъ тутъ такого? Мальчишка у нее, — значить и деньги ей.

— Что за бузища, папанька! Никогда въ жизни Зинь-Пална этого не сдѣлаетъ. Вѣдь это у старухи у нищей отымать. Да и сколько тамъ денегъ-то!

— Болтаютъ, двадцать съ чѣмъ-то.

— Плюнь ты въ глаза тому, кто болтаетъ.

30 іюля.

По предложенію музея краевѣдѣнія мы вчера на разсвѣтѣ вышли на указанное намъ городище, недалеко отъ деревни Перхушково. Когда мы туда пришли, сотрудники музея были уже на мѣстѣ и копали. Мы немножко отдохнули послѣ дороги, подзакусили и тоже стали копать. Время шло очень медленно, становилось все жарче и жарче, такъ что мы даже майки поскидали. Вдругъ обѣ Юшкину лопату что-то звякнуло, и онъ вытащилъ изъ земли черный кружокъ. Старшій сотрудникъ посмотрѣлъ и говорить:

— Это просто пугѣвица.

Хотѣли уже бросить копать на этомъ курганѣ, какъ вдругъ стали попадаться кости. Я тоже вытащилъ кость, и сотрудникъ опредѣлилъ, что это лошадиная берцовая. Костей набралось порядочная куча, какъ вдругъ подходятъ человѣкъ пять парней и спрашиваютъ:

— А разрѣшеніе копать у васъ есть?

— Конечно, есть, — отвѣчаютъ сотрудники.

Показали имъ разрѣшеніе, но крестьяне говорятъ:

— Мы не можемъ дозволить, потому вы копаете клады, а земля перхушковская окружная. Нѣтъ такихъ вашихъ правъ на нашей землѣ копать.

Долго спорили и ругались, пока не стали грозить, что

соберутъ все Перхушково и насъ прогонять. Тогда одинъ изъ сотрудниковъ говоритъ:

— Давайте вмѣстѣ копать, насъ вонъ семнадцать чеповѣкъ, и всѣ съ лопатами, и вамъ лопаты дадутъ. Все золото, что найдемъ — ваше, а остальное — наше. А не хотите, — зовите все Перхушково.

Парни посовѣтовались между собой, да видно имъ не хотѣлось дѣлиться со всѣми. Взялись они за лопаты и принялись копать вмѣстѣ съ нами. Только я замѣтилъ, что они копаютъ какъ-то все больше въ сторону, а не тамъ, гдѣ мы. Имъ сотрудники нѣсколько разъ говорили, но они — все посвоему. А въ нашемъ мѣстѣ — все кости да кости попадаютъ.

— Странная вещь, — говоритъ одинъ изъ сотрудниковъ, — никогда ни въ одномъ изъ кургановъ не обнаружилось столько костей животныхъ.

Парни копали въ общемъ недолго: съ полчаса. Потомъ побросали лопаты и пошли. Одинъ, когда уходилъ, спрашиваетъ:

— А на что вамъ кости?

— Кости насъ тоже интересуютъ, — говорятъ сотрудники. — По костямъ можно узнать, когда возникъ этотъ курганъ, да и многое можно узнать.

— Дыкъ идите тогда вонъ на ту луговину, — сказалъ парень. — Здѣсь одни лошади закопаны, а тамъ и коровы есть.

— Какіе-такіе лошади? — спрашиваютъ сотрудники.

— А это лѣтъ десять назадъ былъ скотій моръ, — отвѣчаетъ парень. — Такъ и здѣсь зарывали и на луговинѣ. Только тамъ больше.

Такъ намъ и пришлось переходить на другой курганъ. А тамъ сколько ни рыли — нашли одинъ царскій пятиалтынный.

Сотрудники говорятъ, что была какая-то ошибка въ музейномъ планѣ: не тѣ курганы помѣчены. А по-моему сначала нужно было у крестьянъ разузнать, а потомъ ужъ копать.

22 іюля.

Школа начинаетъ оживляться: появляется все больше и больше ребятъ. Между прочимъ, пріѣхалъ и Сережка Блиновъ. У насъ съ нимъ вышелъ крупный разговоръ.

— Я окончательно рѣшилъ, — говоритъ Сережка, — произвести въ школѣ революцію. Всѣмъ извѣстно, что наши шкрабы не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Нуженъ здоровый и живой духъ, а не та мертвечина, которой насъ кормятъ.

— Не знаю, — отвѣчаю, — думаю, что это будетъ не поленински. Учиться нужно, и какъ можно скорѣй поступать въ вузы.

— А ты, я слышалъ, — говоритъ Сережка, — въ примѣрные мальчишки записался?

Тутъ я страшно обозлился, и мы съ нимъ разругались.

А сейчасъ папанька ко мнѣ опять прилѣзъ съ Зинь-Палной.

— А сапожничиha Чикина по сосѣдямъ болтаетъ, будто ей не полностью пособие выдають.

— Удерживаютъ, навѣрное, какіе-нибудь проценты, — сказалъ я.

— Нѣтъ, — говоритъ папанька. — Это, будто бы, на содержаніе идетъ на Алешкино — вашей завѣдующей. Такъ сапожничиha болтаетъ, что она и сама сумѣетъ Алешку одѣть, обуть, накормить, ежели ей пособие идти будетъ полностью.

— Да вѣдь, это — полная буза, папанька! Говорилъ я тебѣ, и сейчасъ говорю, что Зинаида Павловна ни копѣйки не возьметъ.

— Такъ-то оно такъ, а все же — поди, заткни ей ротъ. Она и до суда грозитъ довести.

Вотъ еще дура неотесанная!

25 іюля.

Въ школѣ словно бомба разорвалась: это пріѣхалъ ин-

спекторъ. Такъ какъ конецъ іюля, то собралось уже больше половины всей школы. Сегодня какъ разъ предполагалась общая прогулка въ загородный лѣсъ, но вмѣсто этого произошло общее собраніе съ инспекторомъ.

Инспекторъ началъ съ того, что объявилъ всѣмъ о всеобщей ревизіи всей школы, при чемъ въ ревизіи долженъ принять участіе представитель какъ отъ шкрабовъ, такъ и отъ ребятъ. Мы долго кричали, но большинство было за Сережку Блинова, а отъ шкрабовъ вошла почему-то Елникитка.

Среди ребятъ сейчасъ же распространился слухъ, — я ужъ не знаю, откуда онъ тамъ явился, — что на нашу школу былъ поданъ доносъ, и что будто бы въ этомъ доносѣ поворится, что у школы буржуазный уклонъ и что шкрабы не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Я страшно возмутился, но часть ребятъ стала между собой перешептываться, среди нихъ былъ младшій братъ Сережки — Гришка Блиновъ. Я сейчасъ же направилъ кое-кого къ этимъ шептунамъ, черезъ пять минутъ узналъ, что въ случаѣ разслѣдованія они хотятъ заявить на шкрабовъ разные несправедливости, что будто бы наши шкрабы держатъ себя какъ педагоги старой школы. Я началъ громко агитировать за противоположное, но большинство ребятъ не примыкало ни ко мнѣ, ни къ нимъ, а держалось выжидательно.

Гришка Блиновъ засыпался по обществовѣденію, математикѣ и русскому языку и поэтому остался на второй годъ во второй группѣ.

Ревизіонная комиссія засѣдаетъ въ учительской. Конечно, намъ ничего не говорить, а Сережка Блиновъ держится такъ, словно только что объѣлся пшой. Въ партіи Гришки Блинова народу прибавилось, а у меня осталось все столько же. Когда я проходилъ мимо аудиторіи, то заглянулъ туда и увидѣлъ, что тамъ сидятъ Сильва и Володька Шмерцъ вдвоемъ. Я хотѣлъ было ихъ спросить, за кого они, за меня или за Гришку Блинова, но потомъ оставилъ ихъ въ покоѣ. Потомъ, когда отошелъ уже нѣсколько ша-

довъ, вспомнилъ, что раньше во всѣхъ такихъ затруднительныхъ случаяхъ Сильва была моимъ вѣрнымъ товарищемъ и помощникомъ, а теперь мнѣ опереться не на кого. Мнѣ стало очень горько и обидно, потому что передъ Сильвой я никогда ни въ чемъ не былъ виноватъ, — не виноватъ и теперь. Я долго ходилъ по школьному двору, потомъ пошелъ домой, но нигдѣ не могъ найти себѣ мѣста.

Что она могла въ немъ найти?

27 іюля.

Былъ у Маріи. Противно и противно.

28 іюля.

Написалъ стихи, хотя это очень глупо.

Мнѣ вспомнился весь разговоръ твой умный,
И нашъ контактъ нѣмой средь этой школы шумной.
Пусть съ другими ты ведешь бесѣды,
Съ тобой полонъ я, а безъ тебя я пусть.

Что это: хорошіе стихи или плохіе?

29 іюля.

Инспекторъ вызывалъ кое-кого изъ ребятъ и разспрашивалъ о взаимоотношеніяхъ съ ребятами. Шкрабы всѣ эти дни ходятъ страшно взволнованные. Приѣхалъ Никпетождъ, сталъ меня разспрашивать, а я не умѣлъ ничего ему толкомъ разсказать, потому что у меня голова другимъ занята.

— Это возмутительно, — сказалъ Никпетождъ, — что инспекторъ поступаетъ такимъ образомъ. Онъ долженъ былъ бы прежде всего созвать школьный совѣтъ.

Почти сейчасъ же послѣ этого разговора меня вызвали къ инспектору. Тамъ кромѣ инспектора, сидѣла страшно блѣдная Елникитка, и съ опущенными глазами — Сережка Блиновъ.

— Скажите намъ, товарищъ Рябцевъ, — сказалъ ин-

спекторъ, — что вы знаете объ отношеніяхъ вашей завѣ-
дующей къ ребятамъ?

— На школьномъ совѣтѣ я вамъ отвѣчу, товарищъ, —
отвѣтилъ я.

— У меня есть полномочія, — говоритъ инспекторъ.

— Вы вотъ ихъ школьному совѣту и предъявите, —
сказалъ я и ушелъ.

Послѣ этого я разыскалъ Черную Зою и говою:

— Ты помнишь, что ты сказала мнѣ весной?

— Да, помню, — отвѣчаетъ Зоя и глядитъ на меня во
всѣ глаза.

— Значитъ, я на тебя вполне могу положиться. Вотъ
прочитай эти стихи, — они не къ тебѣ относятся, — и
скажи свое мнѣніе.

— Что не ко мнѣ-то, я хорошо знаю, — протянула Зоя,
и стала читать про себя стихи. Читала она очень долго, нѣ-
сколько разъ, — видимо, обдумывая каждое слово.

Мнѣ, конечно, было очень интересно знать ее мнѣніе,
а она молчитъ. Наконецъ я спрашиваю:

— Ты что же, ихъ наизусть выучить хочешь?

И тутъ я увидѣлъ, что она потихоньку реветъ. И
вдругъ говоритъ скороговоркой:

— Ты не имѣлъ права давать мнѣ эти стихи, разъ они
посвящены другой...

Я взялъ листокъ у нея изъ рукъ и тихо отошелъ. Чортъ
ихъ пойметъ, этихъ дѣвчатъ!

А въ гимнастической лицомъ къ лицу столкнулся съ
Володькой Шмерцемъ и Сильвой. Я пропустилъ ихъ мимо
себя и говорю вдогонку:

— За битого двухъ небитыхъ дають.

— Ты чего лѣзешь, Рябцевъ? — отвѣчаетъ Володька. —
Я къ тебѣ не лѣзу.

— Такъ съ точкой, — сказалъ я и пошелъ. А Сильва
стоитъ и смотритъ на меня очень удивленно.

30 іюля.

Ревізійная комісія все працягуецца, і гавораць, што шкрабы паслалі ў цэнтр пратэсту, і гавораць, што буд-то бы дажэ дэманстравна хатяць уйці ізь школы. Я гаворіць кое съ кѣмъ ізь ребятъ, і мы рѣшылі прыняць свои шагі.

А со мной было вотъ что: я пошэль къ Громовымъ, і опятъ засталъ Марію одну. Когда она меня хотѣла облапнть, і стала гаворнть, что я свннѣ, что долго не бываю, то я ей отвѣтнль:

— Я думаю, что все это половая извращенность.

— Да почему? — спрашнваетъ она, выпучнвъ глаза.

— Пойдемъ, я тебѣ кое что прочту, — сказаль я, і мы вышылі въ садъ.

Тамъ я вытащнль і прочнталь ей вслухъ ту бумагу, которую я свнстнулъ въ СПОН-ѣ. Марія вся покраснѣла і гаворнть:

— Это еще что за гадости?

— А мнѣ съ тобой тоже гадостно.

— Да почему? — гаворнть Марія, і дажэ сквозъ пудру видно, какъ у ней носъ покраснѣль. — Я думала — тебѣ прнятно.

— Нѣтъ, — сказаль я рѣшнтельно, — не хочу я въ жнзнн бытъ какнмъ - ннбудь пснхомъ. Прощай.

— Ты глупый мальчншка і больше ннчего.

— Такъ съ точкой.

— И ты не нмѣешъ ннкакнго полнаго права отъ меня уходнть. Теперъ не тѣ времена. Я на тебя на алнментъ по-дамъ.

Она еще что - то крнчала, но я уже ушелъ.

А для алнмента ребята должны бытъ. Она меня на пушку не поймаетъ.

Въ этомъ мѣстѣ въ общую тетрадь Рябцева вложена мятая, напечатанная на машинкѣ бумага съ завѣряющей копію печатью ОНО.

Прочитавъ мое письмо, назовете меня дуракомъ, психомъ, идиотомъ, и такъ далѣе, но я совершенно нормальный человѣкъ, какъ и вы, только я рабочій, а вы интеллигенты, вы — ученые, а я — безграмотный. О томъ, почему я безграмотный — вы знаете, что условія жизни рабочаго были ужасныя, и люди жили въ темнотѣ и невѣжествѣ, а потому воспитаніе дѣтей этихъ бѣдныхъ семей не только было ненормальное, но даже и отвратительное, часто родители тс съ горя, то съ радости устраивали попойки, а затѣмъ и драки, отецъ поколотитъ мать, разгонитъ и дѣтей, а то еще выкинуть какой — нибудь фортель, вродѣ совокупленія перепившихся, не замѣчая дѣтей и называя вещи своими именами, выражаются при дѣтяхъ всегда и трезвые и пьяные, не накормятъ, а колотятъ и лупятъ какъ сидорову козу чѣмъ попало и по чему попало, вотъ я лично получилъ такое воспитаніе, я калѣка нравственный. Я дефективный морально и физически, я больной, но я не виноватъ, виновата среда, въ которой я воспитывался, виновато общество, которое создало такую ненормальную жизнь, нужно принять мѣры противъ этой болѣзни, но только мѣры не тюремнаго заключенія, а болѣе разумныя и правильныя, стыдитесь наказывать невинныхъ людей, несчастныхъ мучениковъ.

Наркомпросы и Юсты за такія вещи сажаютъ на пять лѣтъ, но я сынъ бѣднаго рабочаго, воспитывался въ ненормальныхъ условіяхъ, не помню какъ, почему и когда я сталъ онанистомъ, но фактъ тотъ, что я несчастный, я лѣтъ съ десяти сталъ заниматься педерастіей, люди меня презируютъ, власть мнѣ грозитъ тюрьмой, кому жаловаться, кто меня пойметъ, только тотъ, кто самъ этимъ боленъ. Но все же рѣшилъ обратиться къ нашему рабоче - крестьянскому правительству съ просьбой о ненаказуемости онанистовъ и педерастовъ, а за лѣченіе ихъ. Хочу исправиться, дайте возможность, я не виноватъ, виноватъ кто - то, но не я, дайте возможность вылѣчиться, спасите или разстрѣляйте, только

не сажайте, я боюсь наказанія, а потому и фамиліи своей не пишу, знаю, что арестуете. А мнѣ вѣдь 35 лѣтъ. И, сколько я смотрю, всѣ безпризорные такими дѣлами занимаются, и выходятъ, что растутъ они такіе же нравственные и физическіе калѣки, какъ я, и отъ такого поколѣнія рабоче-крестьянскому правительству нѣтъ пользы, кромѣ вреда. Спасайте, спасайте.

Вашъ воспитанникъ: онанистъ, педерастъ, садистъ у такъ далѣе... Общество, любуйтесь вашими плодами, что посяжали, то пожнете, не смѣйте насъ наказывать, наказывайте себя. 26 мар....

31 іюля.

Сегодня былъ рѣшительный день. Я еще съ утра кое-кого предупредилъ, а на четыре часа было собрано общее собраніе всей школы со школьнымъ совѣтомъ и ревизіонной комиссіей. Кромѣ Елникитки, никто изъ шкрабовъ на собраніе не явился.

Я собралъ вокругъ себя всѣхъ вѣрныхъ ребятъ и занялъ первыя скамьи передъ самымъ президіумомъ, а Юшку Громова, какъ самаго горластаго, посадилъ сзади стола ревизіонной комиссіи.

Первый взялъ слово инспекторъ.

— Вотъ, — говоритъ, — товарищи, я здѣсь передъ вами какъ представитель института инспектуры, которая призвана отъ имени центра наблюдать за жизнью учебныхъ заведеній и въ случаѣ надобности вмѣшиваться въ работу съ цѣлью ликвидаціи злоупотребленій. Не могу сказать, чтобы въ вашей школѣ наблюдались какія-нибудь явныя злоупотребленія, но во всякомъ случаѣ съ сожалѣніемъ долженъ констатировать, что школа приобрѣла нежелательный уклонъ.... Такъ или иначе, ревизіонная комиссія, образованная подъ моимъ предсѣдательствомъ, вынесла такое постановленіе....:

— Я его не подписывала, — выкрикнула вдругъ Елникитка, поблѣднѣла и откинулась на спинку стула. Сейчасъ же

притащили нашатать, дали ей понюхать, и она пришла въ себя.

— Такъ вотъ, товарищи, — продолжалъ инспекторъ, — постановленіе это гласить, прежде всего, о томъ, что школьные работники вашей школы не совсѣмъ соотвѣтствуютъ своему назначенію...

Но тутъ я далъ знакъ.

— До-ло-о-й!... Вздо-оръ!... Неправда-а-а!.. — закричали мои ребята со всѣхъ сторонъ.

— Долой!... — ахнулъ Юшка надъ самымъ ухомъ инспектора, такъ что тотъ даже вздрогнулъ.

Предсѣдатель, Стасъ Вѣлепольскій, стала изо всей силы наяривать въ колокольчикъ, но тишина не возстановилась, пока я не подаль второй знакъ, такъ что моя партія сразу замолчала. Только донесся съ заднихъ скамей оторванный голосъ Гришки Блинова:

— ...нахальство, Рябцевъ!

Я всталъ и говорю:

— Прошу не касаться личностей.

— Кромѣ того, товарищи, ревизіонная коммисія, — продолжалъ инспекторъ, — постановила вынести на общее собраніе, конечно предварительно освѣтивъ факты, — вопросъ о томъ, могутъ ли оставаться въ школѣ недостаточно авторитетные школьные работники....

Но тутъ я опять далъ знакъ. Когда шумъ удалось нѣсколько унять, всталъ Сережка Блиновъ и говорить:

— Я здѣсь выступаю двояко: во-первыхъ, какъ вашъ товарищъ, а во-вторыхъ, какъ вами же избранный членъ ревизіонной коммисіи....

— Ты что же — двуглавый орелъ, что - ли? — крикнулъ я.

— Во всякомъ случаѣ не одноглавая змѣя, согрѣтая на моей груди. (Не знаю, что онъ хотѣлъ этимъ сказать). Я, товарищи, поддерживаю предложеніе ревизіонной коммисіи по слѣдующимъ соображеніямъ: самоуправленіе у насъ хромаетъ на обѣ ноги и значенія никакого не имѣетъ, препода-

ваніе ведеться вразбродъ и оторванно отъ жизни. Школа не увязана ни съ какимъ производствомъ...

— Что же вы раньше - то молчали, Блиновъ? — визгливо крикнула Елникитка. — Вы вѣдь входите въ ячейку...

— Если вы, товарищи, — сказалъ инспекторъ, — согласны выслушать болѣе менѣе спокойно, то я доложу вамъ слѣдующее: здѣсь предлагается не вынести окончательное рѣшеніе, которое зависитъ отъ центра, а только обсудить затронутые вопросы и протоколировать мнѣніе школы.

— Позвольте, — сказалъ я. — Здѣсь съ нами сидитъ секретарь фабричной ячейки, къ которой мы приписаны, но онъ пускай выскажется потомъ, а сейчасъ скажу я. Сережка Блиновъ! А ты ночевалъ съ нами въ Солнечномъ, какъ Елена Никитична? Бѣлую мадаму идѣлъ? А ты заступился за насъ, когда мужики хотѣли принять насъ въ дреколя? Сережка Блиновъ! А ты отказался отъ отпуска и остался съ нами на все лѣто, какъ Зинъ - Пална? А ты взялъ къ себѣ на воспитаніе Алешку Чикина, когда у него померъ отецъ? А ты, Сережка, разъяснялъ всѣ волнующіе насъ вопросы, отъ которыхъ голова лопнуть можетъ и руки оторваться, какъ Николай Петровичъ? Вотъ ты говоришь, что школа оторвана отъ жизни.... А въ то время какъ мы лѣтомъ съ страшной опасностью для жизни обслѣдовали деревню, набирали естественный матеріалъ, помогали въ раскопкахъ кургановъ, — ты гдѣ былъ? На травѣ кверху пузомъ валялся? Значитъ ты, Сережка, соответствуешь своему назначенію, а Зинаида Павловна — нѣтъ? Такъ, что ли будетъ по - твоему?

Тутъ я не дѣлалъ никакого знака, но все равно — поднялся страшный шумъ: одни — за меня, другіе — противъ. Попросилъ слово секретаря ячейки и говоритъ:

— А я вотъ не согласенъ съ товарищемъ инспекторомъ что онъ дѣйствовалъ нераціонально, потому несогласованно съ ячейкой. То, что въ школѣ фракція, а не ячейка, это еще не есть раціональное доказательство. Если бы сразу товарищъ обратился въ ячейку, мы бы ему сказали, что шко-

ла хотя и не безъ дефектовъ, а идетъ нормально, и было бы довольно странно, если бы ячейкѣ не было извѣстно, что учителя не соотвѣтствуютъ своему назначенію. По крайней мѣрѣ, я объ этомъ слышу здѣсь въ первый разъ. Товарищу Блинову совершенно нераціонально было не посвятить въ это дѣло ячейку. Изъ этого я усматриваю, что товарищъ Блиновъ просто не чувствовалъ стабилизации подъ ногами.

— Да я думалъ, что это чисто школьные дѣла, — бормочетъ Сережка себѣ подъ носъ.

— Нѣтъ, это дѣло очень даже общественное, товарищъ Блиновъ, — отвѣчаетъ секретарь, — и я всѣмъ здѣсь заявляю, что если бы не товарищъ Рябцевъ, — который, видимо, понимаетъ обязанности красной молодежи лучше многихъ другихъ — дѣло могло бы кончиться нераціонально...

— Ай'да Костыка! — заоралъ Юшка Громовъ, но я ему сдѣлалъ знакъ, — и онъ замолчалъ. И тутъ я увидѣлъ, что въ залу вошла Зинъ - Пална.

— Насчетъ увязки съ производствомъ — намъ лучше всѣхъ знать, товарищъ инспекторъ, — продолжалъ секретарь. — Пожалуйста къ намъ въ ячейку, мы вамъ расскажемъ. А насчетъ сироты Чикина, котораго завѣдующая взяла къ себѣ на воспитаніе, то ячейка поручила мнѣ выразить завѣдующей школой Зинаидѣ Павловнѣ публичную благодарность за Чикина, какъ и вообще за ея двадцатилѣтнюю самоотверженную, общественную....

Тутъ какъ ударить громъ аплодисментовъ. Я думалъ, потолокъ рухнетъ. Секретарь засмѣялся, махнулъ рукой и полѣзъ къ выходу. Я ему кричу прямо въ ухо, (а то бы онъ не услышалъ отъ грохота):

— Ты куда, Ивановъ?

А онъ мнѣ въ отвѣтъ тоже кричитъ:

— Здѣсь, вижу, безъ меня обойдется.

Я смотрю: гдѣ же инспекторъ? И его уже нѣтъ. И вотъ, катитъ ко мнѣ на всехъ парахъ Елникитка, я отъ нее, но было тѣсно, она меня догнала и кричитъ:

— Я перемѣнила объ васъ мнѣніе, Рябцевъ.

А на-кой мнѣ шутъ ея мнѣніе, интересно знать? Вдругъ хватаетъ мену за рукавъ Черная Зоя:

— Стой, Костя. Ты долженъ окончательно помириться съ Сильвой. Цѣни, что это сказала я.

А сзади стоитъ Сильва, смотреть на меня и говорить:

— Ну что же, Владлень...

И я взялъ ея руку.

5 августа.

Въ школѣ пока дѣлать особенно нечего, и поэтому я почти все время провожу на футбольной площадкѣ. Папанька разорился мнѣ на буцы, и поэтому я играю сейчасъ во второй командѣ. Во вторую команду безъ буцовъ не принимаютъ. Играю я праваго хава, а иногда замѣняю праваго инсайда. Пробовалъ я стоять за кипера, но капитанъ меня перевелъ, потому что я все время выбѣгаю изъ воротъ. А я считаю, что какой же киперь, если онъ все время стоитъ на мѣстѣ и ждетъ, пока ему всодятъ голъ. Вѣдь съ двухъ шаговъ вотрутъ, а не вобьютъ даже, никакъ не отобьешься. Мнѣ было очень обидно, потому что киперь — это самое отвѣтственное мѣсто въ игрѣ, и кромѣ того, на состязаніяхъ киперу всегда хлопаютъ, а хавовъ никто и не замѣчаетъ. Но я подчинился рѣшенію капитана, потому что футбольная команда есть коллективъ, и въ этомъ коллективѣ должно быть строжайшая дисциплина, иначе можно провалить всю игру. Напримѣръ, въ нашей же второй командѣ Юшка Громовъ играетъ лѣваго края, такъ онъ всегда водить, и кончается тѣмъ, что у него выбивается бекъ, а иногда и хавъ догоняетъ. Мы уже говорили Юшкѣ, что такъ нельзя, и что если каждый будетъ водить, то не получится пасовки, и всякая пасующая команда насъ одолѣетъ. Но Юшка стоитъ на своемъ. Онъ увѣряетъ, что знаменитый лѣвый край Кукушкинъ тоже всегда водить, и что такъ легче всего прорваться къ чужому голу. Капитанъ наконецъ пригрозилъ Юшкѣ, что если онъ будетъ водить, то его переведутъ въ третью

команду, и не дадутъ выступать на отвѣтственныхъ состязаніяхъ. Юшка далъ обѣщаніе, что не будетъ больше водить, а вчера была тренировка съ третьей командой, и онъ все таки водилъ. Правда, на этотъ разъ ему удалось три раза обвести бѣковъ и забить три гола, но капитанъ сдѣлалъ ему выговоръ. Юшка тогда сталъ оправдываться, что онъ будто бы не разбирается въ офсайде, и что если передъ чужимъ людомъ пасовать, то всегда можно нарваться на свистокъ, на что капитанъ ему отвѣтилъ: "Пасуй задней ногой, и офсайда не будетъ". Всѣ захохотали, а я Юшкѣ, когда шли домой, сказалъ: "По - моему, тебя переведутъ въ концѣ концовъ въ третью команду". Юшка отвѣтилъ, что ему начхать на вѣтеръ, а я бы, если бы меня перевели въ третью команду, просто бы кончилъ играть въ футболъ, — по крайней мѣрѣ, на этой площадкѣ.

6 августа.

Теперь собралась почти вся школа, и на общемъ собраніи Зинъ-Пална предложила каждый день приходить и вести регулярныя занятія со шкрабами. И если кто не хочетъ, можетъ не ходить, и являться только на экскурсіи и на прогулки. Только тотъ, кто будетъ ходить, не долженъ пропускать и долженъ теперь же дать слово, что будетъ посѣщать школу. Громадное большинство согласилось, потому что занятія будутъ вестись не по программѣ, а кружковымъ порядкомъ: одни будутъ заниматься радіо, то - есть ставить въ школѣ пріемникъ (это съ Алмакфишемъ); другіе будутъ ставить спектакль съ Никпетожемъ: Зинъ-Пална предложила вести семинарій по Пушкину. Она при этомъ сказала, что Пушкинъ былъ такой великій поэтъ, что его не грѣхъ хоть и наизусть выучить. Между прочимъ, Володька Шмерцъ спросилъ, за что Пушкина убили, и Зинъ-Пална разъяснила, что былъ такой Дантесъ, который приставалъ къ его женѣ, и Пушкинъ вынужденъ былъ вызвать его на дуэль. Дуэль кончилась для Пушкина печально. А я бы это-

го Дантеса не сталъ бы на мѣстѣ Пушкина вызывать на дуэль, а просто отозвалъ бы его въ сторону и набилъ бы ему морду въ кровь, а если бы онъ не пересталъ приставать, далъ бы ему одинъ разъ датскимъ по - футбольному, пониже живота: небось, тогда бы пересталъ. Дантесъ этотъ былъ, какъ видно, сволочь порядочная, вродѣ нашего Володьки Шмерца, который подъ - рядъ со всѣми дѣвчатами шьетъ и котораго всѣ колотятъ.

У насъ въ школѣ начали распространяться разные фантастическіе слухи, и, конечно, тутъ на первомъ мѣстѣ — дѣвчата. Они шушукаются по угламъ и дѣлаютъ таинственный видъ, а потомъ оказывается какая-нибудь ерундѣйшая чепуха.

Напримѣръ, стали рассказывать, что въ прошломъ году въ Москвѣ былъ такой случай. Къ доктору Снѣгиреву пришла какая - то дѣвочка въ розовомъ платьѣ и говоритъ, что у ней больна мать, и чтобы докторъ пришелъ къ ея матери. Оставила адресъ и ушла. Только она ушла, какъ докторъ захотѣлъ распросить ее подробнѣй о болѣзни, чтобы знать, что изъ лѣкарствъ съ собой захватить. Вотъ, докторъ зоветъ горничную и вѣлитъ ей воротить дѣвочку. Горничная говоритъ, что никакой дѣвочки она не видала. Тогда докторъ зоветъ швейцара снизу лѣстницы, но швейцаръ тоже говоритъ, что дѣвочки не видалъ. Докторъ внѣ себя отъ удивленія ѣдетъ по оставленному адресу, и вѣрно находитъ тамъ больную женщину. Онъ начинаетъ ее лѣчить, а женщина спрашиваетъ, откуда онъ узналъ ея адресъ. Докторъ тогда говоритъ, что ему сказала ея дочь. Женщина начинаетъ плакать и говоритъ, что ея дочка вотъ уже три дня, какъ умерла, и что ея тѣло все еще лежитъ въ сосѣдней комнатѣ, потому что хоронить — нѣтъ силъ. Докторъ пошелъ въ сосѣднюю комнату и видитъ, что вѣрно, на столѣ лежитъ та самая дѣвочка въ розовомъ платьѣ, которая къ нему приходила.

Изъ этого рассказа выходитъ, что покойники могутъ разгуливать послѣ смерти. Когда мнѣ это рассказали, я только плъхнулъ.

7 августа.

Произошла неприятная история, а именно — столкновение съ Зинь-Палной. Дѣло въ томъ, что я, какъ и всѣ, далъ обѣщаніе регулярно посѣщать школу, а сегодня проигралъ все школьное время на футбольной площадкѣ, и явился только тогда, когда всѣ кружки уже кончились. Какъ разъ попадаетъ мнѣ на дорогѣ Зинь-Пална и говоритъ, что этого отъ меня не ожидала. Я спросилъ:

— Чего не ожидали?

Она отвѣчаетъ:

— Нарушенія дисциплины и срыва кружковыхъ занятій.

Я сказалъ, что теперь еще лѣто и вполне естественно больше находится на воздухѣ, чѣмъ въ помѣщеніи, и что вообще необходимо какъ можно больше заниматься физкультурой.

А Зинь-Пална возразила, что это нужно дѣлать организованно, и что разъ далъ обѣщаніе, нельзя его нарушать. Кромѣ того, по ея мнѣнію, футболъ вовсе не физкультура, а очень вредная игра, которую можно сравнить съ куреніемъ или съ пьянствомъ. Она такъ затягиваетъ человѣка, что его и не оттащить отъ футбола, и этому примѣръ — я.

Я въ отвѣтъ доказывать, что футболъ воспитываетъ коллективное чувство и всесторонне развиваетъ организмъ, но Зинь-Пална сейчасъ же сказала, что видитъ результаты какъ разъ обратные, а именно: разъ я не являюсь на занятія своего коллектива изъ-за футбола, такъ какіе же коллективные чувства футболъ воспитываетъ.

Въ общемъ, было очень неприятно, и изъ-за футбола придется вести борьбу.

Я нѣсколько времени слонялся по школѣ и уже собрался уходить, какъ вдругъ меня зоветъ Сильва, и мы съ ней зашли въ аудиторію и начали разговаривать. Я рассказалъ ей насчетъ футбола и Зинь-Палны, и Сильва, сказала, что, по ея мнѣнію, Зинь-Пална права, и что ребята слишкомъ увлекаются футболомъ. Я сталъ спорить, но въ этотъ моментъ въ дверяхъ показалась Черная Зоя и съ таинственнымъ видомъ говорить:

— Костя Рябцевъ, мнѣ нужно съ тобой поговорить.

Я сейчасъ же всталъ и пошелъ. Она вывела меня во дворъ, тамъ мы сѣли, и она говоритъ:

— Я тебѣ хотѣла разсказать одну исторію. Ты меня, конечно, извини, что я прервала вашъ нѣжный разговоръ, но вообще твое уединеніе съ Сильвой можетъ вызвать подозрѣніе не только у ребятъ, но и у шкрабовъ. А я, хоть и люблю Сильву, однако въ послѣднее время ея поведеніе мнѣ не нравится.

Тутъ я обозлился и сказалъ:

— Когда ты такъ будешь разговаривать, то пошла къ черту. Никакихъ нѣжныхъ разговоровъ у меня съ Сильвой не было и нѣтъ, и я смотрю на Сильву какъ на товарища. И какое такое особенное поведеніе Сильвы? Какіе такіе подозрѣнія? Все это — буза, и я не знаю, почему ты злишься на Сильву.

— Успокойся и сядь, — говоритъ Зоя. — Я тебя вызвала затѣмъ, чтобы разсказать одну исторію. Ну, слушай. Вчера пріѣхалъ съ юга мой братъ, и у него рука порѣзана. И онъ разсказалъ мнѣ и матери такую вещь. А мой братъ — летчикъ. Онъ тамъ служилъ гдѣ-то на югѣ, въ какомъ-то Сухумѣ, что ли. И вотъ, одинъ разъ гдѣ-то по сосѣдству, верстъ за десять отъ этого Сухума, была вечеринка, и на этой вечеринкѣ былъ братъ, и всѣ пили водку. Потомъ, когда вечеринка кончилась, братъ пошелъ домой. А у него, какъ у военного, сбоку висѣлъ револьверъ. Была уже ночь, и совершенно темная. Братъ говоритъ, что ночи тамъ, на югѣ, гораздо темнѣй нашихъ. Вотъ братъ шелъ-шелъ да и сбился съ дороги. Должно быть, потому, что водку пилъ. Хорошо. А кругомъ — темно, хоть глазъ выколи. Тогда братъ пошелъ наугадъ, куда попало. Видитъ вдругъ — какіе-то огоньки. Братъ догадался, что, должно быть, деревня татарская. Онъ и пошелъ на эти огни. Только дошелъ до деревни, какъ вдругъ какой-то его останавливаетъ и спрашиваетъ: "Ты куда идешь?". Братъ говоритъ, что въ Сухумъ. Тогда этотъ, который остановилъ, гово-

рить, что онъ его проводить на еухумскую дорогу. Братъ согласился и пошелъ за этимъ встрѣчнымъ, а на всякій случай держитъ руку на револьверѣ. Вотъ шли они, уже вышли за деревню, братъ началъ спотыкаться о какіе-то такіе камни. “Туда ты меня ведешь?” — спрашиваетъ братъ, а самъ вынулъ револьверъ. Тогда вдругъ этотъ встрѣчный выхватилъ электрическій фонарикъ и быстро навелъ брату прямо въ глаза. А послѣ темноты такой яркій свѣтъ — поневолѣ зажмуришься. Братъ зажмурился, а самъ поднялъ револьверъ. Въ это время брата какъ хлопнетъ кто-то сзади по рукѣ, и отъ толчка револьверъ вылетѣлъ изъ руки. А у этого типа въ одной рукѣ фонарь, а въ другой — револьверъ. А сзади еще другой типъ, тоже съ револьверомъ, и оба говорятъ, чтобы братъ за ними шелъ безо всякихъ разговоровъ. Пришлось брату итти — что же сдѣлаешь.

— Я бы бросился на него — головой въ животъ, свалилъ бы его и выхватилъ бы револьверъ у него изъ рукъ, — сказалъ я. — А изъ револьвера — во второго типа.

— Да-а-а, пойдѣ, выхвати, — отвѣчаетъ Зоя. — А другой въ это время тебя изъ револьвера въ спину. Ну вотъ, пошелъ братъ за нимъ въ полнѣйшей темнотѣ, только у того, который впереди, — фонарикъ. И видитъ братъ, что они идутъ посреди камней какой-то странной формы. Дошли до какого-то мѣста, эти типы вытаскиваютъ откуда-то лопату, и говорятъ брату: “Копай”. Братъ тутъ сразу подумалъ, что его заставляютъ рыть себѣ могилу. Но ввиду того, что на него направлены два револьвера, разсуждать не пришлось, а пришлось копать. Сталъ копать и видитъ — земля рыхлая, вполне легко поддается лопатѣ. Очень скоро вырылъ яму въ поларшина, и лопата начала стучаться обо что-то твердое. “Я, — говоритъ братъ, — копать больше не могу, тамъ что-то такое твердое”. Тогда одинъ изъ этихъ типовъ нагибается, ткнулъ кинжаломъ въ это твердое и вытаскиваетъ одну за другой нѣсколько досокъ: открывается темная яма. Эти типы и говорятъ брату: “Лѣзь туда”. Братъ спрашиваетъ: “Зачѣмъ?” — “А будешь спрашивать — пристрѣлимъ”, — они отвѣчаютъ. Ну, нечего дѣлать, братъ полѣзъ.

— Я бы нипочемъ не полѣзъ, — сказалъ я.

— А что бы ты сталъ дѣлать?

— Не знаю... Бросился бы на нихъ, чѣмъ живого закопають...

— Ну, а братъ полѣзъ; оказалась довольно глубокая яма, аршина въ три. А эти типы освѣщаютъ сверху фонарикомъ. Когда братъ спустился, они ему вдругъ говорятъ: “Ну, давай сюда гробъ”. — “Какой гробъ?”. — “А ты посмотри, тамъ есть гробъ”. Братъ осмотрѣлся, а они фонарикъ ниже спустили, и братъ вдругъ видитъ: и вправду гробъ, закутанный въ какую-то бѣлую матерію. Братъ схватилъ гробъ, хотѣлъ приподнять, но не смогъ. Говорить наверхъ: “Очень тяжелый, не могу”. — “Тогда сматывай матерію съ гроба”. Братъ кое-какъ сматалъ матерію, подаль наверхъ. “Теперь открывай гробъ”. Братъ сталъ открывать — всѣ пальцы поломалъ, не открывается. “Не могу, — говоритъ, — открыть, — навѣрное онъ забить или завинченъ”. — “Тогда держи кинжалъ”. И вѣрно, бросаютъ кинжалъ. Братъ взялъ кинжалъ, засунулъ въ щелину, нажалъ — крышка отскочила. И видитъ: лежитъ въ гробу очень красивая молодая женщина, вся закутанная въ такую же матерію какъ на гробѣ. А сверху спрашиваютъ: “Лежитъ баба?”. — “Лежитъ”. “Въ чемъ отѣта?” — “Въ такую же матерію закутана”. — “Снимай матерію”. Нечего дѣлать, пришлось снимать, а ее, можетъ, аршинъ шестьдесятъ намотано.

— А въ метрахъ сколько это будетъ?

— Будешь смѣяться — рассказывать перестану. Ну, вотъ содралъ братъ матерію, подаетъ имъ наверхъ. “Теперь, — говорятъ эти типы, — подавай бабу сюда”. — “Какъ? — “Возьми ее, подними и давай наверхъ”. Братъ взялъ мертвое тѣло, насилу поднялъ и съ трудомъ имъ подаетъ. Они ухватились сверху, но должно быть, трупъ зацѣпился или имъ показалось, что братъ тянетъ къ себѣ, или они хотѣли подправить трупъ кинжаломъ, какъ вилкой — только ткнули не по трупу, а по братовой рукѣ, — такъ и чирк-

нули. Братъ закричалъ. “Ты чего кричишь?” — спрашиваютъ. — “А какъ же, вы мнѣ руку разрѣзали до самого плеча”. А братъ въ это время выпустилъ и трупъ, и онъ трахнулся на землю. “Ну, снимай кольца съ пальцевъ”. Братъ кое-какъ обмоталъ рану платкомъ, нагнулся тащить эти кольца, но они не поддавались, и похоже было, что трупъ тянетъ руки къ себѣ. “Не могу стащить”, — говоритъ братъ. — “Тогда руби кинжаломъ пальцы”. — “Не буду”. — “Почему не будешь?”. — “Не буду”, — говоритъ братъ да и потерялъ сознание: въ обморокъ упалъ. Неизвѣстно, долго ли онъ лежалъ въ обморокъ, только наконецъ очнулся. Видитъ — надъ головой звѣздное небо въ такомъ четырехугольникѣ и никакъ не можетъ понять, гдѣ это онъ находится. Такъ онъ пролежалъ минутъ пять, какъ вдругъ видитъ: въ этотъ четырехугольникъ лѣзетъ голова съ горящими глазами. Братъ какъ заоретъ мнѣ себя отъ испуга! А голова заорала еще пуще — и скрылась. Братъ снова потерялъ сознание. Очнулся онъ только въ какой-то маленькой комнаткѣ, и около него сидитъ слѣдователь. “Вы—Травниковъ?” — спрашиваетъ слѣдователь. — “Я”. — “Расскажите, что съ вами произошло”. Братъ рассказалъ. “Все это похоже на правду, — говоритъ слѣдователь, — и вы находитесь сейчасъ въ сторожкѣ у кладбищенскаго сторожа, на татарскомъ кладбище. Только вотъ объясните одно непонятное явленіе, какимъ образомъ у насъ въ карманѣ очутилось вотъ это”. И показываетъ брату обрубленный палецъ съ кольцомъ. Братъ посмотрѣлъ и говоритъ, что не знаетъ. Потомъ братъ спросилъ слѣдователя, какъ все это объяснить. Слѣдователь ему отвѣтилъ, что это были могильные бандиты, и они съ братовой помощью обворовали могилу недавно похороненной княжны. А голова, которая лѣзла, въ могилу, это былъ тоже бандитъ, но уже изъ другой шайки, и этотъ бандитъ такъ испугался, когда братъ заобралъ, что съ испугу бросился куда ни попадя и расшибъ себѣ голову о ближайшій памятникъ до-смерти.

— Ну, а тѣхъ-то — нашли?

— Ихъ нашли по матеріи. Они въ этомъ же самомъ Сухумѣ на базарѣ матерію продавали, которую братъ имъ сдиралъ съ княжны. Ну, они и засыпались. А потомъ на допросѣ сознались, что брату нарочно подсунули въ карманъ палецъ, чтобы слѣдователь на брата и подумалъ. Послѣ этого брата отпустили, ему дали отпускъ, и онъ пріѣхалъ домой.

— Все?

— Все.

— А про мертвую дѣвочку — это тоже ты пустила?

— А что жъ ты думаешь? Мертвая дѣвочка могла прійти къ доктору.

— Ну, я такъ и зналъ. Ты.

Я всталъ, пошелъ и кричу:

— Сильва. Сии-ильва-а-а!

А Черная Зоя идетъ сзади и бормочетъ:

— Сильвы-то и нѣту! А Сильвы-то и нѣту!

И сколько я ни искалъ Сильву, такъ и не нашелъ въ школѣ. Должно быть, ушла домой. А Зоя ходитъ сзади и дразнится:

— Она тебя и дожидаться не стала. Очень ты ей нуженъ.

Тогда у меня словно въ головѣ просвѣтлѣло, и я понялъ, что Зоя нарочно меня оттащила отъ Сильвы, только не знаю, съ какой цѣлью. Я обозлился, выдалъ Зоѣ красноармейскій паекъ, она заплакала, а я ушелъ домой.

8 августа.

Неожиданно вышелъ “Иксъ” послѣ большого перерыва. Въ немъ написана цѣлая громадная баллада, которая начинается такъ:

Мы всѣ говоримъ телеграфъ-языкомъ,
Нашъ лозунгъ — скорѣй и короче...
И стало такъ трудно изящнымъ стихомъ
Описывать лунныя ночи.

Придется, примѣрно, описывать такъ:
Лунночъ вся была нежистома,
Когда два граждвора укради кухбакъ,
Презрѣвъ недремоко домиома...

Это очень здорово, только кто это написалъ? Мы съ Колькой Палтусовымъ сейчасъ же сговорились болтать между собой на телеграфъ-языкѣ. И быстро, и удобно, и никто не пойметъ.

9 августа.

Я не люблю такихъ дѣвчонокъ, которыхъ можно назвать идиотками, а такихъ — большинство. Но ужъ если такого названія, какъ идиотъ, заслуживаетъ кто-нибудь изъ ребятъ, то это — Юшка Громовъ. Онъ всѣмъ разболталъ про меня и Марію. Совершенно не понимаю, что его дергало за языкъ. А кто болтаетъ безъ причины, — это есть признакъ дурачины.

А сегодня онъ еще отпалилъ такую штуку. Вдругъ врывается въ физическую лабораторію (шкрабовъ никого не было) и оретъ во всю ивановскую:

— Никпетожъ въ Стаську Велѣпольскую втрескался!

Тутъ всѣ ребята стали еѣмъ спрашивать, какъ онъ это узналъ, особенно дѣвчата налетѣли, и Юшка рассказалъ, что будто бы Никпетожъ со Стаськой сначала ходили по двору, а потомъ зашли за полѣнницу дровъ, и Никпетожъ держалъ Стаську за руку, и что-то ей наговорилъ съ очень большимъ увлеченіемъ.

А Юшка спрятался съ другой стороны полѣнницы и все время подслушивалъ.

Если бы Юшка не разболталъ еще раньше про меня и Марію, я бы, можетъ, и вниманія никакого не обратилъ, а теперь мнѣ сразу стало понятно, что Юшка — любитель идиотскихъ сплетенъ, и что ему нельзя ни въ чемъ довѣрять.

Сегодня начался семинарій съ Зинь-Палной по Пушкину. Зинь-Пална подробно рассказала біографію Пушкина, и послѣ этого отличился Володька Шмерцъ. Онъ вдругъ спрашиваетъ:

— А что чувствовалъ Пушкинъ, когда жена у него была брюхата?

Тутъ Зинъ-Пална отвѣчаетъ:

— Если бы вы, Шмерцъ, задали такой вопросъ изъ любознательности, то я, можетъ быть, вамъ и отвѣтила бы, а такъ какъ вы это спрашиваете изъ хулиганства, то кто-то изъ насъ долженъ уйти изъ аудиторіи: вы, Шмерцъ, или я.

Тутъ Володька сталъ опровергать, что онъ вовсе не изъ хулиганства, и что онъ самъ читалъ въ письмахъ Пушкина, какъ Пушкинъ пишетъ своей женѣ: “такъ какъ ты брюхата...”, но все ребята закричали:

— Пошелъ вонъ, Шмерцъ! Здѣсь не дворъ, а аудиторія. И Володька принужденъ былъ удалиться съ позоромъ.

10 августа.

Сегодня на футбольный площадкѣ Юшка Громовъ ни съ того, ни съ сего началъ звонить насчетъ Никпетожа и Стасъ-ки. Это было ужъ прямое безобразіе, потому что среди футболистовъ далеко не всѣ — наши школьники, и поэтому я сказалъ Юшкѣ, чтобы онъ пересталъ бузить.

— А что ты мнѣ сдѣлаешь? — спрашиваетъ Юшка.

— Рожу растворожу.

— Попробуй, — говоритъ Юшка.

Я пробовать не сталъ, а сговорился съ Колькой Паттусовымъ, который игралъ правого края за третью команду, и мы рѣшили Юшку подковать. Вышло это такъ: когда форварды третьей команды повели мячъ, то Колька Паттусовъ погнался за Юшкой, а Юшка по обыкновенію сталъ водить. Тутъ, я подъ предлогомъ принять мячъ отъ Юшки, рванулся ему подъ самыя ноги и загородилъ дорогу, а въ этотъ моментъ налетѣлъ сзади Колька да какъ трахнетъ Юшку по самой башкѣ. Юшка — съ катушекъ и заоралъ не своимъ голосомъ:

— О-о-о-ой! Это я знаю, — Рябцевъ нарочно меня куетъ, сволочь эдакая!

А всё видѣли, что подковаль еѣо вовсе не я, такъ что никто не обратилъ вниманія, только Колькѣ капитанъ сдѣлалъ выговоръ за грубую игру. А Юшка не могъ самъ итти, такъ какъ нога у него была вдребезги расшиблена и распухла, и его ребята потащили домой на носилкахъ.

Потомъ, когда мы съ Колькой шли домой, онъ мнѣ говорить:

— Дото.

А у насъ, по условію, спрашивать объясненія телеграфъ-выраженій нельзя. Каждый долженъ догадываться самъ. Я ломалъ-ломалъ голову, но что это за “дото” такое никакъ не могъ додуматься.

— Дорогой товарищъ? — спрашиваю.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ Колька.

— Добрый торговецъ?

Да нѣтъ, Какъ же ты не понимаешь? Доволенъ тобой.

Тогда я рѣшилъ Колькѣ отплатить, и пока шли — всю дорогу придумывалъ. Стали прощаться, я ему и говорю:

— Верзавокъ копалъ.

— Чего ты копалъ? — разсѣянно спрашиваетъ Колька.

— Да ничего я не копалъ, а верзавокъ копалъ. Это я съ тобой прощаюсь. Ну-ка?

Колька думалъ-думалъ, а потомъ выпалилъ:

— Вѣра завидуетъ Калеріи Павловнѣ.

Тутъ я расхохотался:

— Какая такая Вѣра? Откуда ты взялъ Вѣру? Да еще Калерію Павловну какую-то приплелъ. При чемъ здѣсь Калерія Павловна?

— Это у меня тетка такая есть. Не мѣшай. Она на ба-рахолкѣ брюками торгуетъ. Это, можетъ, собственное имя: Верзавокъ?

— Нѣтъ, не собственное. Это — телеграфное слово.

Увидѣвъ, что Колька не можетъ отгадать, я показлъ ему носъ и хотѣлъ было итти домой. Но Колька со страшнымъ любопытствомъ присталъ ко мнѣ, чтобы я ему все-таки сказалъ. Я долго не хотѣлъ, потомъ мнѣ надоѣло, и я прямо въ лицо Колькѣ отчеканилъ:

— Вѣренъ завѣтамъ Октября, Колька Палтусовъ! Вотъ что значитъ: Верзавокъ копаль! Не дото.

Такъ я его перекрылъ.

11 августа.

У насъ есть одна дѣвчонка, которую зовутъ Пышка. Она очень толстая, и ее всегда всѣ жмаютъ. Зажмаютъ ее въ уголъ, а она оттуда пищитъ какъ рыба. Это только такъ говорится, что какъ рыба, потому что вѣдь на самомъ дѣлѣ рыбы не могутъ пищать.

Сегодня мы зажали Пышку въ уголъ, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, влетаетъ Елникитка и начинаетъ на насъ орать, что это — безобразіе, что она всѣхъ насъ вынесетъ на школьный совѣтъ и на общее собраніе, и чуть ли не въ Со-наркомъ. Тогда я ее спрашиваю:

— А что мы, собственно говоря, дѣлали?

— Это вамъ лучше знать, — кричитъ Елникитка, — и ле-чего тутъ лицемѣрничать, когда дѣло ясно, какъ на ладони.

И тутъ влетѣло еще несколько старшихъ дѣвчатъ, всѣ начали кричать наперебой, будто мальчишки страшно распустились и позволяютъ себѣ лѣзть къ дѣвчонкамъ. Тогда я не выдержалъ и отвѣчаю, что все это — нахальное вранье, и что Пышку всегдѣ всѣ жмаютъ, и что никогда никто не видѣлъ въ этомъ ничего особеннаго. Я тутъ еще сказалъ, что, по-моему, Елникитка просто белены объѣлась. Тогда Елникитка собралѣ вокругъ себя дѣвчатъ, какъ насѣдка цыплятъ соби-раетъ, и торжественно заявила:

— Рябцевъ опять показываетъ себя во всю величину. Я думала, что онъ исправился, но этотъ верхъ возмутитель-наго безобразія доказываетъ на что направлены мысли Ряб-цева.

И тутъ всѣ они подхватили Пышку подъ руки и куда-то потащили, — должно быть, жаловаться.

Минутъ черезъ десять пришелъ Никпетожъ, собралъ всѣхъ ребятъ въ аудиторію, и сталъ опять читать цѣлую

лекцію о половыхъ вопросахъ. Потомъ онъ вытащилъ книжку и принялся вычитывать рассказъ Тургенева "Первая любовь", — какъ одинъ, мальчишка втрескался во взрослую. Мы много хохотали, а потомъ я спрашиваю Никпетожа:

— Зачѣмъ вы намъ все это прочли, какъ въ художественномъ произведеніи отразилась настоящая, идеальная любовь.

Тогда я рѣшилъ провентилировать вопросъ и спрашиваю:

— А почему вы думаете, Николай Петровичъ, что мы этого сами не знаемъ?

Никпетожъ замылся.

— Это, видите ли, нѣкоторые школьные работники думаютъ, что ваши взгляды на любовь и на половой вопросъ стоятъ на неправильномъ пути.

— А какія же этому доказательства? — спросилъ я.

— Да вотъ, напримѣръ, ваши отношенія съ Леной Орловой (это такъ зовутъ Пышку). Школьные работники думаютъ, что эти отношенія пріобрѣли нездоровый уклонъ.

— Это ужъ, конечно, Елена Никитишна? — спрашиваю я.

— Въ томъ-то и дѣло, что не одна Елена Никитишна, а и завѣдующая, и Фишеръ и Людовика Карловна (она пѣніе преподаетъ) тоже такъ думаютъ.

— Да, что мы такого особеннаго дѣлали? — возмутился я. — Это что Пышку-то жмали? Тутъ ничего особеннаго нѣтъ. Ее всегда всѣ жмаютъ, и никогда никакихъ инцидентовъ не было.

— Нѣтъ, на тисканье Лены Орловой школьные работники обратили вниманіе, — говоритъ Никпетожъ. — Положеніе ухудшается еще тѣмъ, что сама Лена Орлова не противится этому тисканью. Вамъ, навѣрное, извѣстно, Рябцевъ, что возиться возможно только съ тѣми дѣвочками, которые ничего не имѣютъ противъ. Теперь рѣшено это прекратить, и кромѣ того заняться съ вами вопросами марксистской этики и морали.

Я догналъ Никпетожа, когда онъ уходилъ, и спрашиваю:
— А вы сами какъ думаете, Николай Петровичъ, насчетъ Лены Орловой: дѣйствительно мы серьезно виноваты или нѣтъ?

— Не вижу за вами особенной вины, Рябцевъ, — отвѣчаетъ Никпетожъ, — но думаю, что слѣдовало бы воздержаться отъ тисканья Орловой. Дѣло въ томъ, что Елена Никитишна утверждаетъ, будто вы, Рябцевъ, способны развратить кого-нибудь изъ дѣвочекъ, потому что будто бы лѣтомъ у васъ былъ самый настоящій заправскій романъ съ сестрой Громова.

— А откуда она знаетъ? — спросилъ я и почувствовалъ, что краснѣю. (Мнѣ стало очень неловко).

— А развѣ и вправду было что-нибудь, Рябцевъ? — спросилъ Никпетожъ и очень серьезно на меня посмотрѣлъ.

— Т.-е. какъ “и вправду”? — спросилъ я. — По-моему, это никого не можетъ касаться. Развѣ вамъ понравилось бы, Николай Петровичъ, если бы про васъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, начали распространять плетни, что вы влюблены въ Стаську Велѣпольскую, и разное тому подобное...

— Какъ? А развѣ говорятъ? — спросилъ быстро Никпетожъ, и мнѣ показалось, что онъ испугался.

— Вотъ видите, и вамъ непріятно, — сказалъ я. — Все это — сплетни, и люди лѣзутъ въ разныя, никого не касающія дѣла. По-моему, это вовсе даже никакія ни марксистская этика ни мораль.

— Въ этомъ вы, конечно, правы, Рябцевъ, — смущенно сказалъ Никпетожъ. — Сплетни есть пережитокъ стараго строя и проклятаго прошлаго. Они обозначаютъ совершенно мѣщанскій подходъ къ дѣлу. Я, напримѣръ, никогда не скрывалъ отъ васъ, Рябцевъ, что мнѣ нравится Сильфида Дубинина, но нравится она мнѣ именно, какъ человекъ, а вовсе не какъ дѣвушка. Такъ же я отношусь и къ Велѣпольской. Было бы довольно странно если бы я началъ заводить въ школѣ романы.

— Сильва тутъ не при чемъ, — отвѣтилъ я. — Никто никогда не посмѣетъ сказать, что у насъ съ Сильвой есть что-нибудь, кромѣ чисто товарищескихъ отношеній. И потому мы съ Сильвой настолько преданы міровой революціи, что личные отношенія отходятъ на второй, на третій и даже на десятый планъ.

— Вполнѣ вѣрю, сказалъ Никпетождъ. — Тѣмъ болѣе, что я настолько уважаю Дубинину, что не могу допустить и мысли о какомъ-нибудь переходѣ границы съ ея стороны. А все-таки, не можете ли вы мнѣ сказать, Рябцевъ, по-товарищески, между нами: кто распространяетъ эту дурацкую сплетню про меня и Велѣпольскую?

— Этого я не стану говорить, Николай Петровичъ, потому что вы вѣдь этого человѣка сейчасъ же начнете засыпать по общество...

— Вотъ ужъ никогда, — вскричалъ Никпетождъ, и даже весь покраснѣлъ. — Я никогда не смѣшиваю общественныхъ и личныхъ дѣлъ въ одну кучу. Впрочемъ, для меня важно не имя сплетника, а главнымъ образомъ вопросъ: это кто-нибудь изъ ребятъ или изъ взрослыхъ, школьныхъ работниковъ, напимѣръ?

— Изъ ребятъ, — отвѣтилъ я.

— Ну, спасибо вамъ, Рябцевъ, — сказалъ Никпетождъ на прощанье. — Во всякомъ случаѣ, будьте увѣрены, что въ происшествіи съ Орловой я буду отстаивать ваши интересы, такъ какъ вполнѣ увѣренъ, что вся эта исторія выѣденнаго яйца не стоитъ.

— Ну, довамъ, — сказалъ я на прощанье.

— Это какъ же понимать? — спросилъ Никпетождъ.

— Доволенъ вами, это вмѣсто “спасибо”. Спасибо, это вѣдь — спаси богъ, и значить — религиозное.

— Ну, рано вы начали коверкать русскій языкъ, — съ неудовольствіемъ сказалъ Никпетождъ. — И такъ сейчасъ коверкаютъ больше, чѣмъ надо.

— Я не только коверкаю, Николай Петровичъ, а и создаю.

— Ну, созданіе неважное, — сказалъ Никпетождъ, и мы разошлись.

12 августа.

Сегодня въ Лѣтнемъ саду ставили оперу “Карменъ”, и мы съ Сильвой на ней были. Я раньше съ презрѣніемъ относился къ операмъ, потому что когда поютъ вмѣсто разговора, то получается большая неестественность, да и слова разобрать трудно. Но въ этотъ разъ меня что-то такое завлекло. Это чувство началось съ того, что когда погасли огни и засвѣтилась рампа, то мнѣ вдругъ показалось, что человѣкъ съ палочкой, который махаетъ оркестру, даже и не человѣкъ вовсе, а можетъ, какой-нибудь волшебникъ. Потомъ пошла опера. На этотъ разъ я даже понялъ содержаніе, хотя оно довольно бузоватое, но все-таки заставляетъ задуматься. Тамъ показывается, какъ одинъ офицеръ влюбился въ фабричную работницу. Этого офицера звали донъ-Хозе. Тутъ я немножко не понимаю, зачѣмъ приходитъ одна дѣвчина, которую зовутъ Микаэла, и что-то очень долго поетъ. Это всегда такъ въ операхъ: вдругъ кто-нибудь придетъ ни съ того, ни съ сего и начинаетъ запустывать, да еще руками размахиваетъ. Потомъ Карменъ въ него тоже влюбилась, а онъ долженъ былъ ее за что-то отправить въ отдѣленіе. Вотъ онъ ее повелъ, а она его пихнула — и драчка. Потомъ Карменъ пляшетъ въ какомъ-то такомъ кабакѣ (я вотъ тутъ не пойму, что она: фабричная работница или просто кутила). Потомъ приходитъ торреадоръ, и начинаетъ пѣть про то, какъ онъ сражается съ быками. Это мнѣ очень понравилось, да и самъ торреадоръ — очень красивый парень, Такихъ даже въ жизни не бываетъ. Потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего Карменъ въ него втрескивается (можетъ быть, потому, что онъ гораздо красивѣй Хозе) и чего-то такое ему общаетъ, только я не разобралъ — что. Потомъ торреадоръ уходитъ и вдругъ приходитъ Хозе. Только что Карменъ начала

плясать, какъ вдругъ является толстый начальникъ и гонить Хозе вонъ, потому что онъ самъ ухлыстываетъ за этой Карменъ. Хозе выхватываетъ шашку и чуть было не зарубилъ этого начальника, но тутъ вбѣгаютъ какіе-то хлюсты, у нихъ платки на головахъ вмѣсто шапокъ, и спасаютъ начальника. Послѣ этого Хозе дѣлается бандитомъ.

Въ третьемъ дѣйствіи бандиты идутъ подстергать и грабить торреадора, потому что онъ много заработалъ на показательной дракѣ съ быками. Съ этими бандитами вмѣстѣ идутъ Карменъ и Хозе. Потомъ бандиты прячутся, а сами оставляютъ Хозе сторожить торреадора. Тутъ опять зачѣмъ-то вертится эта дѣвчина, Микаэла, но Хозе ее прогоняетъ. Сильва говоритъ, будто это его невѣста, но я не вѣрю, потому что вѣдь онъ влюбленъ въ Карменъ и даже изъ-за нея поступилъ въ бандиты. Но вотъ наконецъ приходитъ торреадоръ, и Хозе трахъ его изъ ружья, но промахнулся. Тогда онъ захотѣлъ угробить его ножомъ, но торреадоръ тоже выхватилъ ножъ, и они стали сражаться. Фехтовать они не умѣютъ, поэтому дрались довольно коряво, но тутъ вдругъ вбѣгаетъ Карменъ и остальные бандиты, и ихъ разняли. Тутъ я немножко не понимаю, почему они этого торреадора отпустили. Похоже, это потому, что у него денегъ съ собой не было: онъ еще только шелъ на заработокъ. Сильва говоритъ, будто все это не такъ и будто они его вовсе и не хотѣли грабить, но я понялъ такъ, а вѣдь оперы каждый имѣетъ право понимать по-своему.

Потомъ, въ четвертомъ дѣйствіи, долженъ начаться бой быковъ. Я не знаю, сколько тамъ быковъ, но, должно быть, много, потому что кромѣ этого торреадора идутъ драться съ быками еще человѣкъ двадцать другихъ торреадоровъ съ пиками и всякимъ дрекольемъ. Тутъ всѣ страшно размахиваютъ руками, потому что всѣмъ хочется посмотреть бой. Когда всѣ уходятъ, прибѣгаетъ Карменъ. Ей тоже очень хочется итти смотреть, но Хозе ее не пускаетъ, потому что у него есть ревность къ торреадору. Но она изо всей силы прорывается въ циркъ, и тогда Хозе ее укокошиваетъ кинжаломъ.

— А страшная вещь — ревность, — сказала Сильва послѣ спектакля, когда мы шли домой. — Ты знаешь, а я вѣдь тебя ревновала.

Я такъ и вылупилъ глаза.

— А развѣ... — и осекся.

— Что “развѣ”? Я понимаю, что ты хочешь сказать. Не имѣй въ виду, — я это по себѣ знаю, — что для ревности вовсе не необходимо другое... болѣе сильное чувство. Можно испытывать ревность къ совершенно невиннымъ людямъ. Я тебя, напримѣръ, ревновала къ Никпетожу и даже къ вещамъ Я тебя, знаешь, къ чему больше всего ревную? Къ твоему дневнику. И ты, если хочешь, чтобы я не мучилась, долженъ мнѣ дать его прочесть.

Послѣ этого мы долго шли молча. Мнѣ, конечно, не очень хотѣлось, чтобы Сильва мучилась изъ-за моего дневника, но съ другой стороны, не могу же я ей дать читать дневникъ. Это все равно, что начать съ ней разговаривать про самыя тайныя вещи, о которыхъ наединѣ съ собой и то боишься думать.

Вдругъ Сильва гоовритъ:

— Значить, ты меня совершенно не... уважаешь. Если бы уважалъ, не сталъ бы такъ долго думать: дать или не дать мнѣ дневникъ.

— Слушай, Сильва, — отвѣтилъ я, — Дневникъ, вѣдь это — самое тайное, что есть у человѣка. Ты просто хочешь, чтобы я всю душу передъ тобой наизнанку вывернулъ, а въ моей душе есть много такого, чего тебѣ знать нельзя.

Тогда вдругъ Сильва остановилась на всемъ ходу и говорить:

— Ну, прощай.

— Да вѣдь тебѣ дальше.

— Разъ между нами нѣтъ ничего общаго, то зачѣмъ же мы будемъ ходить вмѣстѣ, — говоритъ Сильва. — Ты иди своей дорогой, а я пойду своей дорогой.

— Постой, Сильва, какъ это такое: “между нами нѣтъ общаго”? Это буза. Между нами даже очень много общаго. Но вѣдь не хочешь же ты, чтобы я вдругъ передъ тобой раздѣлся до самаго гола.

— Ну, если ты ужъ всякіе гадости началъ говорить, тогда я и сама не захочу имѣть съ тобой ничего общаго.

Я даже чуть-чуть обидѣлся.

— Я никакихъ гадостей не говорю. Я даже не знаю, почему ты приняла это за гадость. А что я тебя не уважаю, то — вотъ, послушай.

И тутъ я прочелъ ей свое стихотвореніе:

Мнѣ помнится весь разговоръ твой умный,
И нашъ контактъ нѣмой средь этой школы шумной...
Пускай съ другими ты ведешь бесѣды, —
Съ тобою полонъ я, а безъ тебя я пустъ.

— Ну, и что же? — говоритъ Сильва. — Это очень плохіе стихи. Гораздо было бы интереснѣй твой дневникъ. Неужели ты меня считаешь настолько дѣвчонкой, что даже думаешь, будто я не могу отнестись серьезно? Да, впрочемъ, погоди. А если я дамъ тебѣ свой дневникъ, тогда ты дашь мнѣ почитать свой?

— А развѣ у тебя есть дневникъ?

— Тебѣ, — подчеркнула Сильва, — тебѣ я могу сказать: есть.

— И ты дашь мнѣ почитать?

— Конечно, дамъ. Потому что считаю тебя своимъ другомъ. Только подь условіемъ, что и ты дашь мнѣ свой.

— Можно подумать до завтра? — спросилъ я.

— Ну ужъ нѣтъ! Такіе вещи не откладываются до завтра. Я думала, ты — мужчина, а оказывается, ты — мальчикъ.

Хотя мнѣ было очень мучительно, но, съ другой стороны, очень хотѣлось почитать Сильвинъ дневникъ. Я сказала:

— Только ты должна дать мнѣ слово, что никому и никогда Понимаешь? И кромѣ того, даже со мной самимъ про это не разговаривай. Какъ будто ты его и не читала.

— Даю слово, — торжественно сказала Сильва. — И въ доказательство того, что я не изъ любопытства, я тебѣ первая принесу завтра свой дневникъ.

13 августа.

Такъ какъ многіе изъ нашихъ ребятъ были на "Кармень", то захотѣли ставить оперу у себя въ школѣ. Я предлагалъ "Кармень" и поставить. При чемъ брался самъ спѣть роль торреадора (я уже пробовалъ), а дон Хозе могъ бы спѣть Колька Палтусовъ, у котораго очень сильный дискантъ и вполне можетъ сойти за теноръ.

Но Людовика Карловна сказала, что "Кармень", да и вообще взрослая опера, не годится и что мы не справимся. Она тутъ же вытащила изъ своей папки дѣтскую оперу, подъ названіемъ "Грибной переполохъ", и предложила намъ поставить ее. Она тутъ же намъ ее и сыграла. Видалъ я разную бузу на сценѣ, но никогда не думалъ, что можетъ быть написана для сцены, да еще съ музыкой, такая полная ерунда. Напримѣръ, начинается съ того, что царица Рѣпа поетъ:

Ох-ох-охъ,
Царь-Горохъ,
Что жвалиться,
Мнѣ грозиться,
Не бѣда,
Да-да-да.

Что это значитъ — не понимаю, и думаю, что никто не пойметъ. Я слушалъ-слушалъ, да и затынулъ свое:

Я дото,
Я — довамъ,
Трам-трамъ,
По мѣстамъ.

Людовика Карловна спрашиваетъ меня, что это значитъ, а я въ отвѣтъ ей говорю, что раньше пускай она объяснитъ этотъ самый "Грибной переполохъ". Тѣмъ болѣе, что на оперу, навѣрное, придутъ наши подшефы — крестьяне, и

могутъ побить за такую оперу, да и подѣломъ. Тогда Людовика Карловна сказала, что, во-первыхъ, по ея мнѣнію, "Грибной переполохъ" — опера очень смѣшная, и чтобы я не мѣшался, если не хочу участвовать. Я ушелъ, и съ ней остались одни маленькіе, изъ первыхъ группъ. Сильва говоритъ, что дневникъ забыла дома и принесетъ завтра.

14 августа.

Я только что прочелъ Сильвинъ дневникъ и думаю, что Сильва отъ меня что-то скрываетъ. Дневникъ, конечно, очень интересный, но неполный. И нельзя разобрать, гдѣ его неполность, потому что Сильва пишетъ не по числамъ, какъ я, а просто подрядъ.

Я тогда тоже дамъ ей не весь дневникъ, а только тетрадку за первый триместр.

Въ этомъ мѣстѣ въ тетрадь Рябцева вложена небольшая тетрадка, сшитая изъ линованной бумаги, съ надписью:

УЧЕНИЦЫ ЧЕТВЕРТОЙ ГРУППЫ ВТОРОЙ СТУПЕНИ
СИЛЬФИДЫ (ЕВДОКИИ) ДУБИНИНОЙ.

Тетрадка начинается стихами Есенина "Не жалѣю, не зову, не плачу". Дальше — стихи Тютчева, Бальмонта, Бунина и "Сумасшедшій" Апухтина. Послѣ стиховъ текстъ:

— Я хочу и должна все-все испытать сама.

Жизнь: въ литературѣ — одно, а на самомъ дѣлѣ — совсѣмъ-совсѣмъ другое. И легче, когда живешь въ воображеніи, а не на самомъ дѣлѣ. Но съ этимъ нужно бороться.

— Что наша жизнь? — Романъ.

— Кто авторъ? — Анонимъ.

Читаемъ по складамъ,

Смѣемся, плачемъ, спимъ.

Развѣ можно повѣрить, что это написалъ Карамзинъ еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ?.. А между тѣмъ, это — Карамзинъ. Онъ раньше писалъ эпиграммы, а потомъ написалъ исторію.

З. П. говоритъ, что у меня есть литературный слогъ. Я ее спросила, зачѣмъ онъ нуженъ въ жизни, а она говоритъ, что слогъ обозначаетъ культурнаго человѣка. У культурнаго человѣка горизонтъ шире.

Мои взаимоотношенія со Стасей. В., какъ и раньше съ Линой Г., состоятъ въ томъ, что я являюсь отдушиной для ея изліяній. Мнѣ это ни пріятно, ни непріятно. А такъ какъ-то — все равно. Горести Стаси кажутся мнѣ не очень горькими, и ея слезы — не очень жгучими. У Лины были гораздо болѣе вѣскіе причины убиваться, чѣмъ у Стаси. И все-таки, все-таки... въ самые критическіе моменты, когда я оглядывалась на себя, то убѣждалась, что своя рубашка ближе къ тѣлу, и что жизнь гораздо страшнѣй, чѣмъ вотъ эти временныя бѣды. Я поняла, что жизнь — страшная вещь, еще давно, лѣтъ пять тому назадъ, должно быть съ самого начала сознательной жизни. И я такъ думаю, что это же поняли всѣ юности и дѣвушки, которые одинаковаго возраста со мной, или, если не поняли, то почувствовали, но это — все равно. Но кромѣ того все наше поколѣніе научилось еще другому. Оно научилось тому, что какъ жизнь ни страшна, нужно и можно съ ней бороться и ее преодолевать. Тогда она становится вовсе не такой страшной и какъ-то даже оборачивается свѣтлыми сторонами. Положимъ, всѣ эти мысли — не мои, но хорошо уже то, что они дошли до моего сознанія и во мнѣ укрѣпились.

Это придаетъ силы къ жизни и возможность съ ней бороться. Ужъ я-то во всякомъ случаѣ никогда не дойду до такого выверта, который устроили Лина и Зоя. То, что устроили они, — и вообще-то глупо, а благодаря тому, что

не удалось, получилось еще глупѣй. А на свѣтѣ хуже всего — это оказаться въ глупомъ положеніи передъ всѣми.

Когда я остаюсь одна, то мою душу переполняетъ какое-то странное чувство: полное отдѣленіе отъ земли, и словно я витаю гдѣ-то въ безвоздушномъ пространствѣ. Это особенно бываетъ въ лунныя ночи.

Кому я нужна? Иногда кажется, что совсѣмъ никому не нужна. И вотъ тогда начинаешь лихорадочно-лихорадочно искать такого человѣка, которому нужна. Поэтому я одушина.

А грамотная я потому, что у меня отецъ наборщикъ. Съ дѣтства въ комнатѣ — книги, читать научилась съ пяти лѣтъ. Бытіе опредѣляетъ сознаніе.

Прочла все, что написала, и задумалась. У меня все зависить отъ настроенія. Я могу и плакать — только этого никто никогда не узнаетъ. Или я, напримѣръ, хохочу безо всякаго удержу. Я изо всей силы стараюсь себя въ этихъ случаяхъ сдерживать, потому что если подаваться, то совершенно перестанешь управлять собой.

Вчера у меня была Стася Велѣпольская и опять рассказывала про свой романъ. По-моему, она совершенно напрасно его мучить. Все равно, она ни въ какой вузъ не поступитъ, потому, что она — полуграмотная, и не къ чему ей вовсе кончать пятую группу. А выходила бы замужъ — и дѣло съ концомъ.

Сейчасъ только кончился скандалъ между отцомъ и матерью. Отецъ пришелъ выпивши и началъ ругаться съ матерью. Потомъ они сцѣпились. Мать кричитъ мнѣ: "Дунька, на помощь!" А отецъ кричитъ "Сильфида, уходи, — дѣтямъ не мѣсто, когда ликуютъ взрослые!" Было очень противно, и если бы отецъ не ушелъ, я не знаю, что сдѣлала бы.

Кончила "Войну и миръ". Очень захотѣлось быть Наташей Ростовой, но чувствую, что не могу быть таковой. У Наташи — настоящая, полная жизнь, но она не больше, какъ самка. По "Войнѣ и миру" выходитъ, что быть самкой есть задача женщины. Мнѣ кажется, что у Наташи были и идеологическіе запросы, но Толстой ихъ скрылъ, какъ помѣщикъ и графъ. (Представитель феодализма).

По-моему, Костя Р. немножко похожъ на Николая Ростова, только не такой глупый. А Зоя Травникова похожа на княжну Марію Болконскую, только красивѣй. Хотя, съ другой стороны, красота Зои мнѣ не нравится. У нея очень странная красота. И потомъ она небрежно причесывается. О красотѣ вообще могутъ быть разныя мнѣнія. Я, напримеръ, не понимаю, что извѣстный человѣкъ нашелъ въ Стасѣ В. Носъ у нея курносый, одного зуба съ правой стороны нѣтъ, и потомъ она когда ходитъ, то махаетъ руками, какъ солдатъ. А извѣстный человѣкъ такъ и пылаетъ.

Я очень хорошо понимаю, что то, что я теперь пишу, есть мѣщанство, но отдѣлаться отъ этого не могу.

Это нужно постоянно казнить себя за то, — тогда отдѣляешься. Если бы я работала на фабрикѣ, а не училась въ школѣ второй ступени, мнѣ, можетъ быть, было бы легче, но и это — не навѣрное, потому что я знаю много фактовъ изъ жизни фабрики, къ которой прикрѣплена наша комсомольская фракція. Одинъ изъ этихъ фактовъ — такой. Одна изъ двѣшекъ, шестнадцати лѣтъ, вышла замужъ за парня, который тамъ же, на фабрикѣ, работаетъ. И всѣ начали надъ ней звонить. Это тоже, по-моему, мѣщанство. Разъ власть разрѣшаетъ выходить шестнадцати лѣтъ, — выходи сколько хочешь.

Хотя я нипочемъ не вышла бы теперь замужъ. (А имѣю право, потому что мнѣ еще въ іюнѣ было шестнадцать). Я насмотрѣлась на разные замужества, и вижу, что въ большинствѣ случаевъ они проходятъ тяжело, и передъ моими

глазами — примѣръ отца съ матерью. Отецъ вѣдь раньше не выпивалъ, а теперь, послѣ того, какъ разошелся съ ней въ убѣжденіяхъ, сталъ пить. Но, съ другой стороны, я должна испытать все-все. Пока я все не испытаю, до тѣхъ поръ я не успокоюсь.

Но опять-таки, съ другой стороны, я хорошо понимаю, что надо сдерживаться и управлять собой. И вотъ во мнѣ борются двѣ силы, и которая изъ нихъ одолѣетъ, я не знаю. Я даже про себя называю ту силу, которая меня толкаетъ къ разнымъ опытамъ, Дунькой, а ту, которая воздерживаетъ, — Сильфидой. Сильфида ошлѣньѣй, а Дунька — дрянъ паршивая, невыдержанная идеологически дѣвчонка.

Вотъ, теперь объ идеологіи. Идеологія помогаетъ жить, это вѣрно. Только не всегда знаешь, гдѣ правильная ориентировка. Вотъ, танцы, на примѣръ. Я до сихъ поръ думала, что нельзя танцовать, а вдругъ пришла на фабрику, въ клубъ и вижу, — тамъ танцуютъ. А я пришлѣ по дѣлу къ секретарю ячейки Иванову, и кстати спрашиваю:

— Развѣ можно танцовать?

А онъ отвѣчаетъ:

— Никто никогда и не запрещалъ.

— Ну, а почему же раньше говорилось, что танцы — мѣшанство и, какъ выразился одинъ нашъ второступенецъ, содержать только половое треніе другъ объ друга?

— А это больно учены всѣ стали, — сказалъ Ивановъ.— Мы въ монахи никого не записываемъ. Хочешь веселиться—веселись, только другимъ вреда не приноси.

Вотъ тутъ и пойми. Очень трудно бываетъ разобраться въ идеологіи. А вѣдь отъ этого зависитъ всѣ направленія жизни.

Въ литературѣ легче разобраться, чѣмъ въ ежедневныхъ поступкахъ. Каждое литературное произведеніе можно перечесть нѣсколько разъ и потомъ обдумать, а въ какомъ-нибудь житейскомъ дѣлѣ нужно всецѣла немедленно рѣшать.

Чаще всего затруднительныя положенія бываютъ въ шко-

лѣ, и тутъ нужно всегда самой ориентироваться, потому что совѣтоваться не съ кѣмъ и некогда. Особенно, когда бываютъ какіе-нибудь столкновѣнія со школьными работниками или бунты. А бунты въ нашей школѣ бываютъ часто, и когда, былъ инспекторъ, то онъ сказалъ, что у насъ не школа, а собраніе головорѣзовъ. Это, конечно, неправда. Конечно, беспорядки бываютъ часто, но вѣдь мы живемъ въ революціонную эпоху, и поэтому такъ и должно быть.

Зинъ-Пална ведетъ семинарій по Пушкину, и съ ней очень интересно заниматься. Теперь она дала намъ разборъ "Евгенія Онѣгина". Въ такихъ вещахъ прежде всего обращаешь вниманіе на идеологію. Онѣгинъ, конечно, пропитанъ феодально-натурально-буржуазно-помѣщичьей идеологіей. (Это очень длинно, но иначе трудно выразиться, потому что тутъ — натуральное хозяйство). Въ этомъ нѣтъ ничего позорнаго для Пушкина, потому что во времена Пушкина еще не было диктатуры, пролетаріата и совѣтскаго строя. Тогда былъ царизмъ, и его представитель, Николай I, угнеталъ Пушкина, такъ, напримѣръ, сослалъ его въ Кишиневъ, а потомъ на родину. Только вотъ что мнѣ непонятно: Пушкинъ былъ арабъ, и удивительно, какъ онъ при своей горячей южной крови могъ написать такое холодное и безстрастное произведеніе, какъ "Евгеній Онѣгинъ". Зинъ-Пална говоритъ, что въ эпоху Пушкина молодые дѣвушки увлекались образомъ Татьяны. Мнѣ это совершенно непонятно, какъ это въ развратную феодально-буржуазную эпоху Татьяна могла быть идеаломъ. Я предполагаю, что женщинъ тогда такихъ не было, и Пушкинъ выдумалъ Татьяну изъ головы, потому что онъ былъ романтикъ. Да и насчетъ Онѣгина я сомнѣваюсь. Но мнѣ труднѣй судить, потому что я не желала бы быть Татьяной, да и не буду таковой, потому что нужно отдаваться чувству, если оно искреннее, а не подавлять его въ себѣ. Да и вообще Татьяна — не мой идеалъ. Въ ней совершенно не было революціонной борьбы. А безъ революціонной борьбы жизнь невозможна. Но, съ другой

стороны, Татьяна мнѣ отчасти нравится, потому что она могла управлять своими поступками по желанію, а это много значить, и мнѣ удастся только съ виѣшней стороны, а внутри у меня все время борьба. Конечно, Татьянѣ было легче, потому что она не была одновременно какой-нибудь Октябриной или Сильфидой, и она дѣлала только то, что ей подсказывала натурально-помѣщичья мораль (Это такъ говорить Николай Петровичъ).

Большинство нашихъ дѣвочекъ хотятъ быть въ жизни кино-артистками или балеринами. Объ ученіи думаютъ мало: лишь бы сдать зачетъ, а въ головѣ можетъ ничего не оставаться. Вполнѣ понятно, что большинство дѣвочекъ такія же полуграмотныя, какъ Стася В. Одна дѣвочка мнѣ сказала (она изъ пятой группы): "Кончу школу, буду кинозвѣздой, уѣду въ Америку. Вотъ моя жизненная программа". А меньшая часть дѣвочекъ хочетъ по окончаніи школы поступить на фабрику, чтобы врости въ классъ.

Зоя Травникова меня преслѣдуетъ. Гдѣ я въ школѣ, тамъ и она. Что ей отъ меня надо?

— — —

16 августа.

Я былъ на собраніи ячейки на фабрикѣ, и тамъ сказали, что у насъ въ школѣ слабо организована общественная работа. И что въ этомъ виноваты сами второступенцы, а вовсе не шкрабы, какъ у насъ принято думать. Сережка Блиновъ возразилъ, что мы ничего сдѣлать не можемъ, потому что въ школѣ все идетъ подъ команду шкрабовъ, и даже такая отрасль, какъ самоуправленіе, является "инвалидомъ на шкрабихъ костыляхъ". Блинову отвѣтили, что въ этомъ опять-таки мы сами виноваты, потому что недостаточно активны, а потомъ существуетъ еще цѣлый рядъ общественныхъ работъ. Сережка сказалъ, что у насъ есть стенгазеты и круж-

ки. Тогда ему поставили на видъ, что піонерская работа не-организована и что наши піонеры (всѣ изъ младшихъ группъ) только тѣмъ и занимаются, что маршируютъ въ залѣ подъ музыку и еще — играютъ. Да и кромѣ піонерской работы существуетъ общественная дѣятельность. Сережка хотѣлъ было возражать, но ему сказали что на словахъ оправдаться въ бездѣятельности очень легко и что гораздо труднѣе оправдаться на дѣлѣ. Однимъ словомъ, насъ покрыли, и надо подтягиваться.

17 августа.

Я сказалъ Сильвѣ, что она мнѣ дала неполный дневникъ, а она промолчала. Значитъ, правда. Я ей еще сказалъ, что я подержу дневникъ у себя, потому что не какъ слѣдуетъ вчитался въ него. Потомъ далъ ей три тетрадки, которыя я велъ за первый триместръ. Передъ этимъ прочиталъ ихъ всѣ и увидѣлъ, что тамъ ничего такого нѣтъ, чего нельзя было бы ей читать. Интересно, что она скажетъ, когда прочтетъ.

18 августа.

Дѣло о жманѣ Пышки принимаетъ непріятный оборотъ. Оказывается, этому было посвящено нѣсколько шкрабиловъ (мнѣ по секрету сказалъ Никпетожъ), и Зимъ-Пална потребовала, чтобы былъ устроенъ общественно-показательный судъ надъ всѣми, кто этимъ занимался. (Значитъ, большинство ребятъ). Но Елникитка заявила, что если бы не Рябцевъ, остальные ребята этимъ не стали бы заниматься, и что если судить, то одного меня. Пышка ходитъ вся красная и надутая, потому что ее нѣсколько разъ вызывали къ шкрабамъ, а Сильва говоритъ, что Пышка очень гордится тѣмъ, что изъ-за нее — такой шумъ. Я спросилъ Никпетожа, что будетъ, а онъ отвѣтилъ, что не ожидаетъ ничего, кромѣ общественного порицанія. И кромѣ того,

онъ сказалъ, что самъ будетъ меня защищать. И еще посоветовалъ, чтобы я выбралъ себѣ защитника изъ своихъ товарищей.

Я подумалъ и сказалъ Сильвѣ, что не знаю, кого выбрать. А Сильва спросила, буду ли я имѣть что-нибудь противъ, если защитникомъ будетъ она.

— А какъ же ты будешь меня защищать? — спросилъ я.

— Да вотъ, тамъ увидишь, это ужъ не твое дѣло, — отвѣтила Сильва. — Ты только согласишься.

Я согласился.

19 августа.

Меня подковали, такъ что я теперь хромаю. Въ школу все-таки хожу. А подковалъ меня Юшка Громовъ, и притомъ совершенно незаконно, потому что играетъ въ той же второй командѣ, и не имѣлъ никакого права налетать на меня. Какъ только нога пройдетъ, я ему покажу, какъ налетать. Тѣмъ болѣе, у меня буцы.

20 августа.

Сегодня въ школѣ произошелъ страшный скандалъ. И надо записать все по порядку, чтобы самому легче было разобратъся.

Это было въ аудиторіи, на семинаріи по Пушкину. Зинъ-Пална еще раньше намъ задала написать отзывъ про "Евгенія Онѣгина". Мы всѣ написали и сдали еще дня три тому назадъ. (А въ семинаріи участвуютъ обѣ старшія группы: четвертая и пятая).

Какъ вдругъ сегодня, когда всѣ собрались, влетаетъ Зинъ-Пална, разсѣлась съ таинственнымъ видомъ за столомъ, разложила на столѣ наши тетрадки и листы и молча на насъ смотреть. А мы — на нее. Такъ прошло минуты три, и я началъ покашливать. Володька Шмерцъ фыркнулъ. Тутъ вдругъ Зинъ-Пална говорить:

— Если бы Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ былъ живъ, то онъ, навѣрное, умеръ бы во второй разъ, если бы ему пришлось прочесть хотя бы десятую часть той невѣроятной чуши, которую вы здѣсь намарали. Я не нахожу словъ. Выражаясь вашимъ любимымъ языкомъ, это чортъ знаетъ что такое! Впрочемъ, нѣтъ. Я ошибаюсь: это значительно дальше чорта.

Мы сначала было присмирѣли, но потомъ, услышавъ “дальше чорта”, захохотали. А Зинъ-Пална продолжала:

— Правда, отличились не всѣ. Есть сравнительно удачныя сочиненія, но они, какъ всякое исключеніе, только подчеркиваютъ общее правило. Вотъ, напримѣръ, образчикъ чуши.

Она раскрыла какую-то тетрадку и стала читать вслухъ:

“Пушкинъ былъ марксистъ и романистъ. По этому случаю онъ написалъ цѣльный романъ подъ заглавіемъ “Евгеній Онѣгинъ”. Тамъ онъ старался отбѣнить борьбу классовъ, которая была въ то время. Но все-таки Пушкинъ былъ буржуй, и поэтому ничего не написалъ про пролетаріатъ, а только про буржуазію.... Потомъ онъ женился и написалъ сказку для первой ступени подъ названіемъ: “Сказка про царя Салтана и его работника Балду”. Потомъ его убили на дуэли и похоронили, но “Евгенія Онѣгина” можно читать и сейчасъ...”.

Мы уже давно ржали, какъ помѣшанные, а Зинъ-Пална на насъ смотрѣла безо всякаго смѣха и потомъ говоритъ:

— Надъ кѣмъ смѣетесь? Надъ собой смѣетесь! Къ вашему свѣдѣнію — изъ сочиненій Гоголя, котораго вы навѣрное читали такъ же внимательно, какъ и Пушкина.

— Неужели у всѣхъ такъ, Зинанда Павловна? — спросила съ мѣста Сильва.

— Я уже сказала, что есть исключенія, — отвѣтила Зинъ-Пална. — Но это не мѣняетъ общей картины. Вотъ еще голое изложеніе “Онѣгина”, которое заслуживаетъ быть прочитаннымъ съ начала до конца.

Тутъ она взяла какой-то листъ и прочла:

“Евгеній былъ сынъ одного разорительнаго барина: онъ пахалъ въ свой уголокъ и увидалъ, что дядя лежитъ на

столѣ. Онъ сталъ увлекаца деревней, но скоро потерялъ свое увлеченіе и очаровался. Татьяна была помѣщицей. Она читала романы, была служанокъ и носила корсетъ. Она очаровалась Онѣгинымъ и велѣла своей нянѣ написать ему письмо. Няня послала своего внука съ письмомъ къ сосѣду. Татьяна очень очаровалась Онѣгинымъ, онъ былъ уже всегда подъ изголовьемъ, они ходили по беднымъ и страдали то-ску. Но за Татьяну вступился поэтъ Ленскій. Ленскій былъ во всемъ наперекоръ Евгенію, они каждый день дрались. Одинъ разъ Онѣгинъ пулънулъ въ него изъ ривольверовъ и убилъ напроломъ. Послѣ этого Татьяна вышла замужъ за своего друга генерала и жила очень даже богато, каждый день сбавлялась на пирахъ и на дворѣ была на примѣтѣ. Ей мужъ былъ калѣка. Евгеній увидалъ, опять Татьяну и очень очаровался, но надѣвалъ на нее пальто, раздѣвалъ ее. Евгеній пришелъ къ ней, выразился въ чувствахъ, но она выразилась, что замужняя за генераломъ и будетъ ему вѣрна. На этомъ Евгеній свое изложеніе кончалъ”.

— Это Стаська Велѣпольская писала, — крикнулъ вдругъ съ мѣста Юшка Громовъ. — Я самъ видѣлъ, какъ она на этомъ листѣ писала...

Какъ только онъ это крикнулъ, хохотъ прекратился. Стаська Велѣпольская вскочила, топнула ногой, вся покраснѣла, хотѣла что-то сказать, но у ней изъ глазъ поползли слезы — и она вылетѣла изъ аудиторіи. Но на этомъ дѣло не кончилось.

— Ну, вотъ видите, Громовъ, до чего доводитъ вашъ неводержанный языкъ, — сказала Зинь-Пална, помолчавъ.

— Кто васъ просилъ кричать на всю аудиторію? Грамотность Велѣпольской вы этимъ не повысите и лучше учить-ся ее не заставляйте. Добьетесь развѣ только того, что Велѣпольская въ школу ходить не будетъ.

Но тутъ меня удивила Сильва. Она вдругъ вскочила и говорить:

— Нѣтъ, такія вещи обязательно нужно, обсуждать публично, Зинаида Павловна. Если проходить мимо такихъ фактовъ равнодушно, то не нужна сама школа второй ступени...

Тутъ на Сильву со всѣхъ сторонъ зашикали дѣвчата, ис Сильва продолжала:

— То, что это не нравится дѣвочкамъ, меня все равно не остановитъ: И вполне понятно, почему не нравится. Если людямъ интереснѣй театральныя студіи, пусть они туда и идутъ. Есть много желающихъ учиться, оставшихся за бортомъ школы. Надо дать имъ мѣсто.

Тутъ большинство дѣвчатъ вскочило и начало что-то кричать, но нельзя было разобрать за шумомъ, что именно. Нѣкоторые со сверкающими глазами налѣзали на Сильву, такъ что я показаль даже одной за спиной кулакъ. Но дѣвчата не унимались. Тогда вдругъ Зинъ-Пална какъ трахнеть кулакомъ по столу и топнула объ полъ ногой:

— Перестать кричать! Помните, что здѣсь школа.

И даже вся покраснѣла отъ волненія. А я замѣтилъ, что ей нравятся такіе скандалы, хотя она и дѣлаетъ видъ, что злится.

Когда всѣ болѣе или менѣе замолчали, то Зинъ-Пална предложила избрать предсѣдателя и открыть диспутъ съ томъ, правъ ли былъ Юшка Громовъ, что назвалъ Стаську Велѣпольскую, или нѣтъ.

— Но такъ какъ рѣчь идетъ о личностяхъ, — сказала Зинъ-Пална, — то я предложила бы поставить вопросъ нѣсколько шире, а именно: допустима ли въ пятой группѣ второй ступени такая неграмотность, которая обнаружена мною въ сочиненіяхъ на тему о "Евгеніи Онѣгинѣ".

Сережка Блиновъ, который до сихъ поръ молчалъ, говоритъ съ мѣста:

— Мы пришли сюда учиться, а не диспуты разводить.

— Ну, признаюсь, Блиновъ, — отвѣчаетъ Зинъ-Пална, — вы меня удивляете. Вы такой сторонникъ всесторонняго обсуждения каждаго вопроса, и высказываетесь противъ диспута. Впрочемъ, если большинство того же мнѣнія, я отказыва-

юсъ отъ своего предложенія и готова рассказать вамъ о Пушкинѣ и его произведеніяхъ еще разъ. Если вы соблагovolите вспомнить, въ прошломъ году Пушкину были посвящены два мѣсяца. Вопросъ о Велѣпольской придется поставить на обсужденіе школьнаго совѣта и общаго собранія школы.

— Ну, нѣтъ, — говоритъ Сильва. — То, что говоритъ Блиновъ, еще не обязательно для всѣхъ насъ. Я, напримѣръ, считаю, что вопросъ о Велѣпольской долженъ быть обсужденъ немедленно и даже должна быть вынесна резолюція съ указаніемъ мѣръ, которыя должна принять школа.

Стали голосовать, и оказалось, что половина — за диспутъ, а другая половина — противъ. Тогда Сережка Блиновъ всталъ и говоритъ:

— Я ухажу. Здѣсь была примѣнена мѣра, которую обыкновенно примѣняютъ наши школьные работники. Передъ самымъ голосованіемъ Зинаида Павловна пригрозила школьнымъ совѣтомъ и общимъ собраніемъ. Естественно, что ея предложеніе собрало извѣстное количество голосовъ, и диспутъ, несмотря на внутреннее сопротивленіе собранія, все же состоится. Такого рода угрозы можно назвать насиліемъ и моральнымъ давленіемъ, на диспутъ же, который созданъ насильно, я участвовать не желаю.

— Вамъ нельзя отказать въ логикѣ, Блиновъ, — отвѣчаетъ Зинъ-Пална, — но согласитесь сами, что такого рода явленія, какъ сочиненіе Велѣпольской и выходка Громова, не могутъ проходить безслѣдно какъ мимо учащихся, такъ и мимо школьных работниковъ. Что же прикажете дѣлать? Я предлагаю мѣру, которая можетъ дать оріентировку въ дальнѣйшемъ, — мѣру. казалось бы, разумную и для части собравшихся пріемлемую, — вы говорите, что пришли учиться, а не разводить диспуты. Обращеніе къ школьному совѣту и общему собранію вы называете насиліемъ. Можно подумать, что вы, Блиновъ, вообще хотите затушевывать вопросъ и не желаете по какимъ-то причинамъ его разрѣшенія:

— Да, пусть онъ уходитъ отсюда вонъ, — крикнулъ я съ мѣста. — Слушать такіе споры, это — самое скучное и ничего не можетъ намъ дать. Давайте или диспутъ или уроки, а эту бузу нужно кончить.

— Конечно, правильно! — закричали ребята. — Даешь одно или другое!

Изъ дѣвчатъ кое-кто ушелъ за Блиновымъ, но большинство осталось, и рѣшила открыть диспутъ. Въ предсѣдательство выбрали меня.

Зинаида Павловна пошла и сѣла за парту, а я — на ея мѣсто. Первымъ взялъ слово Юшка Громовъ.

— Я не вижу никакого проступка въ моемъ поведеніи, — сказалъ онъ. — Что жъ изъ того, что я сказалъ про Стаську? А она не пиши такихъ сочиненій!

— А ты не ори, когда тебя не спрашиваютъ. Не по существу. Садитесь, Громовъ, васъ вызовутъ, — сказалъ я.

Тутъ Юшка началъ было разоряться, что я не такъ предсѣдательствую и что я не имѣю права дѣлать замѣчаній, но на него закричали, и онъ сѣлъ. Потомъ взяла слово Сильва.

— Я, — говоритъ, — чувствую, что своимъ выступленіемъ возбудила противъ себя часть дѣвочекъ, но безъ этого нельзя было обойтись. Я имъ желаю добра, а вовсе не зла. Пятая группа черезъ нѣсколько мѣсяцевъ должна поступить въ вузы, вообще войти въ настоящую жизнь. И что же они туда принесутъ съ собой, въ вузы? Вѣдь то, что намъ сегодня читала Зинаида Павловна, даже нельзя назвать некультурностью, это просто дикое невѣжество. Самое плохое то, что та же Велѣпольская не нашла нужнымъ посоветоваться съ кѣмъ-нибудь изъ школьных работниковъ или съ кѣмъ-нибудь изъ ребятъ, кто знаетъ предметъ получше ея. Она просто “на-шарапъ”, — какъ говорятъ наши малыши, — взяла и написала: авось проскочить! Мое конкретное предложеніе — это пусть наша пятая группа обратитъ на себя вниманіе еще до того, какъ выскочитъ въ абитуриенты и ликвидируетъ свою неграмотность.

Затѣмъ выступилъ Володька Шмерцъ. Какъ только онъ всталъ, я сейчасъ же почувствовалъ, что онъ что-нибудь нахулиганить.

— Зинаида Павловна говоритъ, — сказалъ Володька, — что Пушкинъ умеръ бы во второй разъ, если бы прочелъ наши сочиненія. А я такъ думаю что и пускай бы умеръ, потому что онъ былъ буржуазнаго происхожденія, а мы, какъ поется въ пѣснѣ, — “молодая гвардія рабочих и крестьянъ”...

— Не по существу, товарищ Шмерцъ, — сказалъ я. — Потрудитесь держаться темы и не разводить бузы. Въ противномъ случаѣ я васъ лишу слова.

— Хорошо, я буду по существу, — говоритъ Володька. — Такъ вотъ по-моему, Громовъ имѣлъ право назвать автора сочиненія про “Онѣгина”, потому что если Велѣпольская въ пятой группѣ подолгу разговариваетъ со шкрабами и даже наединѣ, такъ это еще не значитъ, что она очень образованная...

— Лишаю оратора слова, — сказалъ я. — Еще того недоставало, чтобы ты, Володька, сталъ разныя сплетни здѣсь разводить.

Шмерцъ какъ-то скверно захохоталъ и сѣлъ на мѣсто. А я ему вслѣдъ говорю:

— А если вы, Шмерцъ, вообще будете хулиганить, то я попрошу васъ уйти съ собранія.

— Что-то ты какой вѣжливый, Рябцевъ? — отвѣчаетъ Володька Шмерцъ.

— Должно быть, въ школьный совѣтъ мѣтишь.

Я обозлился.

— За намеки на личность предсѣдателя прошу васъ, Шмерцъ, оставить собраніе.

— Я не подуруша какой-нибудь чтобы ни съ того ни съ сего уходить съ собранія.

— Чтой-то это еще за “подуруша”! Ступай вонъ!

— Ну, хорошо, я уйду. А подуруша — это изъ писемъ Пушкина. Совѣтую тебѣ, Рябцевъ, прочитать. Ликвидируй свою неграмотность.

И ушелъ. По-моему, онъ нарочно все это подстроилъ, для того, чтобы при всѣхъ доказать, что я не читалъ писемъ Пушкина.

Послѣ этого взяла слово одна изъ старшихъ дѣвочекъ и начала говорить противъ Сильвы. Кромѣ того, она сказала что виноваты въ неграмотности не учащіяся, а шкрабы (съ чѣмъ я отчасти согласенъ), и что не нужно было такихъ неграмотныхъ переводить изъ группы въ группу. Она говорила довольно мирно, и, навѣрное, диспутъ такъ бы и окончился безъ инцидентовъ, но тутъ произошло слѣдующее.

Въ аудиторію быстрыми шагами вошелъ Никпетожъ, оглядѣлся, увидѣлъ, что Зинъ-Пална сидитъ на партѣ, и подсѣлъ къ ней и началъ что-то очень горячо говорить шопотомъ. Зинъ-Пална отрицательно качала головой и ему тоже горячо отвѣчала. Въ концѣ концовъ всѣ замолчали и начали вопросительно смотрѣть на нихъ на обоихъ.

И вдругъ Никпетожъ повышаетъ голосъ и возбужденно говоритъ:

— А это развѣ педагогическій приѣмъ: шельмовать при всѣхъ взрослую дѣвушку и доводить ее до слезъ и до истерики?

Зинъ-Пална спокойнымъ голосомъ, но тоже вслухъ отвѣчаетъ:

— Здѣсь разговаривать объ этомъ не стоитъ, Николай Петровичъ; поговоримъ въ учительской.

— Нѣтъ, это совершенно неправильно, — говоритъ Никпетожъ и хотѣлъ было продолжать, но тутъ я собрался съ духомъ и сказалъ:

— Николай Петровичъ, хотя я васъ очень уважаю, но я вамъ слова не давалъ, и поэтому если хотите вести частные разговоры, то ступайте въ коридоръ. Здѣсь происходитъ диспутъ.

— Ахъ, здѣсь диспутъ, извиняюсь, я не зналъ, — отвѣчаетъ Никпетожъ и вышелъ изъ аудиторіи, а за нимъ Зинъ-Пална. Какъ только они вышли, всѣ сорвались съ мѣста, и какъ я ни стучалъ объ столъ кулакомъ, порядка мнѣ возстановить не

удалось. Дѣвчата сбились въ уголь и начали шушукаться, а ко мнѣ подходить Сильва и говорить:

— По-моему, мы всѣ быстрыми шагами идемъ къ мѣщанству. Какъ бы отъ этого избавиться?

— А въ чемъ ты видишь мѣщанство?

— Да вотъ: развѣ это — диспутъ? И кромѣ того, я сейчасъ себя поймала на скверной мысли. Когда вошелъ Никпетожъ я почти была увѣрена, что онъ войдетъ...

— И я то же.

— Ну, вотъ. Это и есть мѣщанство. Пойдемъ отсюда.

Въ шкрабей комнатѣ шелъ горячій споръ: тамъ всѣ шкрабы были въ сборѣ, и громче всѣхъ выдѣлялся голосъ Никпетожа. Отъ маленькихъ я узналъ, что со Стаськой Велѣпольской случилась истерика, и что она ушла домой.

Ребята какъ-то странно притихли. Я рѣшилъ, что самое лучшее — это итти на футбольную площадку. Такъ я и сдѣлалъ.

24 августа.

По школѣ все упорнѣй идетъ слухъ, что между шкрабами — полный разрывъ и что Никпетожъ собирается уходить изъ школы. И будто бы на сторонѣ Зинъ-Палны — всѣ остальные шкрабы, а Никпетожъ — въ одиночествѣ. Изъ ребятъ многіе на сторонѣ Никпетожа, а дѣвчата — почти всѣ.

Все какъ-то странно перемѣшалось: я, напримѣръ, не знаю, какъ мнѣ теперь быть и на чью сторону становиться Сильва жъ — цѣликомъ на сторонѣ Зинъ-Палны, потому что, по ея мнѣнію, Никпетожъ, какіе бы чувства къ Стаськѣ ни питалъ, долженъ былъ поддерживать справедливость и открыто признать что Стаська не имѣетъ права писать такія сочинения и что вообще Стаськѣ не мѣсто въ пятой группѣ.

Я съ этимъ согласенъ, но, съ другой стороны, во-первыхъ, я очень люблю Никпетожа, а во-вторыхъ, я изъ принципа всегда становлюсь на сторону меньшинства. А тутъ хотя изъ ребятъ-то большинство на сторонѣ Никпетожа но шкрабовъ —

большинство противъ, и они, конечно, его побѣдятъ, потому что шкрабы всегда побѣждаютъ, если они въ большинствѣ.

Для меня сводится вопросъ къ слѣдующему: Сильва или Никпетожъ. Сильва говоритъ, что если я стану на сторону Никпетожа, то это значить, что я — безпринципный человѣкъ.

Вопросъ этотъ рѣшить сразу нельзя, а надо обдумать. Поэтому я рѣшилъ до тѣхъ поръ воздержаться отъ соединенія съ какой-нибудь партіей, пока не найду настоящаго отвѣта на этотъ вопросъ.

26 августа.

Ввиду того, что скоро наступаетъ новый учебный годъ, я пошелъ вмѣстѣ съ Сильвой къ секретарю ячейки Иванову, чтобы узнать, когда мы станемъ настоящими комсомольцами, а не кандидатами. Ивановъ сказалъ намъ, что поставить объ этомъ вопросъ на ячейкѣ можно и что даже по всей вѣроятности насъ обоихъ утвердятъ, но этого мало. Тутъ онъ еще вставилъ, что, по его мнѣнію, мы оба при желаніи можемъ быть активистами, потому что данные есть. Мнѣ это было очень пріятно. Потомъ Ивановъ сталъ развѣивать сомнѣніе, что дѣло не въ вывѣскѣ и не въ томъ, чтобы **называться** комсомольцами, а въ томъ, чтобы на самомъ дѣлѣ **быть** ими. А для этого нужно поднять работу въ школѣ на должную высоту. Я сказалъ что, по моему мнѣнію, поднимать работу должнъ бывший секретарь нашей ячейки Сережка Блиновъ.

— Ну, ужъ съ этимъ я не согласенъ, — говоритъ Ивановъ. — Во-первыхъ, вашъ Блиновъ — бузотеръ порядочный. А во-вторыхъ, если всѣ комсомольцы будутъ валить на секретаря, то любой секретарь, хоть онъ двужилный, лопнетъ отъ работы, тогда какъ другіе будутъ бездѣлничать. Не рационально все валить на секретаря. Тѣмъ болѣе, что государство даетъ вамъ возможность встать въ ряды культурныхъ людей, и вы должны оправдать это довѣріе теперь же и показать, что вы — дѣйствительно въ авангардѣ. А

для этого обязательно самимъ работать всѣми силами, а не ссылаться на секретарей.

— Вотъ что я хотѣла спросить, товарищъ Ивановъ, — говоритъ Сильва. — Вы сейчасъ упомянули культурныхъ людей и что государство даетъ намъ возможность стать въ ихъ ряды. Ну, такъ вопросъ вотъ въ чемъ. Наши наиболѣе развитыя дѣвочки по окончаніи школы хотятъ итти на фабрику. Можетъ быть, было-бы лучше, если бы они прямо, не кончая школы, шли на фабрику?

— А зачѣмъ имъ на фабрику? — спросилъ Ивановъ. — Что они будутъ дѣлать на фабрикѣ?

— Конечно, работать, — отвѣчаетъ Сильва. — А вообще зачѣмъ, чтобы вращаться въ классѣ.

— Ка-а-акъ? — съ удивленіемъ спрашиваетъ Ивановъ.

— Вращаться въ классѣ. — Стать пролетарками.

— Да вѣдь это очень трудно — послѣ ступени работать на фабрикѣ. И, кромѣ того, на фабрикѣ начинаютъ съ под-ростковъ.

— Трудности можно преодолѣть.

— Спору нѣтъ, можно. И, конечно, пожалуй полезитель-но было бы вашимъ барышнямъ поворотать горбомъ, — задумчиво сказалъ Ивановъ. — Да вѣдь такое дѣло: будетъ ли это рационально? То-есть въ томъ смыслѣ, будетъ ли это рациональное использованіе энергіи? Вѣдь, какъ-никакъ, на васъ всѣхъ громадныя деньги народныя ухлопаны. И ухлопаны для того, чтобы Вы могли приносить пользу своими спецзнаніями. А вы вдругъ бросите весь этотъ свой багажъ на полдорогѣ и начнете переучиваться на фабричныхъ работницъ. Значить, на васъ нужно тратить еще какую-то добавочную, лишнюю энергію, — это для вашего обученія на фабрикѣ. А лишней энергіи у государства нѣтъ. Кромѣ того, у насъ масса безработныхъ, часто квалифицированныхъ безработныхъ. И мы, вмѣсто того чтобы удовлетворить трудомъ этихъ безработныхъ, будемъ тратить время, деньги, вообще энергію на то, чтобы васъ обучить сызнова, бросивъ къ чертовой матери подъ хвостъ все, что истрачено на васъ

раньше. Нѣтъ, товарищи! Такъ не годится! Намъ нужны врачи, учителя, инженеры, да, кромѣ того, техники средней ступени или изъ семилѣтокъ? Поэтому съ фабрикой придется погудить.

— Значить, намъ всѣмъ закрыть доступъ на фабрику?— упавшимъ голосомъ спросила Сильва.

— Доступъ не закрыть, — отвѣтилъ Ивановъ. — При известной настойчивости можно, конечно, поступить. Не на нашу, такъ на другую. Но вы должны поставить передъ собой рѣзкій вопросъ: рационально ли? Вѣдь вы сознательные люди, а не какіе-нибудь тамъ анчутки безпятые. И разъ вы сознательные и представляете себѣ затруднительное положеніе Совѣтскаго государства, вы должны не увеличивать затрудненія, а всячески ихъ ликвидировать.

Тогда я спросилъ какъ Ивановъ представляетъ себѣ нашу работу въ школѣ, и что мы должны дѣлать, чтобы поднять работу на высоту.

— Работы вашей въ школѣ никакой нѣтъ, — отвѣтилъ Ивановъ, и мнѣ стало очень очень обидно. — По крайней мѣрѣ не видно результатовъ. А чтобы поставить работу, нужно перестать болтать и взяться за дѣло.

Тогда я спросилъ, что могли бы дѣлать, напримѣръ, мы съ Сильвой.

— А пионеры у васъ организованы? — сказалъ Ивановъ.

— То-есть какъ организованы! Они даютъ торжественные обѣщанія, потомъ маршируютъ, носятъ галстуки, участвуютъ въ демонстраціяхъ, потомъ...

— Вотъ то-то и есть, что носятъ галстуки. Теперь вездѣ въ школахъ организуются форпосты пионеровъ изъ тѣхъ ребятъ, которые не нагружены въ отрядахъ. Форпосты должны привлекать школу къ участию въ общественно-политической жизни страны, налаживать самоуправленіе, помогать учителямъ даже вплоть до учебной работы, и еще проводить политическое, физическое и антирелигіозное воспитаніе ребятъ. Да всѣхъ задачъ не пересчитаешь. Вотъ вы бы и взялись организовать такой форпостъ у себя.

Послѣ этого мы ушли.

27 августа.

Быль судъ надо мной по дѣлу Пышки.

Все было очень торжественно. Предсѣдателемъ суда былъ избранъ Сережка Блиновъ. Онъ хотя отпѣкивался, но въ концѣ концовъ, довольно вяло согласился. Обвинителей было двое: Алмакфишъ и Нинка Фрадкина. Защитниковъ — тоже двое: Никпетожъ и Сильва.

Для меня поставили отдѣльную скамейку, для Пышки — тоже. Потомъ избрали двѣнадцать засѣдателей: шесть ребятъ и шесть дѣвчатъ. Когда я увидѣлъ, что въ засѣдатели вошли Володька Шмерцъ и Юшка Громовъ и еще нѣкоторые ихъ пріятели, я рѣшилъ, что мнѣ не сдобровать.

Судъ открылъ Сережка Блиновъ. Онъ сказалъ:

— Слушается дѣло по обвиненію Кости Рябцева въ томъ, что онъ организовывалъ совершенно недопустимую въ школѣ возню съ потерпѣвшей Еленой Орловой. Костя Рябцевъ, ты сознаешься въ этомъ?

— Въ чемъ? — спросилъ я. — Что возился — признаю, но преступленія не вижу. Жмали всѣ.

— Кто всѣ?

— Всѣ ребята.

— А ты былъ предводителемъ и инициаторомъ.

— Ничего подобного.

— Кто же, по-твоему, былъ инициаторомъ?

— Никто. Просто жмали и жмали. Это — такая игра.

— Но вѣдь въ игрѣ бываютъ предводители: наприкладъ, капитанъ въ футбольной командѣ.

— Футболъ — игра организованная, а это — неорганизованная.

— Ну, хорошо. Пока довольно. Лена Орлова, ты признаешь себя потерпѣвшей?

Пышка молчитъ.

— Ну, что же, Орлова? — официальнымъ тономъ спрашиваетъ Сережка. — Тебя всѣ ждутъ.

— Онъ жмалъ, пищитъ Пышка еле слышнымъ голосомъ.

Всѣ какъ захохочутъ. Сережка зазвонилъ въ колокольчикъ:

— Публика, ведите себя приличнѣй, иначе очищу залъ засѣданія. Итакъ, Орлова, ты считаешь себя потерпѣвшей?

— Да ничего подобнаго! — заоралъ Колька Палтусовъ изъ публики. — Просто, она признаетъ, что жмалъ.

— Палтусовъ, еще одно восклицаніе — и ты уйдешь изъ зала засѣданія. Что же, Орлова, это тебѣ пріятно было?

— Непріятно, — пищитъ Пышка.

— Такъ почему же ты не обращалась къ дежурному шкрр... школьному работнику?

— Боялась.

— Чего боялась?

— Да-а, чего... — пищитъ Пышка, — а вздуютъ.

Всѣ опять захохотали. Сережка говорить:

— Это вздоръ, Орлова. гдѣ это ты видала у насъ въ школѣ, что мальчишки бьютъ дѣвочекъ?

— Сколько разъ, — отвѣчаетъ Пышка.

— Разрѣшите мнѣ вопросъ, — ввязалась Зинь-Пална изъ публики. — Скажите, Орлова, а почему эти драки не доводятся до свѣдѣнія школьных работниковъ и почему никто о нихъ не знаетъ?

— Да вѣдь это — игра, — отвѣчаетъ Пышка. — А бываетъ, что дѣвочки бьютъ мальчиковъ.

— Ну, пока довольно, Орлова, — сказалъ Сережка Блиновъ — Теперь свидѣтели. Судъ вызываетъ только одну свидѣтельницу: гражданку Каурову, которая была въ этотъ день дежурнымъ шкрр... школьнымъ работникомъ. Елена Никитишна, что вы можете сказать по этому дѣлу?

— Я могу сказать то, — говоритъ Елиникитка, — что Рябцевъ, какъ мальчикъ безнравственный, несомнѣнно былъ въ главѣ той шайки, которая нападала на Орлову. То, что и онъ и Орлова называютъ игрой, вовсе не игра, а безобразіе. Въ школѣ это недопустимо. Если бы это былъ не Рябцевъ, еще можно было бы думать, что тутъ невинная дѣтская шалость. Но о Рябцевѣ существуютъ другіе свѣдѣнія.

— Ну, о другихъ свѣдѣнiяхъ мы говорить не будемъ, — сказалъ Сережка. — Кто еще желаетъ дать свидѣтельскiя показанiя?

— Я, — говоритъ Колька Палтусовъ.

— Что же ты можешь сказать? Да говори поскорѣй.

Тутъ вдругъ — Сильва:

— Я выношу протестъ, что предсѣдатель подгоняетъ свидѣтелей.

— Ну, ладно, — отвѣчаетъ Сережка — Всѣмъ нечего тянуть. Говори, Палтусовъ.

— Ну, вотъ, — началъ Колька. — Я тоже въ этомъ участвовалъ и не понимаю, почему судятъ одного Рябцева. Была обыкновенная возня, и если судить, то придется судить всю школу и по нѣскольку разъ въ день. Пускай сами шкрабъ: вспомнить, возились они или нѣтъ, когда были маленькiе или хотя бы во второй ступени...

— Говори: школьные работники, Палтусовъ, — поправилъ Сережка.

— Ну, школьные работники, это все равно. И въ литературѣ написано, какъ возились. Только имъ раньше была дана большая власть, и за возню учителя въ старой школѣ избивали и драли ребятъ, а теперь — нельзя, вотъ они и придумали судъ...

— Судъ никто не придумывалъ, — строго перебилъ Сережка. — Судъ есть организованная форма совѣтской общественности. Ну довольно. Слово предоставляется обвинителямъ. Александръ Максимовичъ, пожалуйста.

И вдругъ Алмакфишъ неожиданно заявляетъ:

— Я отказываюсь отъ слова, потому что дѣло и такъ ясное.

Всѣ посмотрѣли на него съ недоумѣнiемъ. Послѣ этого выступила Нинка Фрадкина — второй обвинитель:

— Я, — говоритъ, — требую, чтобы Костю Рябцева обязательно наказали какъ можно строже: напимѣръ, выгнали бы изъ школы. Потому что у него руки не на привязи, и онъ не можетъ пройти мимо дѣвочки, чтобы не вытянуть ее за спинѣ...

— А сама-то на прошлой недѣлѣ меня за волосы дернула, — говорю я.

— Подсудимый, твоя рѣчь впереди, а сейчасъ молчи, — это Сережка.

— Я — одинъ разъ, а ты меня — сколько разъ, — говорить Нинка. — Потомъ онъ вѣрно постоянно устраиваетъ жманье Лены Орловой. Они всѣ говорятъ, что имъ нравится, какъ она пищитъ. Ну, а если имъ понравится, какъ я ору или какъ я хлопаю ихъ по щекамъ туфлей, то они меня тоже будутъ жмать? А это безобразіе, если они всѣхъ дѣвочекъ начнутъ жмать. Поэтому я требую примѣрнаго наказанія для Рябцева, и если не изъ школы исключить, то по крайней мѣрѣ, дать ему сто задачъ по математикѣ, и чтобы онъ всѣхъ ихъ рѣшилъ въ недѣлю.

— Ученьемъ не наказываютъ, — говоритъ Сережка. — Теперь пусть говорятъ защитники. Ты, что ли, Дубинина, первая.

— Могу и я, — говоритъ Сильва и вскочила съ мѣста. Поглядѣлъ я на нее — и не узналъ: глаза горятъ, волосы закружились и растрепались.

— Если, — говоритъ, — исключать Рябцева, то нужно исключить и всѣхъ остальныхъ мальчиковъ. Пусть остаются однѣ дѣвчата. Потому что и Фрадкина, которая обвиняла Рябцева, и всѣ остальные прекрасно понимаютъ, что не Рябцевъ одинъ виноватъ, а всѣ мальчики. Въ коридорахъ и въ залѣ идетъ постоянная возня, и не разберешь, кто кого колотитъ или кто съ кѣмъ возится. Но здѣсь мы пойдемъ противъ идеологій Совѣтской власти, которая ввела совмѣстное обученіе для того, чтобы раскрѣпить женщину и установить равенство половъ, конечно, можетъ, Рябцевъ рукоприкладствуетъ чаще, чѣмъ другіе, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы должны нарушать установленный революціей порядокъ и раздѣлять дѣвочекъ отъ мальчиковъ. Почему ко мнѣ никто никогда не лѣзетъ ни съ любезностями, ни съ колотушками? Потому что я этого не желаю и никогда не допущу. Такъ же и другіе. вмѣсто приговора Рябцеву :

предлагаю вынести приговоръ всѣмъ дѣвчатамъ, которые любятъ возню, а потомъ предлагаю другихъ исключить...

— Теперь Николай Петровичъ — говоритъ Сережка.

— Мнѣ, пожалуй, послѣ Дубининой говорить больше и нечего, — сказалъ Никпетождъ. — Но все же я могу добавить. Въ каждомъ человѣкѣ борются два начала: доброе и злое. Люди въ свое время воплотили это въ противопоставленіе Богъ и чортъ, свѣтъ и тьма, и такъ далѣе. И въ литературу это отразилось. Напримѣръ, есть такая драма Шекспира "Король Генрихъ". Тамъ описывается, какъ принцъ Генрихъ водитъ знакомство съ пьяницей и распутникомъ Фальстафомъ, нападаетъ вмѣстѣ съ нимъ на прохожихъ, кутитъ, и все такое прочее. Но вотъ Генрихъ становится королемъ, Фальстафъ спѣшитъ къ нему, думая, что теперь-то Генрихъ наградитъ его и опять начнетъ кутить безо всякаго удержу, но тутъ-то Фальстафъ и ошибается. Генрихъ едва вспоминаетъ Фальстафа, — и то какъ тяжелый, кошмарный сонъ... Это надо понимать такъ. Въ каждомъ человѣкѣ сидятъ и Генрихъ и Фальстафъ. Можетъ иногда — особенно въ молодости — брать верхъ и Фальстафъ, но достаточно, чтобы человѣкъ почувствовалъ отвѣтственность передъ другими, — и одолеваетъ Генрихъ, и тогда фальстафовщина вспоминается какъ тяжелый сонъ... Теперь вы хотите осудить поступки Рябцева въ которыхъ — я согласенъ съ Дубининой — ничего особеннаго и нѣтъ: обыкновенная школьная возня. Не допустимъ, что это — фальстафовщина въ Рябцевѣ, которая исчезнетъ, какъ дымъ. А обвинительными приговорами мы толкнемъ Рябцева, къ противодѣйствию и къ продолженію фальстафовщины... А вѣдь въ Рябцевѣ больше — принца Генриха, чѣмъ Фальстафа, т.-е. я хочу сказать больше добра, чѣмъ зла...

Тутъ какъ сорвется съ мѣста Алмакфишъ.

— Позвольте мнѣ слова — кричитъ. — Я, какъ обвинитель, имѣю возразить защитнику. Николай Петровичъ тутъ говорилъ про добро и зло, и что въ Рябцевѣ больше добра, чѣмъ зла. Я настаиваю и утверждаю, что **качественно** по-

ступокъ Рябцева стоитъ по ту сторону добра и зла, а количественно онъ являетъ изобиліе эпохи. Я кончилъ.

Такъ никто и не понялъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. (А Никпетожъ любитъ Шекспира, и ужъ куда его только не суетъ!).

— Имѣете послѣднее слово, подсудимый, — говоритъ Сережка Блиновъ.

— Я себя оправдывать не стану, — сказалъ я. — Я не виноватъ, и всѣ это знаютъ, поэтому если я буду оправдываться, значить буду защищать эту комедію. Но вотъ что я хочу сказать. Тутъ сначала Николай Петровичъ, а потомъ Александръ Максимовичъ говорили насчетъ добра и зла. Изъ политграмоты видно, что никакого добра и зла не существуетъ, а все зависитъ отъ экономическихъ отношеній, а добро и зло — это есть идеализмъ. Я, напримѣръ, думаю, что во мнѣ нѣтъ никакого добра и зла: когда я сытъ, то добрый, а когда голоденъ — тогда и злѣй и если ко мнѣ пристають, то могу отдубасить. Вотъ и все.

Засѣдатели ушли и совѣщались ровно пять минутъ. Когда они вышли, у меня сердце такъ и схватило: а вдругъ приговорили выставить изъ школы? Но Володька Шмерцъ прочелъ:

— ...поставить Рябцеву на видъ его поведеніе и прекратить жманіе, а Орловой и другимъ дѣвочкамъ тоже поставить на видъ, чтобы не позволяли себя лапать и жмать .

Все вышло по-сильвиному.

28 августа.

Вышла новая стенгазета, безъ номера и безъ подписей, подъ заглавіемъ: "За Никпетожа".

Такъ какъ я до сихъ поръ не рѣшилъ, къ какой партіи мнѣ присоединиться, то я не только въ этой газетѣ не участвую, но даже и знаю, кто ее выпускалъ. Сильва тоже не знаетъ.

Тамъ есть такая статейка:

МЕДИЦИНА. — БОРЬБА СЪ ЯЗЫКОЧЕСОТКОЙ.

Профессоромъ Ив. Ив. Дураковымъ найденъ способъ леченія языкочесотки, въ послѣднее время распространившейся до размѣровъ угрожающей эпидеміи. Многоуважаемое свѣтило медицинскаго мира, получившее, кстати сказать, на дняхъ нобелевскую премію въ размѣрѣ двухъ соленыхъ огурцовъ, посвятило борьбѣ съ вышеуказанной болѣзнью меньшую половину своей жизни.

И. И. Дураковымъ найдена языкочесоточная бацилла, распространяемая укусами глупоповодиса при сильно развитомъ бездѣльимусѣ,

Нашъ маститый ученый привилъ вполнѣ самоотверженно указанную бациллу — себѣ, отчего сталъ болтать до 1.000 словъ въ минуту, изъ нихъ — 120 проц., гнуснѣйшей сплетневой чепухи. Благодаря, однако, геройской выдержкѣ ученаго, имъ было открыто средство для борьбы съ болѣзнью.

Средство это, состоящее изъ вытяжекъ изъ Каутскаго и другихъ марксистскихъ авторовъ, писавшихъ о марксистской этикѣ, наявано Ив. Ив. Дураковымъ **антисплетницинъ**.

Принимать рекомендуется въ свободное отъ занятій время, а также передъ сномъ.

Помимо **антисплетницина** тов. Дураковъ установилъ особую дисциплину лѣченія страшной болѣзни. Больной, находящийся на излеченіи, для достиженія благопріятныхъ результатовъ (сниженіе бацилловой продукціи до 25 сплетушковъ въ минуту) долженъ безостановочно обсуждать слѣдующія темы:

1) сравненіе поджога Москвы въ 1813 году съ имѣвшимъ мѣсто въ нашей школѣ поджогомъ шкрабскихъ правилъ,

2) черты сходства и различія между моторной лодкой, скюртукомъ, гвоздемъ и панихидой,

3) проблема закуриванія папиросъ о блестящія лысины (доказать математически),

Въ бесѣдѣ съ нашимъ репортеромъ **ѣр.** Дураковъ заявилъ, что первоначально онъ обратилъ вниманіе на языкочесоточ-

ную бациллу въ мировомъ масштабѣ (когда ноты Керзона перевалили за размѣръ воскреснаго "Таймса"). Послѣ того какъ эпидемія захлестнула и СССР, профессоръ переѣхалъ для специальныхъ изслѣдованій въ Россію, гдѣ и натолкнулся на нашу школу. На-дняхъ профессоръ начнетъ пользоваться больныхъ языкочесоткой въ нашей школѣ.

Скипидаръ для смазыванія языковъ у больныхъ заготовленъ въ количествѣ нѣсколькихъ тоннъ.

Все это очень хорошо, и я съ этимъ вполне согласенъ, и у меня съ каждымъ днемъ все мучительнѣй развивается внутренняя борьба. За кого мнѣ быть: за Никпетожа или противъ. Ходятъ слухи, что Никпетожъ окончательно и безповоротнѣе уйдетъ. Безъ него въ школѣ будетъ пусто.

Я сказалъ про свои сомнѣнія Сильвѣ, она говоритъ, что ей тоже тяжело, но принципъ — прежде всего. И, кромѣ того, Сильва говоритъ, что уже давно извѣстно, что личность не играетъ въ исторіи никакой роли. Это-то вѣрно...

29 августа.

Я, наконецъ, рѣшился — и обратился прямо къ Никпетожу.

— Николай Петровичъ, — спрашиваю. — Когда личное и общественное сталкиваются, тогда чему слѣдуетъ отдать предпочтеніе?

— Общественному, — отвѣтилъ Никпетожъ.

— Такъ. Поэтому... я не могу быть въ партіи, которая за васъ. Хотя мнѣ это очень тяжело, я принужденъ быть въ противной партіи

— Не нужно никакихъ партій, — сказалъ Никпетожъ, и мнѣ показалось, что ему тяжело говорить. — Я знаю, что я... не правъ. Я ухожу изъ школы. Я на нѣкоторое время поставилъ личное выше общественнаго.

Я чуть не заплакалъ. Разговоръ этимъ кончился.

30 августа.

Мы съ Сильвой — комсомольцы. Всѣ инстанціи насъ утвердили. Намъ поручено организовать въ школѣ форпостъ пионеровъ. Это — наша первая партнагрузка.

Сегодня стало окончательно извѣстно, что Н. П. Ожеговъ уходитъ изъ школы. Я буду ходить къ нему на квартиру.

1 сентября.

Я вошелъ въ школьный совѣтъ отъ форпоста. Пioniры меня качали. Меня почему-то младшіе ребята любятъ.

Да здравствуетъ нашъ форпостъ!

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Первый триместръ

	Стран.
Первая тетрадь	5
Вторая тетрадь	22
Третья тетрадь	37

Второй триместръ

Первая тетрадь	55
Вторая тетрадь	70

Лѣтній триместръ

Общая тетрадь	107
---------------------	-----

ПОСЛѢДНІЯ НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Я. Е. ПОВОЛОЦКАГО и К-о.

Я. Цвибакъ. — “Старый Парижъ” съ иллюстр.	0.70
Я. Цвибакъ. — “Монмартръ” съ иллюстр. ...	0.60
Донъ-Аминадо. — “Наша маленькая жизнь”.	0.60
Б. Соколовъ. — “Преступленіе д-ра Гарина”	0.60
В. Зензиновъ. — “Желѣзный скрежетъ”	0.70
Н. Милинъ. — “Соль земли” (романъ)	0.90
Веймарнъ. — “Корнетъ Корсаковъ” (романъ)	1.40
Маркеловъ. — “На берегу Москва-рѣки” (ром.)	0.70
“Родные писатели”, біографіи для дѣтей ..	0.35
П. Германъ. — “Парижъ Пламенѣющій”	0.30
Эйхенбаумъ. — “Стихотворенія”	0.50
С. Персъ. — “Анабазисъ” (на роск. бумагѣ).	0.50
Б. Соколовъ. — “Эдвардъ Бенешъ”	0.60
Фіалко. — “Пассивность”	0.50
Насродекая. — “Тайна сонетовъ” (ром.) ...	0.60
Перскій. — “Швейцарскія легенды”	0.60

На складѣ большой выборъ новинокъ, вышедшихъ въ сов. Россіи и заграницей.

КАТАЛОГИ и справки по требованію **БЕЗПЛАТНО.**

